

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МАРКС
и
ЭНГЕЛЬС
О
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СОЮЗАХ

ПРОФИЗДАТ · МОСКВА · 1940

В настоящий сборник вошли произведения и письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса о рабочем и профессиональном движении.

Материал книги расположен в хронологическом порядке.

В конце каждого материала дается ссылка на источник. Материал, взятый из сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, сверен с немецкими, английскими и французскими оригиналами. Наиболее существенные недочеты, допущенные в свое время при переводах, в этих материалах устранены.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Великие основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс впервые научно обосновали необходимость и историческую неизбежность профессиональных союзов, определили роль профсоюзов в общеклассовой борьбе пролетариата и сформулировали программу их деятельности.

В «Ницете философии» Маркс указывал: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция разъединяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения, — этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес, — соединяет рабочих на одной и той же мысли о сопротивлении, о **коалиции**. ...отдельные коалиции этих последних формируются в группы, и в противовес всегда объединенному капиталу сохранение союза становится для них даже более необходимым, чем охрана заработной платы от падения... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени, коалиция принимает политический характер» (см. настоящий сборник, стр. 44).

В. И. Ленин об этом положении марксизма писал: «Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы» (Соч. Т. XVIII, стр. 29).

В инструкции делегатам временного Центрального совета на Женевском конгрессе Международного товарищества рабочих Маркс писал:

«Независимо от своих первоначальных целей, они (профсоюзы. — *Изд.*) должны теперь научиться сознательно действо-

вать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей главной задачей его полное освобождение. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, направленное к этой цели... Профессиональные союзы должны убедить весь мир в том, что они борются не за узкие личные интересы, а за освобождение угнетенных миллионов» (см. настоящий сборник, стр. 124—125).

Партия Ленина—Сталина, вождь и организатор советских профсоюзов, руководствуясь этими положениями марксизма о роли и задачах профсоюзов, развила дальше и обогатила учение Маркса и Энгельса о профсоюзах новым опытом революционной борьбы рабочего класса в эпоху империализма и пролетарских революций. Именно благодаря этому советские профсоюзы на протяжении всей своей истории являлись и являются боевыми организациями рабочего класса. Под руководством партии Ленина—Сталина профсоюзы активно боролись за победу Великой Октябрьской социалистической революции в СССР.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях социалистического государства роль и задачи профессиональных союзов изменились в корне. Советские профессиональные союзы являются школой управления, школой хозяйничанья, школой коммунизма. «...задачи профессиональных союзов—быть строителями новой жизни, быть воспитателями новых миллионов и десятков миллионов, которые бы на своем опыте учились не делать ошибок, отбрасывать старые предрассудки, учиться на своем опыте управлять государством и управлять производством...» (Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 493).

Настоящий сборник произведений К. Маркса и Ф. Энгельса должен помочь профсоюзному активу в овладении великим учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о профессиональных союзах.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Из книги «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ».

VIII.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Что английские рабочие не могут чувствовать себя счастливыми в том положении, в котором они находятся, должно быть, мне кажется, ясно всякому, даже если бы я не доказывал этого таким множеством примеров. Всякий, я думаю, согласится, что в этом положении человек или целый класс людей не может по-человечески жить, чувствовать и мыслить. Ясно, что рабочие должны стремиться выйти из этого положения, превращающего их в животных, и добиться лучшего положения, более достойного человека. Добиться же этого они не смогут, не нападая на интересы буржуазии как таковой, интересы, заключающиеся в эксплуатации рабочих. Буржуазия защищает эти интересы всеми средствами, которые предоставляют ей ее собственность и находящаяся в ее распоряжении государственная власть. Поскольку рабочий хочет освободиться от теперешнего положения вещей, буржуа становится заклятым его врагом.

Кроме того, рабочий каждую минуту видит, что буржуазия обращается с ним как с вещью, как с своей собственностью, и по одному этому он становится ее врагом. Я уже выше показал на множестве примеров, число которых я мог бы увеличить до бесконечности, что при современных условиях рабочий может сохранить свое человеческое достоинство, только ненавидя буржуазию и возмущаясь против нее. А чтобы он мог протестовать против тирании имущих классов с сильнейшей страстью, об этом заботится его воспитание или, скорее, отсутствие воспитания, равно как и та значительная примесь горячей ирландской крови, которая имеется у английского рабочего класса. — Английский рабочий уже не англичанин, не расчетливый коммерческий человек, как его имущий соотечественник; чувства у него сильнее, а природная холодность северянина уравновешивается страстями, имевшими возможность развиться и получить власть над ним. Рассудочность, столь сильно содей-

ствующая развитию эгоистических задатков у английского буржуа, сделавшая себялюбие его главной страстью и сосредоточившая всю силу его чувства на одной только наживе, у рабочего совершенно отсутствует, благодаря чему страсти его так же сильны и могучи, как и у иностранцев. Черты английского национального характера у рабочих исчезли.

Мы говорили уже выше, что единственной ареной проявления человеческих чувств для рабочего остался протест против его положения. Поэтому вполне естественно, что именно в этом протесте рабочие должны обнаружить самые симпатичные, самые благородные, самые человеческие свои черты. Мы ниже увидим, что вся сила, вся энергия рабочих направляется именно в эту сторону и что даже все их старания приобрести общее образование находятся с этим в непосредственной связи. Нам придется, правда, сообщить об отдельных насилиях и даже жестокостях рабочих, но при этом всегда следует иметь в виду, что в Англии социальная война ведется открыто и что если в интересах буржуазии — вести эту войну под лицемерным покровом мира и даже филантропии, то в интересах рабочего — разрушение этой лицемерной личины, раскрытие истинного положения вещей. Другими словами, необходимо помнить, что даже самые насильственные враждебные действия рабочих против буржуазии и ее слуг представляют лишь прямое, ничем не прикрытое выражение тех чувств, которые буржуазия по отношению к рабочим проявляет скрыто и исподтишка.

Возмущение рабочих против буржуазии началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазисы. Здесь не место подробно останавливаться на историческом значении этих фазисов для развития английского народа. Вопросом этим я, может быть, займусь в особой книге, а здесь ограничусь одним изложением фактов, поскольку они необходимы для характеристики положения английского пролетариата.

Первой, наиболее грубой и самой бесплодной формой этого возмущения было преступление. Рабочий жил в нужде и нищете и видел, что другим людям живется лучше, чем ему. Он не мог понять, почему именно он, который делает для общества больше, чем богатый лентяй, должен жить в таких условиях. Нужда к тому же победила его врожденное уважение к собственности, и он стал воровать. Мы видели, что, по мере развития промышленности, число преступлений возрастало и что годовое число арестов находится в постоянном отношении к числу перерабатываемых кип хлопка.

Но рабочие скоро заметили, что воровство не помогает. Преступники могли протестовать путем воровства против существующего общественного строя только как отдельные лица; вся мощь общества наваливалась на каждого в отдельности и подавляла его чрезмерным превосходством своих сил. К тому же

кража была самой некультурной, самой бессознательной формой протеста и уже по одному этому не могла стать всеобщим выражением общественного мнения рабочих, хотя бы они в душе одобряли ее. Как рабочий класс рабочие впервые восстали против буржуазии тогда, когда силой воспротивились введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота. Первых изобретателей, как Аркрайта и др., преследовали именно таким образом, и машины их разбивали. Впоследствии начался ряд восстаний против введения машин, происходивших почти так же, как произошли волнения божемских набойщиков в июне 1844 г.: ломались машины и разрушались фабрики.

Эта форма протеста носила также излированный характер, ограничивалась известными местностями и была направлена только против одной стороны современного строя. Притом же едва рабочим удавалось достичь временного успеха, как сила общества всей своей тяжестью вновь обрушивалась на беззащитных преступников, подвергая их всевозможным карам, а машины все же вводились. Было поэтому необходимо найти новую форму протеста.

В это время подоспел закон, изданный старым нересторнированным, олигархически-торийским парламентом, — закон, который впоследствии, когда билль о реформе узаконил противоречие между буржуазией и пролетариатом и сделал буржуазию правящим классом, никогда не прошел бы через Нижнюю палату. Закон этот прошел в 1824 г. и упразднил все акты, воспрещавшие до тех пор союзы рабочих. Рабочие получили *право ассоциаций*, — право, принадлежавшее до тех пор только аристократии и буржуазии. Тайные союзы существовали, правда, и раньше среди рабочих, но крупных результатов они никогда не могли дать. Так, например, в Шотландии произошла, как рассказывает Саймонс («Arts and Artizans», стр. 137 и сл.), уже в 1812 г. общая стачка ткачей в Глазго, подготовленная тайным союзом. В 1822 г. стачка повторилась. Двум рабочим, которые не пожелали примкнуть к союзу и были поэтому объявлены изменниками своему классу, облили лица серной кислотой, так что они оба ослепли. В 1818 г. ассоциация шотландских рудокопов была настолько уже сильна, что ей удалось провести всеобщую забастовку. Каждый член ассоциации давал обет верности и соблюдения тайны. Имелись у них списки членов, кассы, счетоводство и филиальные отделения. Но так как вся деятельность этих союзов совершалась подпольно, то они правильно развиваться не могли. Когда же рабочие в 1824 г. получили право свободной ассоциации, союзы эти очень быстро распространились по всей Англии и сильно развились. Во всех отраслях труда образовались такие союзы (*trades-unions*), открыто стремившиеся к защите каждого отдельного рабочего от тираннии и несправе-

длительности буржуазии. Целью их было: установление заработной платы, введение переговоров с работодателями всем коллективом, являвшимся *силой*, регулирование заработной платы соответственно с прибылью работодателя, повышение заработной платы при удобном случае и удержание ее в каждой отрасли труда во всех фабриках на одном и том же уровне. Поэтому они вели обыкновенно переговоры с капиталистами об установлении обязательной для всех нормы заработной платы, а если кто отказывался принять эту норму, они объявляли у него стачку.

Далее, путем ограничения приема учеников, они старались поддержать спрос на рабочих и тем удержать заработную плату на известной высоте, старались по мере возможности противодействовать фабрикантам, когда те пытались введением новых машин и инструментов обходным путем понизить заработную плату, и, наконец, поддерживали денежной помощью безработных рабочих. Последнее делалось или прямо из кассы союза, или при помощи карточки, которой удостоверялась личность рабочего и с которой он переходил с места на место, получая от товарищей по профессии поддержку и указания, куда обратиться за работой. Эти скитания называются у рабочих *the tramp*, а странствующий называется *tramp*. Для осуществления всех этих целей избираются председатель и секретарь союза на жалованьи, — надо ожидать, что ни один фабрикант таким людям работы не даст, — и комитет, собирающий еженедельные взносы и наблюдающий за расходом их в интересах союза. Когда это было возможно и оказывалось выгодным, ассоциации отдельных округов объединялись в федеративные союзы и устраивали через определенные промежутки времени собрания делегатов. В отдельных случаях делались попытки объединить всех рабочих одной профессии в один большой союз, а несколько раз — впервые в 1830 г. — пытались создать общую ассоциацию рабочих всей Англии с тем, чтобы каждая профессия сохранила свою собственную организацию. Эти ассоциации редко, однако, оказывались долговечными и большей частью даже не осуществлялись, ибо только чрезвычайное общее возбуждение может создать такие союзы и сделать их жизнеспособными.

Средства, которые союзы эти применяют для достижения своих целей, состоят в следующем. Если один или несколько предпринимателей отказываются принять норму заработной платы, установленную союзом, к ним отправляют депутацию или им подается петиция (рабочие, как видите, умеют оценить власть фабриканта, неограниченного властелина в его маленьком государстве-фабрике). Если это не помогает, союз отдает приказ прекратить эту работу, и все рабочие уходят домой. Забастовка эта (*turn-out* или *strike*) может быть частичной,

если один или несколько фабрикантов отказываются признать норму заработной платы, установленную союзом, или всеобщей, если отказываются все фабриканты данной отрасли труда. Таковы законные средства союза — законные лишь в том случае, если забастовке предшествовало предупреждение, что бывает не всегда. Но, покуда есть рабочие, стоящие вне ассоциации или выходящие из нее ради минутных выгод, предлагаемых фабрикантом, эти законные средства оказываются мало действительными. Особенно при частичных забастовках фабриканту легко набрать рабочих из числа этих «паршивых овец» (называемых knobsticks) и парализовать таким образом усилия объединенных рабочих. Члены союза обыкновенно осыпают этих knobstick'ов угрозами, бьют их, бранят и так или иначе стараются их запугать. Те жалуются в суд, а так как благоговящая перед законом буржуазия сохраняет в своих руках всю власть, первый же незаконный акт, первая судебная жалоба против членов союза почти всегда разрушает силу ассоциации.

История этих союзов есть повесть о длинном ряде поражений рабочих, прерываемом иногда отдельными победами. Само собой понятно, что все усилия союзов не в состоянии изменить того экономического закона, согласно которому заработная плата определяется взаимоотношением спроса и предложения на рабочем рынке. Поэтому союзы бессильны устранить *важнейшие* причины, влияющие на это взаимоотношение. Во время промышленного кризиса союзу приходится либо самому понижать заработную плату, либо совсем распаться, а в случае значительного спроса на труд он не может установить заработную плату выше того уровня, на котором она сама собой установилась бы, в результате конкуренции капиталистов. Но зато они могут влиять на более мелкие причины, носящие частный или местный характер. Если бы фабрикант не имел перед собой концентрированной массы рабочих, готовой на отпор, он в своих интересах постепенно все более и более понижал бы заработную плату; конкуренция, которую ему приходится вести с другими фабрикантами, даже заставила бы его это делать, и заработная плата скоро упала бы до минимума. Вот эта конкуренция фабрикантов *между собой при нормальных условиях* может быть парализована оппозицией рабочих. Каждый фабрикант знает, что на всякое сокращение заработной платы, не оправдываемое условиями, в которых находятся и его конкуренты, рабочие ответят стачкой, которая несомненно нанесет ему вред, потому что вложенный в дело капитал будет лежать без оборота и машины заржавеют. При всем том он далеко не может быть уверен в том, что в конце концов он этого сокращения заработной платы добьется, но зато он вполне уверен в том, что если это ему удастся, его конкуренты

последуют его примеру и в то же время понизят цены на вырабатываемый ими фабрикат, так что барыш, на который он надеялся, опять ускользнет из его рук. Если после кризиса заработная плата и без содействия союза повысилась бы, то под давлением союза это увеличение пойдет быстрее. Фабрикант, соблюдая свои интересы, не повысит заработной платы раньше, чем конкуренция других предпринимателей его к этому не принудит; между тем раз существует союз, рабочие сами требуют повышения заработной платы, как только положение дел на рынке улучшается, и фабриканты ввиду незначительного предложения труда и во избежание забастовки часто уступают их требованиям. Но, как я уже сказал, против более важных причин, изменяющих условия рабочего рынка, союзы беспомощны. В таких случаях голод заставляет рабочих приступить к работе на каких угодно условиях, а как только приступят к работе немногие, сила союза сломлена, потому что эти немногие knobstick'и, при наличии на рынке некоторых запасов товара, дают возможность буржуазии устранить самые тяжелые последствия перерыва в ходе производства. Фонды союза быстро истощаются, так как множество членов нуждается в поддержке; лавочники, дававшие до тех пор товары в кредит за высокие проценты, отказывают теперь в кредите, и нужда заставляет рабочих снова подчиниться игу буржуазии. Но фабриканты в своих собственных интересах, — конечно, это стало их интересом только ввиду оппозиции рабочих, — избегают всякого ненужного сокращения заработной платы, между тем как рабочие видят в каждом таком понижении, хотя бы оно было вызвано состоянием рынка, ухудшение своего положения, от которого они стараются по мере возможности оградить себя, и поэтому большинство стачек кончается неблагоприятно для рабочих. Является вопрос, почему же рабочие объявляют стачку в таких случаях, когда бесполезность этой меры ясна для всякого? Да просто потому, что они *должны* протестовать против понижения заработной платы, даже против необходимости этого понижения, потому что они должны заявить, что они, как люди, не могут применяться к обстоятельствам, а обстоятельства должны быть приспособлены к ним, к людям; молчание их было бы примирением с этими обстоятельствами, признанием за буржуазией права в периоды, благоприятные для торговли, эксплуатировать рабочих, а во время застоя давать им умирать с голода. Рабочие должны против этого протестовать, покуда они не потеряли окончательно своего человеческого достоинства. Протестуют же они именно *таким образом*, а не иначе потому, что они — англичане, люди практические, и выражают свой протест действиями, а не отправляются спокойно спать, подобно немецким теоретикам, как только их протест занесен в протокол и приложен

к делу, чтобы там так же мирно спать, как сами протестанты. Активный протест англичанина, напротив, не остается без влияния: он удерживает алчность буржуазии в известных границах и не дает заглухнуть среди рабочих духу протеста против общественного и политического всемогущества имущего класса, заставляя их в то же время признать, что для того, чтобы сломить могущество буржуазии, нужно нечто большее, чем рабочие союзы и стачки. Важны же эти союзы и вызываемые ими стачки главным образом потому, что они представляют собой первую попытку рабочих *уничтожить конкуренцию*. Наличие их предполагает уже понимание того, что господство буржуазии основывается только на конкуренции рабочих между собой, т. е. на отсутствии солидарности между ними, на противоположении интересов одних рабочих интересам других. И именно потому, что все усилия их направлены, хотя, правда, и односторонне и узко, против конкуренции, против жизненного нерва современного социального строя, именно потому они для этого строя опасны. Рабочий не мог бы найти более уязвимого места буржуазии и вместе с ней всего современного общественного строя. Когда конкуренция рабочих между собой прекратится, когда все рабочие согласятся между собой и примут решение не давать более буржуазии эксплуатировать их, царству собственности наступит конец; заработная плата только потому зависит от условий спроса и предложения, от случайного состояния рабочего рынка, что рабочие до сих пор позволяли обращаться с собой как с вещью, которую можно покупать и продавать. Когда рабочие решатся положить конец такому состоянию вещей, когда они при установлении стоимости труда будут выступать не как вещи, а как *люди*, обладающие не только рабочей силой, но и волей, всей современной политической экономии и законам заработной платы наступит конец. Конечно, если бы рабочие остановились на этом, если бы они удовлетворились только уничтожением конкуренции между собою, законы заработной платы в конце концов снова проявили бы свое значение. Но они не могут на этом остановиться, не отказавшись от всего своего движения, не восстановив опять этой самой конкуренции. Одним словом, они этим ограничиться не могут. Они должны уничтожить не *часть* конкуренции, а конкуренцию вообще, и они это сделают. Рабочие уже и теперь с каждым днем все более и более начинают понимать, какой вред наносит им конкуренция, они лучше, чем буржуазия, понимают, что конкуренция имущих между собой давит и рабочего, вызывая торговые кризисы, и что ее тоже нужно устранить. Скоро они поймут, как это нужно сделать.

Нечего, я думаю, доказывать, что союзы эти в значительной мере содействуют усилению ненависти и озлоблению рабочих против имущего класса. От них поэтому исходят — с ведома

или без ведома руководителей — в периоды особенного возбуждения отдельные поступки, которые можно объяснить ненавистью, доведенной до отчаяния, дикой страстью, ломающей все границы. К таким поступкам следует отнести упомянутые выше случаи обливания серной кислотой, как и ряд других, из которых я приведу здесь несколько. В 1831 г. во время бурного рабочего движения был застрелен однажды вечером в поле молодой Аштон, фабрикант из Гайда близ Манчестера, и убийца открыт не был. Нет никакого сомнения, что убийство это было делом мести со стороны рабочих. — Очень часто случаются поджоги и покушения на взрывы. В пятницу 29 сентября 1843 г. была сделана попытка взорвать мастерскую пил фабриканта Пэджина на Говард-стрите в *Шеффилде*. Воспользовались для этого железной трубкой, наполненной порохом и наглухо закрытой. Убытки были довольно значительны. На другой день, 30 сентября, была сделана такая же попытка на фабрике ножей и напильников Ибетсона в *Шельсмуре близ Шеффилда*. Фабрикант этот возбудил ненависть рабочих деятельным участием в буржуазных организациях, низкой оплатой труда своих рабочих, которых он набирал исключительно из knobstick'ов, и спекуляцией законами о бедных в свою пользу (во время кризиса 1842 г. он, чтобы заставить рабочих согласиться на низкую заработную плату, сообщил попечительству о бедных имена всех, кто на нее не соглашался, представляя их людьми, которые могут получить работу, но не хотят, и потому не заслуживают поддержки). Взрыв причинил довольно значительный вред, и все рабочие, приходявшие на место происшествия, сожалели только о том, что не вся фабрика взлетела на воздух. — В пятницу 6 октября 1843 г. была сделана попытка поджечь фабрику Энсворта и Кромптона в *Больтоне*, не причинившая никакого вреда. Это была уже третья или четвертая попытка на этой фабрике за очень короткое время. — В заседании городского совета *Шеффилда* в среду 10 января 1844 г. полицейский комиссар демонстрировал специально приспособленную для взрыва машину из чугуна, наполненную четырьмя фунтами пороха и с обожженным, потухшим фитилем; она была найдена на фабрике г. Китчена на Эрл-стрите в *Шеффилде*. — В воскресенье 20 января 1844 г. произошел взрыв на лесопильном заводе Бентли и Уайта в *Бери* (в Ланкашире). Произведен он был брошенным внутрь фабрики пакетом с порохом и причинил значительный вред. — В четверг 1 февраля 1844 г. был подожжен и сделанся жертвой пламени колесный завод Сого в *Шеффилде*. — Вот вам шесть таких случаев за четыре месяца, и все они были вызваны озлоблением рабочих против работодателей. Незачем мне указывать на то, каков должен быть социальный строй, при котором такие вещи возможны. Факты эти с достаточной ясностью дока-

зывают, что в Англии объявлена и открыто ведется социальная война, причем она не прекращается даже в такие цветущие периоды, как конец 1843 г. И все же английская буржуазия не хочет образумиться! — Но самым красноречивым фактом является процесс *глазговских thug'ов**, разбившийся в суде присяжных в Глазго от 3 до 11 января 1838 г. Из разбора дела выяснилось, что союз прядильщиков, существовавший там с 1816 г., имел совсем особую организацию и был чрезвычайно могущественным. Члены его обязывались клятвою подчиняться решению большинства. Во время стачек действовал тайный комитет, оставшийся неизвестным огромному большинству членов союза и неограниченно распоряжавшийся его денежными средствами. Комитет назначал премии за убийство knobstick'ов и ненавистных фабрикантов и за поджоги фабрик. При его содействии была подожжена фабрика, в которой вместо мужчин-прядильщиков были наняты knobstick'и-женщины; мать одной из этих прядильщиц, г-жа Мак-Ферсон, была убита, и двое убийц были отправлены на счет союза в Америку. — Уже в 1820 г. стреляли в одного knobstick'a, Мак-Куэрри, ранили его, а союз уплатил за это стрелявшему 15 ф. ст. Позже опять стреляли в некоего Грэхэма; стрелявший получил 20 ф. ст., но был открыт и отправлен в пожизненную ссылку. Наконец, в мае 1837 г. произошли вследствие стачки беспорядки на фабриках в От-Банк и Майль-Энд, причем около дюжины knobstick'ов подверглось насилиям; в июле того же года беспорядки еще продолжались и один knobstick, некий Смит, был так избит, что умер от побоев. Тогда комитет был арестован, и началось следствие. Президент и важнейшие члены комитета были признаны виновными в участии в незаконных союзах, в избивании knobstick'ов и поджоге фабрики Джемса и Френсиса Вуда и приговорены к семилетней ссылке. — Что скажут на это наши добрые немцы? **

Имущий класс и в особенности промышленная часть его, приходящая в непосредственное соприкосновение с рабочими, с

* Рабочие эти были названы thug'ами по имени известного ост-индского племени, единственным занятием которого было убийство всех попадавших к нему в руки чужестранцев.

** «Какого рода чувство «дикой справедливости» (wild-justice) должно было владеть сердцем этих людей, если они, собравшись на конклав, с холодной рассудочностью объявляли своего же товарища-рабочего дезертиром своего сословия и изменником своему делу, приговаривали его к смерти и казнили рукой тайного палача, потому что государственные судьи и палач этого не делают. Все это напоминает старинный суд фемы или тайные судилища времен рыцарства, как будто вдруг воскресшие и представшие перед изумленным взором людей, — судилища, члены которых одеты не в панцири, а в плюсовые куртки, и собираются не в вестфальских лесах, а на мощной улице Галлоугэт в Глазго! — Такое чувство должно быть очень сильно распространено в *массе*, чтобы оно могло проявиться в столь острой форме у *меньшинства!*» (Carlyle. «Chartism», p. 40.)

величайшей страстностью агитирует против этих союзов, постоянно пытаясь доказать рабочим бесполезность их. Доказывают они им это соображениями, которые с точки зрения политической экономии совершенно верны, но которые именно по этому частью ошибочны и на ум рабочего совершенно повлиять не могут. Уж одно усердие буржуазии свидетельствует о том, что она здесь заинтересована, ибо, не говоря о непосредственных убытках от стачки, положение дел таково, что все, что попадает в карман фабриканта, извлекается из кармана рабочего. Если бы даже рабочие не знали отлично, что союзы, по крайней мере до некоторой степени, держат в известных границах аппетит нанимателя к сокращению заработной платы, они потому уж не отказались бы от союзов, что они этим могут нанести вред своим врагам-фабрикантам. На войне ущерб одной стороны уже сам по себе является выгодой для другой, а так как рабочие находятся с фабрикантами в состоянии войны, то они в данном случае делают то же самое, что делают и могущественные монархи, когда они вцепятся друг другу в волосы. — Самым ярким противником всех рабочих союзов является опять наш старый знакомый д-р Юр. Он с пеной у рта от негодования говорит о «тайных судилищах» бумагопрядильщиков, самой могущественной организации рабочих, — судилищах, хвастающих, что они могут парализовать всякого непокорного фабриканта «и разорить таким образом человека, который в течение многих лет давал им средства к жизни». Он говорит о времени, «когда изобретательная голова и дающее всему жизнь сердце промышленности порабощены беспокойными низшими членами», — жаль только, о вновьявленный Менений Агриппа, что английских рабочих не так-то легко успокоить твоей басней, как римских плебеев! — и, наконец, рассказывает следующую милую историю. Мюльщики тоже когда-то самым безобразным образом злоупотребляли своей силой. Высокая заработная плата вместо того, чтобы вызвать чувство благодарности по отношению к фабриканту и стремление к умственному развитию (само собой разумеется, в науках, безвредных или даже полезных для буржуазии), во многих случаях возбуждала в них гордыню и давала им средства для поддержки строптивого духа в стачках, которые были устроены одна за другой на различных фабриках совершенно без всякой причины. Во время одной такой злосчастной сумятицы в Гайде, Декинфильде и окрестностях фабриканты, опасаясь быть вытесненными с рынка французами, бельгийцами и американцами, обратились к машиностроительному заводу Шарп, Роберт и К^о с просьбой направить изобретательский талант г. Шарпа на конструкцию автоматической мюль-машины, чтобы «спасти производство от грозящей ему гибели и фабрикантов от рабства, отравляющего им существование». — «Через несколько месяцев

была создана машина, обладающая как будто разумом, чувством и тактом опытного рабочего. Так *железный человек*, как называют его рабочие, *вышел по повелению Минервы из рук современного Прометей*. Это было создание, предназначенное восстановить порядок среди промышленных классов и обеспечить за англичанами господство в промышленности. Весть об этом новом геркулесовом подвиге распространила ужас в рабочих союзах, и *прежде чем это чудесное создание вышло, так сказать, из своей колыбели, оно уже задушило гидру анархии*. Далее Юр доказывает, что изобретение машины, дающей возможность печатать одновременно четырьмя и пятью красками, было следствием беспорядков среди ситцепечатников и что строптивость шлихтовщиков на ткацких фабриках вызвала к жизни новую усовершенствованную машину для шлихтования, я приводит еще несколько подобных случаев*. Тот же Юр несколько раньше выбивался из сил, доказывая на многих страницах, что введение машин выгодно для рабочих! — Впрочем, Юр не один. В фабричном отчете фабрикант Ашворт и многие другие не упускают случая излить свое негодование на союзы рабочих. Подобно некоторым правительствам, эти премудрые буржуа приписывают все движения, которые им непонятны, влиянию злонамеренных агитаторов, неблагонамеренных личностей, демагогов, крикунов и молодежи. Они утверждают, что агенты этих союзов, получая жалованье от последних, заинтересованы в агитации; как будто не сама буржуазия делает необходимым для союзов содержание агентов, раз она таких людей лишает работы.

Самые забастовки, участвовавшие в невероятной степени, всего лучше доказывают, как сильна уже социальная война в Англии. Не проходит недели, почти даже дня, чтобы то там, то здесь не возникла стачка—то вследствие сокращения заработной платы, то вследствие отказа от повышения ее, то из-за приема на фабрику knobstick'ов, то из-за отказа устранить злоупотребления или плохие порядки, то из-за введения новых машин или из-за бесчисленного множества других вещей. Конечно, эти стачки только передовые стычки, превращающиеся лишь иногда в более серьезные битвы: исход их еще не решает ничего, но они с несомненной ясностью доказывают, что решительная битва между пролетариатом и буржуазией приближается. Стачки являются для рабочих военной школой, в которой они подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; стачки, наконец, являются манифестацией отдельных отраслей труда, возвещающей об их присоединении к великому рабочему движению. Если взять газету «Northern Star», единственную газету, дающую отчет о всех движениях пролетариата, и сопоставить

* Ure, Philosophy of Manufactures, p. 366 sq.

все его выступления за один год, то окажется, что все рабочие городов и деревенских промышленных округов объединились в союзы и от времени до времени протестуют против господства буржуазии забастовками. Как военная школа, стачки незаменимы. В них развивается своеобразное мужество англичанина. На континенте говорят, что англичане и в особенности рабочие — трусы, что они не могут произвести революции; мнение это основано на том, что они не пользуются, подобно французам, каждым случаем, чтобы устроить возмущение, что они как будто спокойно мирятся с буржуазным режимом. Но это мнение совершенно ошибочно. Английские рабочие не уступают никакой нации в мужестве, они столь же беспокойны, как французы, но они борются иначе. Французы — политики по натуре и с социальным злом тоже борются на политической арене. Англичане же находят, что политика служит лишь корыстным интересам буржуазного общества, и потому борются не с правительством, а непосредственно с буржуазией, и эта борьба пока могла вестись с успехом лишь мирным путем. Застой в промышленности и вызванная им нищета повели в 1834 г. в Лионе к восстанию во имя республики, а в Манчестере в 1842 г. к всеобщей забастовке с требованиями народной хартии и повышения заработной платы. Но ясно, что для стачки тоже требуется мужество и даже большее, часто гораздо большее мужество, гораздо более смелая и твердая решимость, чем для восстания. Если рабочий, знающий по опыту, что такое нищета, смело идет ей навстречу с женой и детьми, месяцами переносит голод и нужду и остается твердым и непоколебимым, то это поистине не безделица. Что такое смерть, галеры, угрожающие французскому революционеру, в сравнении с медленной смертью от голода, в сравнении с необходимостью изо дня в день смотреть на голодающую семью, в сравнении с уверенностью, что буржуазия когда-нибудь отомстит, одним словом, в сравнении со всем тем, что английский рабочий готов предпочесть подчинению игу имущего класса? Мы ниже приведем пример такого упорного, неодолимого мужества английского рабочего, уступающего силе лишь тогда, когда всякое сопротивление бесполезно и не имеет смысла. И именно в этой спокойной выдержанности, в этой непоколебимой решимости, ежедневно выдерживающей сотни испытаний, — именно в них английский рабочий обнаруживает наиболее достойную уважения черту своего характера. Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии. Но и помимо этого английский рабочий не раз обнаруживал достаточно мужества. Если стачка 1842 г. не имела дальнейших последствий, то это произошло отчасти оттого, что сами рабочие не понимали ясно ее цели и не были между собой солидарны. В других же случаях, когда

дело шло об определенных *социальных* целях, рабочие не раз доказали свое мужество. Не говоря уже о восстании 1839 г. в Уэльсе, во время моего пребывания в Манчестере (в мае 1843 г.), там произошло настоящее сражение. На одном кирпичном заводе (Полинга и Генфри) была увеличена форма кирпичей без повышения заработной платы, хотя большие кирпичи продавались, конечно, по более высокой цене. Рабочие потребовали повышения заработной платы и, получив отказ, оставили завод, а союз их объявил бойкот фирмы. С большими усилиями фирме удалось, однако, найти рабочих в окрестностях из числа knobstick'ов. Сначала союз попытался запугать последних. Для охраны завода фирма наняла двенадцать человек из отставных солдат и полицейских и вооружила их ружьями. Когда попытки запугивания не удались, отряд рабочих в один прекрасный вечер, часов около десяти, явившись в военном порядке с авангардом, вооруженным ружьями, напал на завод, расположенный всего в шагах 400 от солдатских казарм *. Проникнув во двор завода, рабочие стали стрелять по сторожам, растоптали выложенные для сушки кирпичи, разбросали сложенные в кучи готовые кирпичи, разрушили все, что им попало под руку, и, проникнув в одно здание, поломали всю мебель и нанесли побои жившей там жене надсмотрщика. Тем временем сторожа укрылись за изгородью, из-за которой они могли безопасно обстреливать рабочих. Рабочие стояли перед пылающей обжигающей печью, ярко освещавшей их, так что сторожа могли стрелять наверняка, а рабочие стреляли наугад. Тем не менее перестрелка продолжалась полчаса, пока не были истрачены все заряды и не была достигнута цель нападения, т. е. не было разрушено на заводе все, что можно было разрушить. Потом появились войска, и рабочие отступили к Эккельсу (в трех милях от Манчестера). Здесь они сделали переключку, причем каждый вызывался по номеру, под которым он был записан в своей секции, и потом рассеялись, но тем вернее, конечно, попали в руки надвигавшейся со всех сторон полиции. Раненых, должно быть, было очень много, но стало известным лишь число тех раненых, которые попали в руки полиции. Один из них был ранен тремя пулями — в бедро, икру и плечо — и тем не менее успел проташиться более четырех миль. — Эти люди показали, кажется, с достаточной ясностью, что они не лишены революционной отваги и не боятся пуль. Если же невооруженная масса, сама незнающая, чего она собственно хочет, запертая на площадях, может быть усмирена несколькими драгунами и полицейскими, занявшими все выходы, как это случилось в 1842 г., то это далеко не доказывает еще отсутствия у нее мужества; эта масса ничего не предприняла бы и в том слу-

* На углу улиц Кросс-Лэн и Риджент-Род (см. план Манчестера).

чае, если бы этих слуг государственной, т. е. буржуазной, власти и не было здесь. Там же, где народ имеет перед собою определенную цель, он обнаруживает достаточно мужества, что доказывает, например, нападение на фабрику Бирли, которую пришлось потом защищать при помощи артиллерии.

Скажем тут же кстати несколько слов о том, как свято чтутся в Англии законы. Конечно, для буржуа закон свят: ведь он плод его собственной мощи и издан с его согласия для защиты его самого и его интересов. Он прекрасно знает, что если один какой-нибудь закон для него и оказывается вредным, то в общем законодательство направлено к защите его интересов. Он знает прежде всего, что святость закона, неприкосновенность порядка, установленного активным волеизъявлением одной части общества и пассивным — другой, является самой твердой опорой его социального положения. Для английского буржуа закон свят потому, что в нем, как и в своем боге, он находит себя самого. Вот почему палка полицейского, которая есть ведь в сущности палка буржуа, имеет такое поразительно умиротворяющее действие на него. Но этого далеко нельзя сказать о рабочих. Рабочий слишком хорошо знает и слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетенный буржуазией, и потому имеет с ним дело только тогда, когда его к этому вынуждают. Смешно утверждать, будто английский рабочий боится полиции, когда в Манчестере колотят полицию каждую неделю, а в прошлом году была даже сделана попытка взять штурмом полицейский участок, защищенный железной дверью и толстыми ставнями. Сила полиции во время стачки 1842 г. основывалась, как уже сказано, лишь на нерешительности самих рабочих.

Итак, рабочие не почитают закона, а лишь подчиняются ему, когда они не в силах изменить его. Поэтому вполне естественно, что они, по меньшей мере, вносят предложение об изменении закона и стремятся поставить на место буржуазного закона закон пролетарский. Этим законом, который предложен пролетариатом, и является *народная хартия* (people's charter), хартия по форме чисто политическая и требующая организации Нижней палаты на демократических началах. *Чартизм* есть концентрированная форма оппозиции против буржуазии. В союзах и забастовках оппозиция всегда проявлялась в разрозненной форме; отдельные рабочие или группы рабочих боролись с отдельными буржуа. Если борьба принимала иногда характер общий, то это редко зависело от намерения рабочих; если же это делалось намеренно, то в основе этого лежал чартизм. Но в чартизме против буржуазии поднимается весь рабочий класс, нападая прежде всего на ее политическую мощь, на ту стену законов, которой она себя окружила. Чартизм есть детище *демократической партии, развивавшейся в 80-х годах XVIII столетия*

одновременно с пролетариатом и внутри его. Во время французской революции эта партия усилилась и после заключения мира выступила как партия «радикальная». Главным ее центром были тогда Бирмингем и Манчестер, а раньше Лондон. В союзе с либеральной буржуазией она вырвала у олигархов старого парламента билль о реформе и с тех пор стала все более и более выступать как партия рабочая, действовавшая уже против буржуазии. В 1835 г. комитет всеобщей лондонской ассоциации рабочих (Working Men's Association), с Уильямом Ловеттом во главе, составил народную хартию, заключающую в себе следующие «шесть пунктов»: 1) всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин, находящихся в здравом уме и не совершивших никакого преступления; 2) ежегодно переизбираемый парламент; 3) вознаграждение членов парламента, чтобы и бедные люди могли принять депутатские полномочия; 4) выборы путем закрытой баллотировки для устранения подкупа и запугиваний со стороны буржуазии; 5) равные избирательные округа, чтобы обеспечить равномерное представительство, и 6) отмена и без того чисто формального земельного ценза в 300 ф. ст. для депутатов, чтобы каждый избиратель мог быть также и выбранным. — Эти шесть пунктов, ограничивающиеся организацией Нижней палаты, как они ни невинны на первый взгляд, достаточны все же для того, чтобы смести с лица земли английскую конституцию вместе с королевой и Верхней палатой. Так называемый монархический и аристократический элементы в конституции существуют лишь потому, что буржуазия заинтересована в их *призрачном* существовании, ибо существование обоих в настоящее время лишь призрачное. Но когда Нижняя палата будет иметь за собой общественное мнение всей страны, когда она будет выражать волю не одной буржуазии, но всей нации, она так сполна завладеет всей властью, что монарх и аристократия потеряют последние признаки ореола святости. Английский рабочий не питает уважения ни к лордам, ни к королеве, между тем как буржуазия, хотя и мало интересуется тем, что думают в том или другом случае королева и лорды, но перед их личностями она благоговевает. Английский чартист — в политическом смысле республиканец, хотя никогда или, по крайней мере, почти никогда не употребляет этого слова. Он симпатизирует, конечно, республиканским партиям всех стран, но охотнее называет себя демократом. Но он больше, чем чистый республиканец; его демократичность не ограничивается одной политической областью.

С самого своего возникновения в 1835 г. чартизм был, правда, главным образом рабочим движением, но он тогда не отделялся еще резко от радикальной мелкой буржуазии. Радикализм рабочих шел рука об руку с радикализмом буржуазии. Хартия была пробным камнем обоих, и они вместе устраивали ежегодно

«национальные конвенты» и составляли, казалось, одну партию. Мелкая буржуазия, разочаровавшись около этого времени в результатах билля о реформе и понеся убытки вследствие застоя в делах в 1837—1839 гг., была настроена очень воинственно и кровожадно, и потому усиленная агитация чартистов была ей очень по душе. О силе этой агитации не имеют в Германии никакого представления. К народу обращались с призывом вооружаться и даже восстать. Изготавливались пики, как некогда в эпоху французской революции. В 1838 г. в движении принимал участие, между прочим, некий Стивенс, методистский священник, который произносил перед населением Манчестера такие речи: «Вам нечего бояться силы правительства, вам нечего бояться солдат, штыков и пушек, которые имеются у ваших угнетателей, — в ваших руках средство гораздо более мощное, чем все это, — оружие, против которого ни штыки, ни пушки ничего поделывать не могут. И этим оружием может владеть десятилетний ребенок. Вам стоит только взять несколько спичек и пучок соломы, облитый смолой, хотел бы я посмотреть, что сделает правительство с своими сотнями тысяч солдат против этого оружия, если только его смело пускать в дело»*. Но в то же время обнаружился уже тогда своеобразный *социальный* характер чартизма рабочих. Тот же Стивенс на собрании из 200 000 человек на Керсаль-Муре, упомянутой уже нами «священной горе» Манчестера, сказал следующее: «Чартизм, друзья мои, не вопрос политический, в котором дело идет об избирательном праве и т. п., а вопрос ножа и вилки; хартия — это хорошая квартира, хорошие еда и питье, хорошая заработная плата и короткий рабочий день». Поэтому движение против нового закона о бедных и за десятичасовой билль находилось уже и тогда в самой тесной связи с чартизмом. На всех митингах той эпохи выступал торий Остлер, и наряду с национальной петицией о народной хартии, принятой в Бирмингеме, были приняты сотни петиций об улучшении социального положения рабочих. В 1839 г. агитация велась с тем же оживлением, и, когда она к концу года стала ослабевать, Басси, Тэйлор и Фрост поспешили организовать восстание одновременно на севере Англии, в Йоркшире и Уэльсе. Фросту пришлось начать дело слишком рано, так как его планы были предательски раскрыты, и потому он потерпел неудачу. Организаторы восстания на севере успели узнать о неудачном исходе попытки Фроста и во-время отказались от своей попытки. Два месяца спустя, в январе 1840 г., произошло в Йоркшире несколько так называемых полицейских мятежей (spvoutbreaks), между прочим в Шеффилде и Брэдфорде, и возбуждение мало-по-малу улеглось. Тем временем буржуазия накинута на более практичные и

* Мы видели, как рабочие воспользовались этим советом.

более выгодные для нее проекты, именно на борьбу с хлебными законами. В Манчестере образовалась Лига для борьбы с хлебными законами, и следствием ее возникновения явилось ослабление связи между радикальной буржуазией и пролетариатом. Рабочие скоро поняли, что им отмена хлебных законов может принести мало пользы, между тем как для буржуазии она очень выгодна, а потому добиться от них поддержки проекта буржуазии не удалось. Начался кризис 1842 г. Агитация снова оживилась и велась с такой же страстностью, как в 1839 г. На этот раз в агитации приняла участие и богатая промышленная буржуазия, очень сильно страдавшая от этого кризиса. Лига борьбы против хлебных законов, как стала называться организованная фабрикантами Манчестера ассоциация, приняла очень радикальный и боевой характер. Их журналы и агитаторы заговорили открыто революционным языком, что объясняется между прочим и тем, что с 1841 г. у власти стояла консервативная партия. Как раньше чартисты, так теперь они стали призывать к открытому восстанию. Рабочие, больше всех страдавшие от кризиса, тоже не оставались без дела, как это показывает национальная петиция этого года, под которой было $3\frac{1}{2}$ миллиона подписей. Одним словом, если обе радикальные партии раньше немного разошлись, то теперь они вновь соединились. 15 февраля 1842 г. был составлен в собрании либералов и чартистов проект петиции, требовавшей как отмены пошлин на хлеб, так и принятия хартии. На следующий день обе партии одобрили петицию, и затем в течение весны и лета велась страстная агитация за нее; между тем нищета все более увеличивалась. Буржуазия решила добиться отмены пошлин на хлеб, воспользовавшись кризисом, нуждой и общим возбуждением. Так как у кормила правления были тории, то буржуазия готова была даже отказаться наполовину от почвы законности: она хотела устроить революцию, но руками рабочих. Она хотела, чтобы рабочие таскали для нее каштаны из огня и ради нее обжигали свои пальцы. Многие пытались возродить идею чартистов (1839 г.) о «священном месяце», всеобщем празднике рабочих. Но на этот раз хотели праздновать не рабочие, а фабриканты. Они хотели закрыть свои фабрики, разослать рабочих по деревням во владения земельной аристократии и таким образом заставить торийский парламент и правительство отменить хлебные пошлины. Это, разумеется, повело бы к восстанию, но буржуазия оставалась бы в тени, спокойно ожидая результатов и, на случай неудачи, не компрометируя себя. В конце июля деловое положение стало улучшаться; это был как раз перелом. Дальше ждать нельзя было, и, чтобы не упустить совсем момента, три фирмы в Стэлибридже *при улучшающейся конъюнктуре* (ср. торговые отчеты Манчестера и Лидса за конец июля и начало августа) вдруг понизили заработную плату. Сделали ли они это

по собственному побуждению или в согласии с остальными фабрикантами и в особенности с лигой, я решать не берусь. Две фирмы, однако, скоро отказались от этого, но третья, Уильям Бэли с братьями, осталась непреклонна и пришедшим жаловаться рабочим сказала, что если это им не нравится, то будет, пожалуй, лучше для них погулять некоторое время. На это издевательство рабочие ответили криками возмущения, оставили фабрику и стали расхаживать по городу и призывать рабочих к забастовке. Через несколько часов все фабрики стали, и рабочие двинулись длинной процессией в Моттрам-Мур для устройства митинга. Это произошло 5 августа. 8 августа они в числе 5 000 человек двинулись в Аштон и Гайд, остановили все фабрики и угольные шахты и повсюду устраивали митинги, на которых говорилось, однако, не об отмене пошлин на хлеб, как надеялась буржуазия, а «о честной плате за честную работу» (a fair day's wages for a fair day's work). 9 августа они двинулись в Манчестер, были *впущены властями*, которые все состояли из либералов, и остановили там все фабрики. 11 августа они пришли в Стокпорт и здесь впервые им было оказано сопротивление, когда они брали приступом любимое детище буржуазии — дом для бедных. В тот же день начались в Болтоне всеобщая забастовка и беспорядки, которым власти и здесь не препятствовали. Скоро движение распространилось на все промышленные округа, и все работы, за исключением уборки хлеба и заготовления съестных припасов, были прекращены. Но рабочие, хотя и восставшие, оставались спокойными. Они были втянуты в это восстание помимо их воли. Фабриканты, за исключением одного — тория Бэрли в Манчестере, *против своего обыкновения* не противились забастовке. Движение началось, хотя рабочие не имели перед собой определенной цели. Если они все сходились в нежелании дать себя перестрелять ради фабрикантов, стремящихся к отмене хлебных пошлин, то в остальном у них единодушия не было: одни хотели добиться народной хартии, другие считали это преждевременным и только хотели добиться такой заработной платы, какая была в 1840 г. По этим причинам все движение потерпело неудачу. Будь оно с самого начала сознательным, организованным, рабочим восстанием, оно несомненно увенчалось бы успехом. Но массы, выгнанные на улицу хозяевами помимо своего желания, не имевшие перед собой никакой определенной цели, ничего не могли сделать. Тем временем буржуазия, не шевельнувшая и пальцем для того, чтобы на деле подтвердить соглашение от 15 февраля, очень быстро поняла, что рабочие не хотят служить орудием в ее руках и что непоследовательность, с которой она уклонилась от «законного» пути, угрожает опасностью ей самой. Поняв это, она вернулась на свою излюбленную почву законности и перешла на сторону правительства против рабочих,

которых она сама сначала побуждала, а потом понуждала к восстанию. Она записала себя и своих верных слуг в число специальных констеблей (в Манчестере принимали участие в этом отряде и немецкие купцы, без всякой нужды парадировавшие по улицам города с своими толстыми палками в руках и сигарами в зубах); в Престоне она велела стрелять в народ, и таким образом рабочие, восставшие помимо своей воли, вдруг увидели перед собой не только военную силу правительства, но и весь имущий класс. Рабочие, и без того не видевшие никакой определенной цели перед собой, постепенно разошлись, и восстание окончилось без дурных последствий. После этого буржуазия совершила еще целый ряд низостей; она пыталась обелить себя, высказывая отвращение к насильственным действиям народа, что плохо согласовалось с ее революционными речами весной, взваливала всю вину восстания на чартистских «подстрекателей» и т. д., хотя она сама сделала гораздо больше, чем они, для вызова восстания, и с несравненным бесстыдством снова стала на свою старую точку зрения святости закона. Чартисты, почти ничем не способствовавшие восстанию, хотевшие сделать лишь то, что намеревалась сделать и буржуазия, т. е. воспользоваться им в своих интересах, были привлечены к судебной ответственности и осуждены, между тем как буржуазия совсем не потерпела и даже во время остановки производства с выгодой продавала свои товары.

Последствием этого восстания был полный разрыв между пролетариатом и буржуазией. Чартисты до сих пор вовсе не скрывали, что они готовы добиться своей хартии всякими средствами, не отступая и перед революцией. Буржуазия же, сразу понявшая теперь всю опасность всякого насильственного переворота для своего социального положения, и слышать более не хотела о «физической силе», желая осуществить свои цели одной «моральной силой» (как будто эта последняя есть что-либо иное, как не прямая или косвенная угроза физической силой). Это был один из спорных пунктов, который, однако, впоследствии был устранен утверждением чартистов, — в такой же степени достойных доверия, как и либеральная буржуазия, — будто они тоже не призывали к физической силе. Вторым важнейшим спорным пунктом, ярко обрисовавшим чартизм во всей его чистоте, было отношение его к вопросу о хлебных законах. В отмене этих законов была заинтересована радикальная буржуазия, но не пролетариат. Прежняя чартистская партия распалась поэтому на две партии, политические принципы которых были на словах совершенно сходны, но которые тем не менее были совершенно различны и составлять одну партию безусловно не могли. На бирмингемском национальном конвенте в январе 1843 года представитель радикальной буржуазии, Стердж, предложил исключить из статуты чартистской ассо-

дации название хартии, мотивируя свое предложение тем, что название это после восстания связано с воспоминаниями о насильственных революционных действиях (связь эта, впрочем, существовала уже давно, и до сих пор г-н Стердж не находил нужным против этого возражать). Рабочие не пожелали отказаться от этого названия, и когда при голосовании вопроса Стердж оказался в меньшинстве, этот квакер, ставший вдруг лояльным, покинул в сопровождении этого меньшинства залу заседания и организовал из радикальной буржуазии «Complete Suffrage Association» («Союз полного избирательного права»). Нашему буржуа, бывшему еще столь недавно якобинцем, эти воспоминания вдруг стали так неприятны, что даже название всеобщего избирательного права (universal suffrage) он заменил смешным названием: полное избирательное право (complete suffrage). Рабочие осмеяли его и спокойно пошли дальше своим путем.

С этого момента чартизм стал чисто рабочим движением, совершенно свободным от всяких буржуазных элементов. Газеты, требовавшие «полного» избирательного права, «Weekly Dispatch», «Weekly Chronicle», «Examiner» и др., мало-помалу впали в тот же бесцветный тон, что и остальные либеральные газеты, стали защищать свободу торговли, нападать на десятичасовой билль и на все специально рабочие требования и вообще обнаружили мало радикализма. Во всех столкновениях либералов с чартистами радикальная буржуазия становилась на сторону первых и вообще поставила главной своей задачей борьбу с хлебными законами, что для англичан означало то же, что борьбу за свободу конкуренции. Этим самым она совершенно подпала под влияние либеральной буржуазии и теперь играет крайне жалкую роль.

Зато чартисты-рабочие с удвоенной энергией приняли участие в борьбе пролетариата против буржуазии. Свобода конкуренции причинила рабочим не мало страданий и сделалась им ненавистой; сторонники ее, буржуа, являются их заклятыми врагами. Полная свобода конкуренции может причинить рабочим один только вред. Все требования, которые они выставляли до сих пор, — десятичасовой билль, защита рабочего от капиталиста, повышение заработной платы, обеспеченное положение, отмена нового закона о бедных, — требования, по меньшей мере столь же существенные для чартизма, как и «шесть пунктов», направлены прямо против свободы конкуренции и свободы торговли. Поэтому нет ничего удивительного, — этого английская буржуазия понять не может, — что рабочие и слышать не хотят о свободе конкуренции, свободе торговли и отмене хлебных пошлин, к этим требованиям по меньшей мере чрезвычайно равнодушны и крайне озлоблены против их защитников. Этот вопрос и является пунктом расхождения

пролетариата и буржуазии, чартизма и радикализма, и буржуазный рассудок этого понять не может, потому что он не в состоянии понять пролетариата.

Но в этом же заключается и различие между чартистской демократией и всяческой политической буржуазной демократией. По существу своему чартизм есть явление социального характера. Для радикального буржуа «шесть пунктов» — все и вся, и, в крайнем случае, они должны вызывать еще некоторые реформы конституции; для пролетария эти «шесть пунктов» — лишь средство. «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель» — таков теперь ясно выраженный девиз чартистов. Что все это есть «вопрос вилки и ножа», как выражался священник Стивенс, было в 1838 г. истиной лишь для некоторых чартистов, а в 1845 г. оно стало истиной для всех. Нет больше чистых политиков среди чартистов. Правда, социализм их находится еще в зачаточном состоянии, если они еще до сих пор видят главное средство против нищеты в разделе земли (allotment-system), что уже потеряло смысл ввиду развития промышленности (см. Введение); вообще большинство их практических предложений (защита рабочих и т. д.) носит как будто реакционный характер. Но, с одной стороны, сами эти средства их таковы, что они должны или вновь подпасть под власть конкуренции и возродить старый порядок, или должны привести к уничтожению самой конкуренции, а с другой стороны, теперешнее невыясненное состояние чартизма, его отделение от чисто политической партии неизбежно должны привести к развитию *отличительных признаков* чартизма, обусловленных его социальной сущностью. Сближение его с социализмом неизбежно, в особенности, при ближайшем кризисе, который должен восследовать после теперешнего оживленного состояния промышленности и торговли не позже 1847* года, но вероятно уже в будущем году, — кризисе, который превзойдет все прежние по силе и остроте, и, в связи с нуждой рабочих, будет все более толкать их искать выхода не в политической, а в социальной области. Рабочие добьются своей хартии — это само собою разумеется, но до тех пор им станет ясно, что они могут добиться при помощи хартии много такого, о чем они пока почти не подозревают.

Тем временем и социалистическая агитация продолжает развиваться. Об английском социализме может быть здесь речь лишь постольку, поскольку он влияет на рабочий класс. Английские социалисты требуют постепенного введения общности имущества во внутренних колониях из 2 000—3 000 человек; в этих колониях будут заниматься промышленностью и земледелием.

* (1892 г.) Предсказание сбылось в точности.

льем, будут предоставлены всем равные права и равное воспитание; далее они требуют облегчения развода и учреждения разумного правительства, полной свободы мнения и отмены наказаний, которые должны быть заменены разумным общением с преступниками. Таковы их *практические* предложения; теоретические их принципы нас здесь не интересуют. Родоначальником английского социализма был фабрикант Оуэн. Поэтому его социализм, выходя по существу за пределы противоречия между буржуазией и пролетариатом, по форме все же относится к большой терпимостью к буржуазии и очень несправедливо к пролетариату. Социалисты вполне смиренны и миролюбивы, признают существующий порядок, как он ни плох, поскольку они отрицают всякий иной путь к его изменению, кроме публичной проповеди. В то же время принципы их настолько абстрактны, что в теперешней своей форме они никогда не смогут завоевать общественное мнение. При этом социалисты постоянно жалуются на деморализацию низших классов, не замечают в разложении общественного порядка элементов прогресса и упускают из виду, что деморализация имущих классов, лицемерных и преследующих лишь свои частные интересы, гораздо значительнее. Они не признают исторического развития и хотят ввести коммунистический строй немедленно, не работая для этой цели в современном обществе до тех пор, пока оно само собой не распадется. Они, правда, понимают, почему рабочий озлоблен против буржуа, но они считают его озлобление, являющееся единственным средством для того, чтобы вести рабочих вперед, неплодотворным и проповедают им филантропию и всеобщую любовь, что для современной английской действительности еще более бесплодно. Они признают только психологическое развитие, развитие абстрактного человека, стоящего вне всякой связи с прошлым, а между тем весь мир, а с ним и отдельный человек, выросли на почве своего прошлого. Поэтому они — слишком ученые, слишком метафизики и большого успеха не имеют. Они отчасти приобретают сторонников в рабочем классе, где к ним тяготеет очень небольшая часть, но, правда, наиболее образованная и энергичная. В теперешней своей форме социализм не может получить широкого распространения в рабочем классе. Ему придется даже унизиться и на некоторое время вернуться к чартистской точке зрения. Но социализм, развившийся из чартизма, очищенный от своих буржуазных элементов, истинно-пролетарский социализм, обнаружившийся уже и теперь у многих социалистов и у многих чартистских вождей, которые уже почти все социалисты*, будет, и очень скоро, играть выдающуюся роль в истории развития английского народа. Англий-

* (1892 г.) Социалисты, конечно, в общем, а не в узко-оуэнистском смысле.

ский социализм, основа которого гораздо шире французского коммунизма, но который в развитии своем остался позади него, должен будет на некоторое время вернуться к точке зрения французской, чтобы потом пойти дальше ее. Но к тому времени разовьются, конечно, дальше и французы. В то же время социализм является самым решительным выражением господствующей среди рабочих нерелигиозности, и притом выражением столь резким, что рабочие, которые нерелигиозны не сознательно, а только практически, часто пугаются этой резкости. Но и здесь нужда заставит рабочих отказаться от веры, которая — в чем они все более и более убеждаются — служит лишь для того, чтобы сделать их слабыми и покорными своей судьбе, послушными и преданными имущему классу, высасывающему из них все соки.

Итак, рабочее движение распадается на два направления: на чартистов и социалистов. Чартисты очень отстали, очень мало развиты, но зато они настоящие, душой и телом, пролетарии, истинные представители пролетариата. Социалисты смотрят гораздо шире, предлагают практические средства против нужды, но они вышли из рядов буржуазии и потому не в состоянии слиться с рабочим классом. Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма на английской почве — вот что должно последовать в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это случится, рабочий класс действительно станет властелином Англии. Политически-социальное развитие тем временем тоже подвинется вперед и будет благоприятствовать этой зарождающейся партии, этому преобразованному в прогрессивном направлении чартизму.

Эти то совпадающие, то различные группы рабочих — члены союзов, чартисты и социалисты — устроили множество школ и читален для поднятия уровня духовного развития рабочих. Такие учреждения имеются у каждой социалистической, почти у каждой чартистской группы, как и у многих отдельных профессиональных союзов. Здесь дети получают чисто пролетарское воспитание, свободное от всяких влияний буржуазии, а в читальнях имеются исключительно или почти исключительно пролетарские журналы, газеты и книги. Эти учреждения очень опасны для буржуазии, и ей удалось уже в некоторых из них, а именно в «Mechanic's institutions», устранить пролетарское влияние и превратить их в органы для распространения среди рабочих полезных для буржуазии знаний. Здесь им преподаются естественные науки, изучение которых отвлекает рабочих от оппозиции против буржуазии и может кое-кого из них натолкнуть на изобретение, которое увеличит доходы буржуазии. Для самого же рабочего изучение природы теперь совершенно бесполезно, потому что в большом городе, где он живет,

и при большой продолжительности рабочего дня он и природы-то никогда не видит. Здесь проповедуется политическая экономия, идолом которой является свободная конкуренция; из нее рабочий может сделать лишь тот единственный вывод, что самое разумное для него умереть с голода в тихом примирении со всем существующим. Здесь воспитание учит смирению, здесь все гибко и приспособлено для надобностей господствующей политики и религии, так что рабочий слышит только проповедь повиновения, пассивности и покорности судьбе. Естественно, что масса рабочих этих школ и знать не хочет, идет в пролетарские читальни и занимается обсуждением вопросов, непосредственно касающихся их собственных интересов. И тогда самодовольная буржуазия говорит свое «*dixi et salvavi*» и с презрением отворачивается от класса, который «предпочитает солидному образованию страстные и озлобленные выходки злонамеренных демагогов». Впрочем, рабочие ценят и «солидное образование», если оно им не преподносится в соединении с мудростью буржуазии, приспособленной к ее интересам, что доказывает множество лекций на естественно-научные, эстетические и политико-экономические темы, — лекций, которые читаются во всех пролетарских учреждениях, в особенности социалистических, и очень хорошо посещаются. Мне случалось встречать рабочих в изорванных плисовых куртках, обнаруживавших больше знаний по геологии, астрономии и т. д., чем иной образованный буржуа в Германии. Насколько английскому пролетариату удалось добиться самостоятельного развития, доказывает особенно тот факт, что наиболее замечательные произведения новейшей философии, политической и поэтической литературы читаются почти исключительно рабочими. Буржуа — раб данного социального строя и связанных с ним предрассудков — боится всего, что действительно знаменует собой прогресс, и усердно отрещивается от него; пролетарий же смотрит на все новое открытыми глазами и изучает его с наслаждением и успехом. В этом отношении социалисты особенно много сделали для просвещения пролетариата; они перевели французских материалистов, *Гельвеция, Гольбаха, Дидро* и т. д., и распространили их в дешевых изданиях вместе с лучшими произведениями английских авторов. «Жизнь Иисуса» *Штрауса* и «Собственность» *Прудона* тоже циркулируют только среди пролетариев. Шелли, гениальный пророк *Шелли*, и *Байрон* с своим чувственным пылом и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа читает только так называемые «семейные издания», оскопленные и приспособленные к современной лицемерной морали. — Оба крупнейших практических философа последнего времени, *Бентам* и *Годвин*, особенно последний, тоже читаются почти исключительно пролетариатом. Если среди ра-

дикальной буржуазии и существует школа Бентама, то ведь только пролетариату и социалистам удалось извлечь из него некоторые прогрессивные выводы. На этих основах пролетариат создал свою собственную литературу, состоящую большей частью из современных изданий и брошюр и по содержанию своему далеко превосходящую всю литературу буржуазии. Но об этом поговорим в другой раз.

Мне остается сделать еще одно замечание. Ядро рабочего движения составляют фабричные рабочие и среди них в особенности рабочие хлопчатобумажных фабрик. Ланкашир и специально Манчестер — центр сильнейших рабочих союзов, центральный пункт чартизма, пункт, насчитывающий больше всего социалистов. Чем более фабричная система проникает в какую-нибудь отрасль труда, тем более принимают участие в движении рабочие этой отрасли труда. Чем более развивается противоречие между рабочими и капиталистами, тем более развивается, тем более проясняется пролетарское сознание рабочего. Мелкие мастера Бирмингама, хотя тоже страдают от кризисов, все же занимают злосчастное промежуточное положение между пролетарским чартизмом и радикализмом лавочников. В общем же все промышленные рабочие захвачены, в той или иной форме, борьбой против капитала и буржуазии. Все они сходятся на том, что они «working men» (рабочие), — звание, которым они гордятся и которое служит обычным обращением на собраниях чартистов, — самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам и хранящий в себе силы нации и способность к их дальнейшему развитию.

Март 1845 г.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. «Исследования» Статьи 1844—1845».
Госполитиздат. 1940 г., стр. 495—520.*

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ОДНА ИЗ АНГЛИЙСКИХ ЗАБАСТОВОК (*Turnout*).

(ДОПОЛНЕНИЕ К КНИГЕ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ».)

В моей книге по названному в заголовке вопросу я не имел возможности привести фактических доказательств по отдельным пунктам. Чтобы не сделать книгу слишком толстой и неудобочитаемой, я должен был в своих рассуждениях довольствоваться тем, что приводил в их подтверждение доказательства из официальных источников, из незаинтересованных писателей или из сочинений сторонников тех партий, против интересов которых я выступал. Этого было достаточно, чтоб оградить себя от возражений в тех случаях, когда я не основывался на собственных наблюдениях, — поскольку мне приходилось вдаваться в изображение отдельных случаев из жизни. Но этого было недостаточно, чтобы породить в читателе ту непоколебимую уверенность, которая может быть создана лишь яркими неопровержимыми фактами и котсрая в наш век, доведенный бесконечной «мудростью отцов» до скептицизма, не может быть вызвана одними лишь рассуждениями, на какие бы авторитеты они ни опирались. Особенно это относится к тем случаям, когда дело идет о крупных выводах, когда факты поднимаются до степени принципов, когда приходится изображать положение не отдельных маленьких групп, а взаимоотношение целых классов. Но по вышеуказанным соображениям я в своей книге не всюду мог приводить факты. Здесь я хочу исправить этот неизбежный недостаток, приводя время от времени факты из имеющихся в моем распоряжении источников. Но чтобы доказать в то же время, что нарисованная мной картина верна еще и теперь, я останавливаюсь только на таких фактах, которые произошли после моего отъезда из Англии в прошлом году и стали мне известны только после напечатания моей книги.

Читатели моей книги должны помнить, что меня главным образом интересовало изображение взаимоотношений буржуазии и пролетариата и неизбежности борьбы между обоими этими классами; особенно мне важно было доказать полную

правомерность этой борьбы пролетариата и противопоставить прекрасным словам английской буржуазии ее отвратительные деяния. Книга моя, от первой страницы до последней, — обвинительный акт против английской буржуазии. Здесь я приведу еще некоторые обвинительные материалы. Но я уже достаточно попортил себе крови из-за английской буржуазии; теперь в этих дополнительных заметках я не намерен еще раз волноваться и постараюсь, поскольку это зависит от меня, сохранить душевное спокойствие.

Прежде всего мы встречаемся с почтенным гражданином и славным отцом семейства, — одним старым нашим приятелем или даже с двумя приятелями. Господа Полинг и Генфри уже в 1843 г. — бог знает в который раз — имели стычку со своими рабочими, которые, несмотря ни на какие доводы, непременно хотели получать за увеличенный труд увеличенную плату и поэтому прекратили работу. Господа Полинг и Генфри — крупные подрядчики по постройкам, и у них работало много плотников, обжигальщиков кирпича и т. д.; они взяли других рабочих. Это вызвало стычку, а под конец и настоящее кровопролитное сражение с ружьями и дубинами на кирпичном заводе Полинга и Генфри; закончилась вся история — как об этом можно подробнее прочесть в моей книге — ссылкой полудюжины рабочих в Вандименову землю. Но господа Полинг и Генфри не могут быть спокойны, если у них нет каждый год каких-нибудь столкновений с их рабочими, и вот в октябре 1844 г. они опять затеяли ссору с ними. На этот раз подрядчики-филантропы задумали облагодетельствовать плотников. С незапамятных времен среди плотников Манчестера и окрестностей укоренился обычай не «зажигать света» от Сретенья до 17 октября, т. е. в течение длинных дней работать от 6 утра до 6 вечера, а с наступлением коротких дней начинать работу, когда светает, и прекращать ее, когда темнеет. С 17 ноября зажигали свет и работали уже полное время. Полинг и Генфри, давно уже недовольные этим «варварским» обычаем, решили с помощью газового освещения уничтожить этот остаток «темных времен»; поэтому, когда однажды вечером плотники, которые из-за недостатка света не могли работать до 6 часов, положили инструменты и стали одеваться, то заведующий мастерской зажег газ и сказал им, что они должны работать до шести часов. Плотники, которым это не понравилось, созвали общее собрание рабочих своего цеха. Страшно изумленный, господин Полинг спросил своих рабочих, что вызвало их недовольство и побудило их созвать собрание. Некоторые из рабочих заметили, что собрание созвано не ими, а бюро их союза. На это Полинг ответил, что ему наплевать на союз, но что он готов сделать им следующее предложение: если рабочие согласятся на зажигание света, то в субботу они

будут освобождаться на три часа раньше урочного времени, и кроме того, — о, великодушные! — он разрешит им ежедневно четверть часа сверхурочной работы за особую плату. Но зато, правда, они должны, когда другие мастерские зажгут свет, работать на полчаса больше! Рабочие обдумали это предложение и рассчитали, что таким путем господа Полинг и Генфри за период коротких дней будут иметь ежедневно по лишнему часу, что каждый рабочий должен будет отработать безвозмездно в общем 92 часа, т. е. $9\frac{1}{4}$ дней, и что экономия на заработной плате всех занятых у фирмы рабочих составит на зимние месяцы для господ предпринимателей 400 ф. ст. (2 100 талеров). Рабочие созвали собрание и растолковали своим товарищам, что если одной какой-нибудь фирме удастся провести этот план, то за ней последуют и другие; в результате получится всеобщее косвенное понижение заработной платы, которое обойдется плотникам их округа приблизительно в 4 000 ф. ст. ежегодно. Было поэтому решено, что в ближайший понедельник все плотники фирмы Полинг и Генфри заявят о своем отказе от службы через три месяца и если хозяева будут упорствовать, то прекратят работу по истечении этого срока. За это профессиональный союз обещал — в случае безработицы — поддержать их путем всеобщего обложения.

В понедельник 21 октября рабочие пошли и сделали свое заявление. На это им ответили, что они могут сейчас же уходить, что они, конечно, и сделали. В тот же вечер произошло другое собрание всех строительных рабочих, на котором все отразили труда, занятые на постройках, обещали поддержку безработным. В среду и четверг все плотники в окрестности, занятые на работе у Полинга и Генфри, также прекратили работу, и, таким образом, забастовка пошла полным ходом.

Внезапно оказавшись на мели, хозяева немедленно разослали своих людей по всем направлениям — даже в Шотландию — нанимать рабочих, так как в окрестностях нельзя было найти ни одной души, готовой наняться к ним. Через несколько дней из Стафффордшира прибыло ровно тринадцать человек. Но когда стачечникам представился случай поговорить с ними и объяснить, почему была прекращена работа, то некоторые из новоприбывших отказались работать. Против этого у хозяев оказалось практическое средство: отказавшихся работать они вкуче с «соблазнителем» притянули к мировому судье Даниэлю Моду, эсквайру. Но, прежде чем мы последуем туда за ними, мы обязаны достоподобным образом описать добродетели Даниэля Моды, эсквайра.

Даниэль Мод, эсквайр, является «*stipendiary magistrate*», т. е. «мировым судьей на жалованьи» в Манчестере. Обыкновенно английские мировые судьи — это богатые буржуа или помещики, а иногда и священники, назначаемые министерством.

Но так как эти догберри ни аза не смыслят в законах, то они впадают в грубейшие ошибки, срамят буржуазию и вредят ей: если рабочего защищает ловкий адвокат, они очень часто попадают впросак и при осуждении нарушают законные формы, что дает повод к успешной апелляции, а иногда даже бывают вынуждены вынести оправдательный приговор. К тому же богатые фабриканты больших городов и промышленных округов вовсе не имеют времени ежедневно скучать в суде и предпочитают ставить вместо себя заместителей. Поэтому в таких городах, по большей части, по желанию самих этих городов назначаются оплачиваемые мировые судьи, ученые юристы, которые умеют использовать в пользу буржуазии все тонкости и крюкотворства английского права, в случае надобности со своими дополнениями и улучшениями. Как они себя при этом держат, можно судить по описываемому нами здесь примеру.

Даниэль Мод, эсквайр, — один из тех либеральных мировых судей, которые в большом количестве были назначены при министерстве вигов. Из его подвигов на арене манчестерского городского суда (Borough Court) и вне ее мы упомянем только о двух. В 1842 г. фабрикантам удалось довести рабочих южного Ланкашира до восстания, разразившегося в начале августа в Стэлибридже и Аштоне; 9 августа около 10 000 рабочих во главе с чартистом Ричардом Пиллингом тронулись оттуда в Манчестер, «чтобы вступить в переговоры с фабрикантами на манчестерской бирже и увидеть, как обстоит дело на тамошнем рынке». У входа в город их встретил Даниэль Мод, эсквайр, со всей достопамятной полицией, с отрядом кавалерии и со взводом стрелков. Но это было только для проформы, так как в интересах фабрикантов и либералов было дать восстанию распространиться и привести к отмене хлебных законов. Даниэль Мод, эсквайр, в этом пункте был вполне солидарен со своими достойными коллегами; он вступил в переговоры с рабочими и разрешил им войти в город под условием «соблюдать тишину» и идти определенной дорогой. Он отлично знал, что инсургенты не исполнят этого, да он этого и не желал: при малейшей настойчивости он в корне подавил бы спровоцированное восстание, но это было бы не в интересах его друзей, работавших над отменой хлебных законов, а в интересах господина Пиля; поэтому он распорядился об уходе войск, впустив в город рабочих, которые немедленно приостановили работу на всех фабриках. Но когда восстание стало решительно направляться *против* либеральной буржуазии и совершенно были забыты «адские хлебные законы», Даниэль Мод, эсквайр, вспомнил о своем судейском сане и стал без сожаления арестовывать дюжинами и отправлять в тюрьму рабочих за «нарушение мира»; сначала спровоцировав нарушение мира, он потом наказывал за него.

А вот другая характерная черта из карьеры этого манчестерского Соломона. После того как Лига борьбы с хлебными законами в Манчестере испытала не раз неприятности при своих публичных выступлениях, она стала устраивать закрытые собрания, вход на которые допускался лишь по билетам; но резолюции и петиции этих закрытых собраний выдавались перед широкой публикой за постановления публичных митингов, за выражение «общественного мнения» Манчестера. Чтобы положить конец этому лживому фанфаронству либеральных фабрикантов, три или четыре чартиста — среди них мой добрый приятель Джемс Лич — раздобыли себе билеты на одно такое собрание. Когда господин Кобден поднялся, чтоб говорить, Джемс Лич задал председателю собрания вопрос, является ли собрание публичным. Вместо всякого ответа председатель позвал полицию и приказал попросту арестовать Лича! Тот же вопрос задал второй чартист, за ним третий, четвертый, и все они были схвачены «невареными раками» (полицейскими), толпившимися у дверей, и отосланы в городскую думу. На следующее утро они предстали пред очи Даниэля Мода, эсквайра, который уже был осведомлен обо всем. Им предъявили обвинение в том, что они нарушили порядок на собрании; им едва дали вымолвить несколько слов, а затем они услышали торжественную речь Даниэля Мода, эсквайра, заявившего, что он знает их, что они политические бродяги, которые только тем и занимаются, что скандалят на всех собраниях, беспокоя порядочных людей, и что этому должен быть положен конец. Даниэль Мод, эсквайр, отлично знал, что он не может приговорить их к настоящему штрафу, и поэтому он на этот раз присудил их к уплате издержек.

К суду этого-то Даниэля Мода, эсквайра, буржуазные доблести которого мы только что нарисовали, и были привлечены непокорные рабочие Полинга и Генфри. Но из предосторожности они привели с собой адвоката. Прежде всего суд принял за новоприбывшего рабочего, который отказался работать там, где другие, в целях самозащиты, прекратили работу. Господа Полинг и Генфри принесли с собой письменное обязательство прибывших из Стаффордшира рабочих * и передали его мировому судье. Защитник рабочих указал на то, что этот контракт подписан в воскресенье и, следовательно, не

---

* Контракт этот гласил следующее: рабочий обязывается работать *шесть месяцев* для Полинга и Генфри и *довольствоваться платой, которую они ему дадут*, но Полинг и Генфри не обязаны держать его *шесть месяцев* и могут *в любое время* рассчитать его, предупредив за неделю. Полинг и Генфри, правда, оплачивают его путевые издержки от Стаффордшира до Манчестера, но возвращают их себе путем еженедельных вычетов из его жалования в 2 шилл. (20 зильбергрошей). — Как вам нравится такой контракт?

имеет силы. Даниэль Мод, эсквайр, с достоинством согласился, что «деловые договоры», заключенные в воскресенье, не имеют силы; но он не может поверить, чтобы господа Полинг и Генфри считали эту бумагу «деловым договором»! Поэтому он объяснил бедняге-рабочему (не интересуясь его мнением, «считает» ли он эту бумагу за «деловой договор»), что он должен или стать на работу, или плясать три месяца на ножной мельнице. — О, манчестерский Салмон! — Покончив с этим, господа Полинг и Генфри обратились к другому обвиняемому. Он назывался Салмоном; это был один из старых рабочих фирмы, прекративших работу. Его обвиняли в том, что он застращивал новых рабочих, подстрекая их тоже прекратить работу. Свидетель — один из этих новопривыкших — сказал, что Салмон схватил его за руку и говорил с ним. Даниэль Мод, эсквайр, задал вопрос, не употреблял ли обвиняемый угроз, не прибегал ли он к насилью. — Нет, сказал свидетель. — Даниэль Мод, эсквайр, обрадовавшийся случаю проявить свое беспристрастие (после того как он уже исполнил свою обязанность относительно буржуазии), объявил, что он не может ничего инкриминировать обвиняемому. Обвиняемый имеет полное право гулять по улицам и говорить с другими, пока он не прибегает к застращиванию словом или поступком — поэтому он свободен. Но господа Полинг и Генфри все же получили удовольствие продержать Салмона одну ночь в кутузке за неуплату судебных издержек — все-таки это лучше, чем ничего! Впрочем, радость Салмона длилась недолго. Освобожденный в четверг 31 октября, он во вторник 5 ноября стоял уже снова перед Даниэлем Модом, эсквайром, по обвинению в нападении на улице на господ Полинга и Генфри. Дело было так. В тот самый четверг, в который Салмон был оправдан, в Манчестер прибыла партия шотландцев, которую заманивали уверениями, что недоразумение уже улажено и что Полинг и Генфри не могут найти в своей местности достаточно рабочих для выполнения принятых ими на себя обширных обязательств. В пятницу к приезжим пришло несколько шотландских столяров, давно работавших в Манчестере, чтоб объяснить своим землякам истинное положение вещей. Около трактира, где помещались шотландцы, собралась большая толпа рабочих, человек 400. Но шотландцев там держали как заключенных, поставив у двери, в виде стражи, одного заведующего мастерской. Через некоторое время появились господа Полинг и Генфри, желавшие лично проводить своих новых рабочих к мастерским. Когда шествие двинулось, толпившиеся на улице рабочие стали убеждать шотландцев не работать вопреки профессиональным правилам Манчестера и не позорить тем своих земляков. Тогда двое из шотландцев отстали, и господин Полинг сам подбежал к ним, чтоб потащить их вперед.

Толпа держала себя спокойно, мешая только быстрому движению шествия. Рабочие убеждали шотландцев не вмешиваться в чужие дела, вернуться домой и т. д. Под конец это разозлило господина Генфри. Он заметил нескольких своих старых рабочих, среди них Салмона. Желая положить конец истории, он схватил его за руку; господин Полинг схватил его за другую, и оба они изо всех сил стали звать на помощь полицию. Подошел полицейский комиссар и спросил, в чем они обвиняют Салмона? Этот вопрос поставил в тупик обоих компаньонов; но, сказали они, «мы знаем этого человека». О, ответил комиссар, этого достаточно, а пока его можно отпустить. Господин Полинг и Генфри, вынужденные предъявить какое-нибудь обвинение Салмону, ломали себе голову над этим несколько дней, пока, по совету своего адвоката, не остановились на указанной выше жалобе. Когда были выслушаны все свидетели, говорившие против Салмона, внезапно поднялся в защиту его У.-П. Робертс, «генеральный поверенный», гроза всех мировых судей, и спросил, не привести ли и ему своих свидетелей, так как против Салмона не выставлено никакого обвинения. Даниэль Мод, эсквайр, разрешил ему выставить своих свидетелей, которые показали, что Салмон держал себя спокойно, пока господин Генфри не схватил его за руку. Когда окончились все речи за и против, Даниэль Мод, эсквайр, заявил, что приговор он объявит в субботу. Очевидно, присутствие «генерального поверенного» Робертса заставило его отказаться от торопливого решения и дважды подумать, прежде чем произнести приговор.

В субботу Полинг и Генфри выставили еще новое, *уголовное*, обвинение в заговоре и застрачивании против трех своих старых рабочих, Салмона, Скотта и Меллора. Они хотели нанести таким образом смертельный удар профессиональному союзу, а чтобы обезопасить себя от страшного Робертса, они вызвали из Лондона видного юриста, господина Монка. Господин Монк выставил в качестве свидетеля одного из новонанятых шотландцев, Гибсона, который выступал свидетелем против Салмона уже в прошлый вторник. Гибсон заявил, что когда в пятницу 1 ноября он с товарищами вышел из трактира, то их окружила толпа людей, тащившая и толкавшая их в разные стороны; в этой толпе он заметил трех обвиняемых. Тогда к допросу этого свидетеля приступил Робертс; он устроил Гибсону очную ставку с другим рабочим и задал ему вопрос, не сказал ли он, Гибсон, вчера вечером этому рабочему, что в прошлый вторник он при своем показании не знал, что *его допрашивали под присягой* и что он вообще не знал, как ему быть на суде и что там говорить. Гибсон ответил, что он не знает этого человека; вчера вечером он был с двумя людьми, но так как было темно, то он не может сказать, был

ли этот человек один из них; но возможно, что он сказал нечто подобное, ибо форма присяги в Шотландии иная, чем в Англии, хотя он не помнит ее в точности. — Тут поднялся господин Монк и заявил, что господин Робертс не в праве задавать подобные вопросы; на это господин Робертс возразил, что такой упрек вполне уместен, когда защищаешь дурное дело, но что он имеет право задавать какие угодно вопросы, не только о том, где родился свидетель, но и о том, где он провел с тех пор каждый день и что он ел каждый день. Даниэль Мод, эсквайр, подтвердил, что господин Робертс имеет это право, но дал ему отеческий совет держаться возможно ближе к делу. После того, как господин Робертс установил, на основании слов свидетеля, что он начал работать у Полинга и Генфри лишь на следующий день после инкриминируемого события, т. е. 2 ноября, тот его отпустил. Тогда выступил в качестве свидетеля сам господин Генфри и рассказал об инциденте то же самое, что говорил и Гибсон. На это господин Робертс задал ему вопрос: «Не добиваетесь ли вы несправедливого преимущества перед вашими конкурентами?» Господин Монк опять выступил с возражением против подобных вопросов. «Хорошо, — ответил Робертс, — я их сформулирую более точным образом. Не знаете ли вы, господин Генфри, что рабочий день плотников регулируется в Манчестере определенными правилами?»

Господин Генфри. Мне нет дела до этих правил, я имею право устанавливать собственные правила.

Господин Робертс. Отлично. Но, господин Генфри, скажите под присягой, не требуете ли вы от своих рабочих более продолжительного рабочего дня, чем прочие подрядчики по постройкам?

Господин Генфри. Да.

Господин Робертс. На сколько часов примерно?

Господин Генфри не знал этого в точности, но вынул свою записную книжку, чтобы произвести необходимый расчет.

Даниэль Мод, эсквайр. Вам нечего заниматься длинным подсчетом; скажите нам только приблизительные цифры.

Господин Генфри. Приблизительно час утром и час вечером в течение шести недель до того времени, когда обыкновенно зажигают свет, и столько же часов в течение шести недель после того дня, когда перестают зажигать свет.

Даниэль Мод, эсквайр. Значит, каждый рабочий должен добавочно работать 72 часа до того времени, когда зажигают свет, и 72 часа после того, т. е. 144 часа за 12 недель.

Господин Генфри. Да.

Это заявление было встречено публикой признаками сильного недовольствия. Господин Монк взглянул яростно на господина Генфри, а господин Генфри смущенно на своего адвоката.

та; господин Полинг стал дергать господина Генфри за полье его сюртука, но уже было поздно. Даниэль Мод, эсквайр, понявший, что сегодня ему придется разыгрывать роль беспристрастного судьи, уже принял к сведению заявление предпринимателя и объявил его во всеуслышание.

После того как были допрошены еще два незначительных свидетеля, господин Монк сказал, что этим исчерпываются его материалы против обвиняемых.

Тогда Даниэль Мод, эсквайр, сказал, что жалобщики не обосновали своего обвинения подсудимых в уголовном деянии; они не доказали, что шотландцы, против которых были произнесены угрозы, поступили на службу к Полингу и Генфри до 1 ноября, ибо не было приведено доказательства, что с нами заключен договор найма или что они работали ранее *второго* ноября, между тем как жалоба была подана *первого* ноября; но в этот день шотландцы еще не были на службе у Полинга и Генфри, и обвиняемые были в праве склонять их всеми законными средствами не поступать к тем на службу. На это господин Монк ответил, что шотландцы должны считаться нанятыми с того момента, когда они покинули Шотландию и сели на пароход. Даниэль Мод, эсквайр, возразил, что хотя он и утверждал, будто бы был заключен подобный договор найма, но что соответствующий документ не был представлен. Господин Монк ответил, что этот документ находится в Шотландии и что он просит господина Мода приостановить дело, пока документы не будут представлены суду. Тут вмешался Робертс, заметив, что такая постановка вопроса для него новость, что, как было заявлено, обвинительный материал исчерпан, а между тем жалобщик требует отложить дело до предъявления им новых документов. Он настаивает на продолжении дела. Даниэль Мод, эсквайр, заметил, что оба требования излишни, так как налицо не имеется обоснованного обвинения, — и на этом обвиняемые были отпущены.

Но и рабочие в это время не дремали. Каждую неделю устраивали они собрания в зале союза плотников или в зале социалистов, обращались за поддержкой к различным профессиональным союзам, щедро отзывавшимся на эти призывы, не переставали знакомить общественное мнение с поведением Полинга и Генфри и, наконец, разослали во все концы делегатов, чтобы повсюду, где Полинг и Генфри вербовали рабочих, разъяснить своим товарищам по работе причину этой вербовки и таким образом предостеречь их от поступления на службу к этой фирме. Уже несколько недель спустя после начала забастовки в пути было семь делегатов; на углах улиц во всех крупных городах были расклеены объявления, предупреждавшие безработных плотников относительно Полинга и Генфри. Девятого ноября некоторые из вернувшихся делегатов сдела-

ли доклад об исполнении ими своей миссии. Один из них, по имени Джонсон, вернувшийся из Шотландии, рассказывал, что агент Полинга и Генфри уже нанял тридцать рабочих в Эдинбурге; но, когда он им разъяснил положение вещей, они заявили, что лучше умрут с голода, чем отправятся при таких условиях в Манчестер. Другой делегат был в Ливерпуле и имел наблюдение над приходящими пароходами; но на них не прибыло ни одного человека, и ему там нечего было делать. Третий объехал Чешир, но куда он ни приезжал, делать ему было нечего, ибо «Northern Star», газета рабочих, разъяснила повсюду истинное положение вещей, и ни у кого не было охоты отправляться в Манчестер; в одном городе даже — в Меккльсфильде — плотники уже провели обложение в пользу стачечников и обещали, в случае нужды, собрать для них еще по шиллингу с человека. В других местах он убедил товарищей по ремеслу приступить к подобным сборам.

Чтобы дать еще раз возможность господам Полингу и Генфри притти к соглашению с рабочими, рабочие всех видов труда, занятые в строительном деле, собрались в понедельник 18 ноября в зале союза плотников, выбрали депутацию для передачи этим господам письменного обращения и двинулись процессией со знаменами и эмблемами к помещению фирмы Полинга и Генфри. Впереди шла депутация, затем комитет по организации забастовки, затем плотники, формовщики и обжигальщики кирпича, чернорабочие, каменщики, пильщики дров, стекольщики, штукатуры, маляры, оркестр музыки, камнетесы, мебельщики. Они проходили перед отелем, где находился их «генеральный поверенный» Робертс, и приветствовали его громким «ура». Когда процессия прибыла к помещению фирмы, то депутация осталась, а вся процессия направилась дальше, чтобы устроить публичный митинг в Стивенсон-сквере. Депутацию встретила полиция, которая, прежде чем пустить ее дальше, потребовала имена и адреса членов ее. Когда они прибыли в контору, то компаньоны, господа Шарпс и Полинг, заявили им, что они не примут никакого письменного обращения от толпы, собранной только в целях застраивания. Депутация отрицала это намерение процессии, так как последняя даже не сделала остановки, а сейчас же тронулась дальше. В то время как эта насчитывавшая 5 000 человек процессия шла вперед, депутация, наконец, была принята и введена в комнату в присутствии начальника полиции, одного офицера и трех газетных корреспондентов. Господин Шарпс, компаньон Полинга и Генфри, самовольно занял председательское место, заметив, что депутация должна быть осторожной в своих выражениях, ибо все сказанное ею будет официально запротоколировано и, при случае, сможет быть употреблено на суде в качестве обвинительного материала. Затем стали расспраши-

вать депутацию, на что она жалуется, и т. д.; предприниматели заявили, что они дадут рабочим работу согласно правилам, обычным в Манчестере. Депутация спросила, работают ли на бранные в Стаффордшире и Шотландии согласно принятым в Манчестере правилам. — Нет, — гласил ответ, — с этими людьми у нас особое соглашение. — Следовательно, ваши рабочие могут начать работу на обычных условиях? — О, мы не ведем переговоров ни с какой депутацией; пусть только придут рабочие, и им скажут, на каких условиях мы желаем дать им работу. — Господин Шарпе прибавил к этому, что все фирмы, в которых он участвует, всегда обращались хорошо с рабочими и давали наибольшую заработную плату. Депутация ответила, что фирма Полинг, Генфри и К^о, в которой, как они слышали, он является участником, резко выступила против существеннейших интересов рабочих. Одного из членов депутации, обжигальщика кирпичей, спросили, на что могут жаловаться его товарищи по профессии.

— О, в данный момент ни на что, но раньше было для этого довольно поводов*.

— Неужели было довольно поводов? — сказал насмешливо господин Полинг и принялся читать длиннейшую лекцию о профессиональных союзах, забастовках и пр. и о нищете, до которой они доводят рабочих. На это один из депутатов заметил, что рабочие вовсе не склонны позволить отнять у себя по частям свои права и, например, работать, как теперь этого желает г. Полинг, даром в его пользу 144 часа ежегодно. Господин Шарпе заметил, что следует подсчитать и убытки участников процессии от потери рабочего дня, издержки на забастовку, потерю заработной платы и пр. На это один депутат ответил: «Это касается только нас, и мы не попросили из вашего кармана на это ни полушки». Вслед за тем депутация ушла, чтобы сделать обо всем доклад рабочим, собравшимся в зале союза плотников; при этом оказалось, что для участия в процессии явились не только все рабочие, работающие в этой местности на Полинга и Генфри (не плотники и потому не бастовавшие), но что в этот же день утром оставили работу и многие из прибывших шотландцев. Один маляр заявил, что Полинг и Генфри предъявили к их цеху такие же несправедливые требования, как и к столярам, и что они тоже намерены оказать сопротивление. Было решено в интересах упрощения дела и сокращения срока борьбы, что забастовать должны все строительные рабочие фирмы Полинг и Генфри. Так и случилось. В ближайшую субботу прекратили работу маляры, а в понедельник — стекольщики. Над новым театром, ко-

* См. выше — о кровавом сражении на кирпичном заводе Полинга и Генфри.

торый Полинг и Генфри взялись, по контракту, выстроить, работало через несколько дней вместо 200 человек только два каменщика и четверо чернорабочих. Точно так же прекратили работу многие из приезжих.

Полинг, Генфри и К^о неистовствовали. Когда же еще трое из приехавших рабочих присоединились к стачке, то в пятницу 22 ноября их потащили к Даниэлю Моду, эсквайру. Прежние неудачи не обескуражили их. Первым обвинялся в нарушении контракта некий Рид; при этом был предъявлен контракт, подписанный обвиняемым в Дерби. Робертс, снова выступавший в защиту стачечников, сейчас же указал, что никакой связи между контрактом и обвиняемым нет, что это две совершенно различные вещи. Даниэль Мод, эсквайр, тотчас это понял, — ведь это сказал грозный Робертс, — но ему стоило не малого труда разъяснить это поверенному противной стороны. Под конец последний попросил разрешения внести кое-какие изменения и через некоторое время пришел с новой просьбой, еще менее состоятельной, чем первая. Когда он сообразил, что и это не годится, он попросил о новой отсрочке, а Даниэль Мод, эсквайр, дал ему на размышление целую неделю, до пятницы 30 ноября. Имел ли он успех на этот раз, я не могу сказать, так как у меня нехватает как раз того номера газеты, в котором должен был находиться приговор. Между тем, Робертс перешел в наступление и, с своей стороны, привлек к суду нескольких из новонаятых рабочих и одного из мастеров Полинга и Генфри по обвинению во вторжении в дом одного стачечника и в дурном обращении с его женой; в двух других случаях забастовщики подверглись нападению. Даниэль Мод, эсквайр, вынужден был, к своему прискорбию, осудить всех обвиняемых, но он постарался обойтись с ними возможно мягче, потребовав от них лишь поручительства за хорошее поведение в будущем.

Наконец, в последних числах декабря господам Полингу, Генфри и К^о удалось добиться приговора для двух из своих противников также по обвинению в насильственных действиях по отношению к одному из их рабочих. Но на этот раз судья не был так мягок; он приговорил их к месяцу тюремного заключения и к залогу в обеспечение хорошего поведения по истечении срока ареста.

С этого момента известия о стачке становятся скудными. 18 января она была еще в полном разгаре. Позднейших сведений мне не удалось найти. Вероятно, она закончилась, как и большинство других стачек; с течением времени Полинг, Генфри и К^о набрали себе достаточное количество людей из отдаленных местностей и из отдельных перебежчиков из враждебного лагеря; большинство стачечников, пробастовав и победив, более или менее продолжительное время (причем их

должно было утешать сознание, что таким образом они не поступились своим достоинством и поддержали уровень заработной платы своих товарищей), — нашли себе занятия где-нибудь в другом месте. Что касается спорных пунктов, то Полинг, Генфри и К⁰ должны были убедиться, что нельзя целиком настоять на своем, так как и для них стачка была связана с крупными убытками; прочие же предприниматели, после такой упорной борьбы, не скоро, вероятно, решатся делать покушения на старые правила плотничьей работы.

Брюссель.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Исследования * Статьи 1844—1845». Госполитиздат. 1940 г., стр. 577—589.

К. МАРКС.

Из книги «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ».

Глава вторая.

МЕТАФИЗИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

V. СТАЧКИ И РАБОЧИЕ КОАЛИЦИИ.

«Никакое увеличение заработной платы не может вести ни к чему иному, кроме повышения цены хлеба, вина и проч., т. е. к тому же результату, как и недостаток в припасах. Что такое, в самом деле, заработная плата? Это стоимость производства хлеба и проч.; это полная цена всех вещей. Пойдем далее. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство и каждый день производительно потребляемых массой рабочих. Поэтому удвоить заработную плату... значило бы выдать каждому производителю часть, превышающую доставленный им продукт, что само в себе включает противоречие. Если же повышение захватит лишь небольшую часть отраслей промышленности, то оно вызовет всеобщее замешательство в обмене, одним словом — *дороговизну*. Я утверждаю, что за стачками, вызвавшими увеличение заработной платы, не может не последовать *всеобщего повышения цен*; это так же верно, как дважды два — четыре». (Прудон, т. I, стр. 110 и 111.)

Из всех этих положений мы не отрицаем только одного: что дважды два — четыре.

Во-первых, не может быть *всеобщего вздорожания*. Если цена всех предметов удваивается одновременно с заработной платой, то от этого не происходит никакого изменения цен, а изменяются лишь выражения.

Во-вторых, общее повышение заработной платы никогда не может привести к более или менее общему вздорожанию товаров. В самом деле, если бы все отрасли промышленности употребляли одинаковое количество рабочих по отношению к своему основному капиталу (к применяемым орудиям труда), всеобщее повышение заработной платы повело бы ко всеоб-

щему понижению прибыли, рыночные же цены товаров не потерпели бы никакого изменения.

Но так как отношение ручного труда к основному капиталу не во всех отраслях промышленности одинаково, то отрасли, употребляющие сравнительно больший основной капитал и меньшее число рабочих, принуждены будут раньше или позже понизить цену своих товаров. В противном случае, если бы цена их товаров не понижалась, то их прибыль поднялась бы выше общего уровня прибылей. Ведь машины не получают заработной платы. Поэтому общее повышение заработной платы было бы менее чувствительно для отраслей промышленности, употребляющих сравнительно с другими большее количество машин и меньшее число рабочих. Но повышение той или другой прибыли над общим уровнем, при постоянном стремлении конкуренции к их уравниванию, может быть только временным. Таким образом, помимо некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к общему повышению цен, как думает Прудон, а к частичному понижению, т. е. к удешевлению рыночных цен товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин.

Повышение и понижение прибыли и заработной платы выражают лишь пропорцию, в которой капиталисты и рабочие участвуют в продукте рабочего дня, вовсе не влияя, в большинстве случаев, на цену продукта. Но чтобы «стачки; вызвавшие увеличение заработной платы, вели ко всеобщему увеличению цен и даже к большей дороговизне», — это одна из тех идей, которые могут зародиться лишь в мозгу непонятого поэта.

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или других новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих. Self-acting mule (автоматический прядильный станок), величайшее изобретение новейшей промышленности, прогнал с поля битвы возмущившихся прядильщиков. И если бы коалиции и стачки приводили только к тому, что рабочим были бы противопоставлены механические изобретения, то и тогда они оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

«Я читаю, — продолжает г-н Прудон, — в статье г-на Леона Фосе... за сентябрь 1845 г., что с некоторого времени английские рабочие отвыкают от коалиций (прогресс, с которым их, конечно, можно только поздравить); при этом оказывается, что такое улучшение нравственности рабочих является главным образом следствием их экономического образования. «Не от фабрикантов зависит заработная плата, — воскликнул на митинге в Болтоне один прядильщик. — Во время застоя хозяева выполняют, так сказать, только роль кнута в руках необхо-

димости и должны быть им волей или неволей. Регулирующим принципом является отношение между спросом и предложением, а над ним хозяева не властны... В добрый час, — восклицает г-н Прудон, — вот, наконец, прекрасно выдрессированные, образцовые рабочие и проч., и проч. «Этой беды еще только недоставало Англии, но через пролив она не перейдет». (Т. I, стр. 261 и 262.)

Из всех английских городов именно в Болтоне радикализм наиболее развит. Рабочие Болтона известны за самых ярких революционеров. Во время большой агитации против хлебных законов английские фабриканты не считали возможным бороться с землевладельцами, не выдвигая вперед рабочих. Но так как между рабочими и фабрикантами существует не меньшая противоположность интересов, чем между этими последними и землевладельцами, то фабриканты естественно должны были терпеть поражения на митингах рабочих. Что же делали фабриканты? Они организовывали показательные митинги, состоящие по большей части из мастеров, из небольшого числа преданных им рабочих и из *друзей торговли* в собственном смысле этого слова. Когда затем настоящие рабочие пытались проникнуть на эти митинги, — как это было в Болтоне и Манчестере, — чтобы протестовать против таких поддельных демонстраций, им запрещали вход, под тем предлогом, что это были *ticket-meetings*, т. е. митинги, на которые допускаются лишь лица, снабженные входными билетами. Между тем, афиши на стенах объявляли о публичных митингах. Журналы фабрикантов давали напыщенные и подробные отчеты о речах, произносившихся на этих митингах. Нечего говорить, что все речи принадлежали мастерам. Лондонские газеты перепечатывали их с буквальной точностью. Г-н Прудон имел несчастье принять мастеров за настоящих рабочих и строжайшим образом запретил им переплывать канал.

Если в 1844—1845 гг. стало меньше слышно о стачках, так это потому, что 1844—1845 гг. являются первыми годами процветания английской промышленности с 1837 г. И, тем не менее, ни один из профессиональных союзов (*trades-unions*) не был распущен.

Послушаем теперь болтонских мастеров. По их мнению, фабриканты не имеют власти над заработной платой, потому что не от них зависит цена продуктов; а цена продукта не зависит от них потому, что они не имеют власти над мировым рынком. Наши ораторы утверждают, что по этой причине не следует устраивать коалиций с целью вырвать у хозяев увеличение заработной платы. Г-н Прудон, наоборот, запрещает коалиции из опасения, чтобы они не привели к повышению заработной платы, что вызвало бы всеобщую дороговизну. Нам нет надобности указывать, что в одном пункте между

мастерами и г-ном Прудонем существует самое трогательное согласие: и он, и они думают, что повышение заработной платы равносильно повышению цены продуктов.

Но действительно ли досада г-на Прудона вызывается опасением дороговизны? Нет. Он сердится на болтонских мастеров просто за то, что они определяют стоимость *спросом и предложением* и нимало не заботятся о *конституированной стоимости*, о стоимости, достигшей состояния конституированности, о конституировании стоимости, включая сюда *постоянную обмениваемость* и все остальные *пропорциональности отношений и отношения пропорциональности*, с дополнением сверх всего этого еще провидения.

«Стачка рабочих *противозаконна*; это говорит не только уголовный кодекс, но также и экономическая система и необходимость установленного порядка... Свобода каждого отдельного рабочего располагать своей личностью и своими руками может быть терпима, но общество не может позволить рабочим прибегать, посредством коалиций, к насилию над монополиями». (Т. I, стр. 235 и 237.)

Г-н Прудон старается выдать статью уголовного кодекса за всеобщий и необходимый результат отношений буржуазного производства.

В Англии коалиции дозволены актом парламента, и именно современная экономическая система вынудила парламент издать такой закон. Когда в 1825 г., во время министерства Гескиссона, парламент должен был изменить законодательство, чтобы привести его в большее соответствие с порядком вещей, созданным свободной конкуренцией, он не мог не отменить и всех законов, запрещавших рабочие коалиции. Чем сильнее развиваются современная промышленность и конкуренция, тем более является элементов, вызывающих и поддерживающих коалиции, а когда коалиции становятся экономическим фактом, с каждым днем приобретающим все большую и большую устойчивость, то они по необходимости становятся в скором времени фактом законным.

Поэтому соответствующая статья уголовного кодекса доказывает только, что, во время Учредительного собрания и при Империи крупная промышленность и конкуренция не были еще достаточно развиты.

Экономисты и социалисты* единогласно осуждают *коалиции*. Разница заключается лишь в мотивировке приговора.

Экономисты говорят рабочим: «Не составляйте коалиций. Прибегая к ним, вы задерживаете правильный ход промышленности, мешаете фабрикантам удовлетворять заказчиков, вно-

* То есть социалисты того времени: фурыеристы во Франции и последователи Оуэна в Англии. — Ф. Э.

сите замешательство в торговлю и ускоряете введение машин, которые, делая бесполезной часть вашего труда, принуждают вас тем самым принимать еще более пониженную заработную плату. К тому же ваши усилия напрасны. Ваша заработная плата всегда будет определяться отношением между спросом на рабочие руки и их предложением; возмущение против вечных законов политической экономии так же смешно, как и опасно».

Социалисты говорят рабочим: «Не соединяйтесь в коалиции, так как, в конце концов, что же вы этим выиграете? Повышение заработной платы? Экономисты докажут вам с полной очевидностью, что, даже в случае успеха, за кратковременным выигрышем нескольких грошей последует новое и уже прочное падение заработной платы. Искусные счетчики высчитают вам, что пройдут целые годы, прежде чем увеличение заработной платы вознаградит вас хотя бы за издержки по организации и поддержке коалиций. Мы же, в качестве социалистов, скажем вам, что, даже помимо этого денежного вопроса, вы и при коалиции останетесь все такими же рабочими, а ваши хозяева останутся хозяевами. Итак, не соединяйтесь в коалиции, не занимайтесь политикой: ведь устраивать коалиции и значит заниматься политикой».

Экономисты хотят, чтобы рабочие оставались в обществе, каким оно сложилось в настоящее время и было записано и процепечатано экономистами в их учебниках.

Социалисты советуют оставить в покое старое общество, чтобы с тем большею легкостью войти в новое, подготовленное ими, социалистами, с такою предусмотрительностью.

Но, вопреки тем и другим, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали идти вперед и увеличиваться вместе с развитием и ростом современной промышленности. Можно даже сказать в настоящее время, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые обширные и наилучшим образом организованные коалиции.

Английские рабочие не остановились на частичных коалициях, временно возникавших в виду стачки и исчезающих вместе с нею. Они создали постоянные союзы, *trades-unions*, которые служат оплотом рабочих в их борьбе против предпринимателей. В настоящее время все эти местные профессиональные союзы объединены в *Национальную ассоциацию профессиональных союзов* (*National Association of United Trade*), насчитывающую до 80 000 членов и имеющую центральный комитет в Лондоне. Устройство стачек, коалиций, *trades-unions* шло одновременно с политической борьбой рабочих, состав-

ляющих в настоящее время, под именем *чартистов*, большую политическую партию.

Первые попытки рабочих к объединению между собою всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция разъединяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения, — этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес, — соединяет рабочих на одной и той же мысли о сопротивлении, о *коалиции*. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы быть в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере объединения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы, и в противовес всегда объединенному капиталу сохранение союза становится для них даже более необходимым, чем охрана заработной платы от падения. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая.

В истории буржуазии мы должны различать два фазиса: в первом — она складывалась в класс под господством феодального порядка и абсолютной монархии; во втором, — уже образовав из себя класс, — она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать общество буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий. Он тоже начался с частичных коалиций против феодальных сеньеров.

Существует не мало исследований, изображающих различные исторические фазисы, пройденные буржуазией, начиная с городских общин до образования из нее самостоятельного класса.

Но когда приходится дать себе ясный отчет относительно стачек, коалиций и других форм, в которых пролетариат на наших глазах организуется как класс, то одних охватывает самый реальный страх, другие выказывают *трансцендентальное* презрение.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Возможность этого освобождения угнетенного класса является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могут более уживаться рядом. Изю всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Значит ли это, что с падением старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения трудящегося класса есть уничтожение всех классов; так же точно, как условием освобождения третьего, буржуазного, сословия было уничтожение всех сословий*.

Идя по пути своего развития, трудящийся класс заменит старое гражданское общество ассоциацией, исключаяющей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовою борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полною революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на *противоположности* классов, приходит, как к последней развязке, к грубому *противоречию*, к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

---

* Слово «сословие» употребляется здесь в историческом смысле сословий феодального государства с определенными, ограниченными сословными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только классы. Поэтому тот, кто называет пролетариат «четвертым сословием», впадает в полнейшее противоречие с историей. — Ф. Э.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет:

«Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса» (Жорж Занд).

Брюссель, 15 июня 1847 г.

К. Маркс, «Ницета философии».
Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г., стр. 115—120.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ.

Центральный комитет — Союзу.

Братья! В течение обоих революционных лет, 1848—1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение, как они были изложены в циркулярных письмах конгрессов и Центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказались единственно правильными и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а понимание современного общественного положения — пропагандировавшееся раньше Союзом только тайно — теперь на устах всех и публично проповедуется на площадях. В то же самое время прежде крепкая организация Союза значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины стали запускать свои сношения с Центральным комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем движении всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов. Такому состоянию необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и поэтому уже зимой 1848—1849 гг. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Миссия Молля не оказалась, однако, прочного влияния отчасти потому, что германские рабочие еще не имели тогда достаточного опыта,

отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием в мае прошлого года. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и 19 июля пал в стычке при Мурге. В его лице Союз потерял одного из своих старейших, активнейших и надежнейших членов, участвовавшего во всех конгрессах и Центральных комитетах и уже раньше выполнявшего с большим успехом ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 г. почти все члены Центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленной энергией принялись за реорганизацию Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и Центральный комитет считает в высшей степени важным, что эмиссар должен отправиться как раз в настоящее время, когда предстоит новая революция*, когда, следовательно, рабочая партия должна выступать возможно более организованной, возможно более единой и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 г., что немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тотчас же обратят свою только что приобретенную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 г. немедленно захватили государственную власть и тотчас использовали эту власть для того, чтобы заставить рабочих, своих союзников по борьбе, вернуться в их прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с побежденной в марте феодальной партией, даже в конце концов не уступив снова господства этой феодальной абсолютистской партии, то все же она обеспечила себе условия, которые ввиду финансовых затруднений правительства передали бы, наконец, в ее руки господство и гарантировали бы ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтобы революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не понадобились бы насильственные мероприятия, которые вызвали бы против нее ненависть народа, потому что все эти

---

* В марте 1850 г., когда было написано «Обращение ЦК к Союзу коммунистов», Маркс считал еще, что скоро последует новый подъем революционной волны. Однако после тщательного анализа мирового экономического положения он уже в сентябре 1850 г. пришел к выводу, что наступил новый мощный подъем развития капитализма, который является «матерью контрреволюции», так же как мировой торгово-промышленный кризис 1847 г. явился «матерью революции». — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

насильственные шаги уже сделала феодальная контрреволюция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Наоборот, близка революция, которая ускорит это развитие, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Вавилон*.

И роль, которую немецкие либеральные буржуа в 1848 г. сыграли по отношению к народу, — эту столь предательскую роль в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 г. Эта партия, демократическая партия, которая для рабочих много опаснее, чем прежние либералы, состоит из тройкого рода элементов:

I. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ от платежа налогов.

II. Из конституционно-демократических мелких буржуа, главной целью которых в предшествовавшем движении было создание более или менее демократического федеративного государства в том виде, как его добивались их представители, левая франкфуртского Собрания, а позже штутгартский парламент и они сами в кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является германская федеративная республика вроде швейцарской и которые теперь называют себя «красными» и «социальными демократами» потому, что питают благочестивое желание уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа. Представители этой фракции были: члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, «республиканцами» или «красными», совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они нисколько не изменились. Впрочем, понятно, что изменение названия этой партии нисколько не изменяет ее отношения к рабочим; оно доказывает только, что теперь эта партия должна

* *Революционный Вавилон* — подразумевается столица Франции, Париж, считавшийся со времен французской буржуазной революции (1789—1794 гг.) очагом революции. — *Прим. ред. избран. произвед. К. Маркса.*

выступать против объединившейся с абсолютизмом буржуазии и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только огромное большинство буржуазного населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров: под ее влиянием находятся крестьяне и деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с нею против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против них во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить положение в своих собственных интересах.

Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего сокращения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют создания государственных кредитных учреждений, чтобы устранить гнет крупного капитала, давящего на мелкий, и требуют законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получать ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем введения буржуазных имущественных отношений в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходим демократический, будь то конституционный или республиканский, образ правления, который давал бы большинство им и их союзникам — крестьянам, и демократическое местное самоуправление, которое передало бы в их руки непосредственный контроль над муниципальной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Для противодействия господству и быстрому росту капитала необходимо, по их мнению, отчасти ограничить права наследования, отчасти же передать возможно большее количество работ в руки государства. Что касается рабочих, то прежде всего несомненно, что они попрежнему должны остаться наемными рабочими, но при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и обеспеченное существование; они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, — словом, они надеются подкупить рабочих более или менее замаскированными подач-

ками и сломить их революционную силу временным улучшением их положения. Далеко не все фракции мелкобуржуазной демократии отстаивают все приведенные здесь ее требования, и только немногие из мелкобуржуазных демократов считают своей задачей добиваться этих требований во всей их совокупности. Чем дальше идут отдельные лица или фракции мелкобуржуазной демократии, тем большее количество этих требований они делают своими, а те немногие, которые в вышеизложенном видят свою собственную программу, пожалуй, могут вообразить, что это максимум того, чего вообще можно ожидать от революции. Но эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в период дальнейшего развития революции на известное время получит в Германии преобладающее влияние, — это не подлежит никакому сомнению. Поэтому, спрашивается, какова будет позиция пролетариата и в частности Союза по отношению к ней:

1) пока продолжают существовать теперешние отношения, когда мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении;

2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес;

3) по окончании этой борьбы, на то время, когда они получат перевес над низвергнутыми классами и над пролетариатом.

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они вообще проповедают пролетариату елиение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где

ради столь желанного мира не должны быть выставляемы особые требования пролетариата. Подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобряющего рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую местную секцию в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы относятся к такому союзу с пролетариями, в котором последние обладали бы равной с ними силой и равными правами, видно на примере бреславльских демократов: в их органе, в «*Neue Oderzeitung*» [«*Новой Одерской Газете*»] они яростно преследуют организованных самостоятельно рабочих, которых они именуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого объединения. Поскольку необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем само собою возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишит пролетариат плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвинуться вперед по отношению к вооруженному пролетариату и продиктовать им такие условия, при которых господство их с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и их последующее вытеснение властью пролетариата будет значительно облегчено. Во время конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны действовать

в таком направлении, чтобы непосредственное революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно. Они не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести по отношению к ненавистным лицам или официальным учреждениям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и взять на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Они должны потребовать гарантий для рабочих, лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки. Если будет необходимо, они должны добиться этих гарантий силой и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство их скомпрометировать. Они вообще должны всемерно и насколько возможно сдерживать ликование, вызываемое новым положением, и опьянение победой, наступающее после всякой победоносной уличной борьбы, противопоставляя этому спокойное и хладнокровное понимание событий и нескрываемое недоверие к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства в виде ли органов местного самоуправления, муниципальных советов, в виде ли рабочих клубов или рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но чтобы можно было энергично и грозно выступить против этой партии, которая начнет предавать рабочих с первого же часа победы, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командиром и генеральным штабом, избранными ими же самими, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных муниципальных советов. Там, где рабочие работают на государственных пред-

приятнях, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с избранными ими командирами или же организации в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом они не должны сдавать; всякой попытке разоружения в случае необходимости следует давать вооруженный отпор. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и создать условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие, для неизбежного в начале господства буржуазной демократии, — таковы главные требования, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Лишь только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы иметь возможность энергично выступить против демократических мелких буржуа, необходимо прежде всего, чтобы рабочие были самостоятельно организованы и централизованы через свои клубы. После свержения существующих правительств, как только представится возможность, Центральный комитет будет перенесен в Германию, тотчас же созовёт конгресс и внесет на его рассмотрение необходимые предложения относительно централизации рабочих клубов под руководством органа, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере областных объединений рабочих клубов является одной из главнейших мер для усиления и развития рабочей партии; ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться:

I. О том, чтобы ни под каким предлогом не устранялись группы рабочих из-за каких-либо каверз местных властей или правительственных комиссаров.

II. Чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, по возможности из числа членов Союза, и чтобы для их избрания были использованы все возможные средства. Даже там, где нет никакой надежды на их избрание, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и открыто показать всем свою революционную позицию и свою партийную точку зрения. При этом рабочие не должны дать обманывать себя фразами демократов, например, о том, что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы имеют своей конечной целью одурачить пролетариат. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который мо-

жет причинить присутствие нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно и террористически против реакции, влияние последней на выборы заранее будет уничтожено.

Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который должен будет проделывать тот же кругооборот обнищания и растущей задолженности, в котором находится теперь французский крестьянин.

Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность стала государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности принцип общественной собственности немедленно же станет на твердую почву. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом. Далее, демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся миновать единой и нераздельной республики, постараются по крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам* и областям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться самой решительной централизации сил в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе муниципалитетов, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и областного своеправия, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая область ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая всю свою силу может развернуть лишь при наличии централизации. Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, в силу которого

* *Община* — термин, употребляемый Энгельсом в широком смысле, в отношении как городских муниципалитетов, так и сельской общины. — *Прим. ред. избран. произвед. К. Маркса.*

немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой области. Менее всего можно допускать, чтобы с помощью так называемого свободного местного самоуправления была бы увековечена общинная собственность.— форма собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее, — а вместе с тем были бы увековечены возникающие из этой общинной собственности тяжбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами против рабочих. Как во Франции в 1793 г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии*.

Мы видели, что демократы в ближайшем движении придут к господству и что они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос, какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов вторгаться по возможности в наибольшее количество областей существующего общественного строя, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не ре-

* В настоящее время надо заметить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что конвент пользовался ею как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что общее управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, избираемых самими управляемыми, и пользовалось полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это областное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, настолько, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической и национальной централизации, настолько же необязательна его связь с тем ограниченным кантональным или коммунальным эгоизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южно-германские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии в 1849 г. (Примечание Энгельса к цюрихскому изданию 1885 г.)

волюционно, а лишь реформистски; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например, если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы государством без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут соотносываться с поступками и мероприятиями демократов.

Если немецкие рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью более длительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть по крайней мере уверенность, что первый акт этой приближающейся революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами больше всего сделают тем, что выяснят себе свои классовые интересы, займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную партийную позицию и ни на одно мгновение не поддадутся тому, чтобы демократические мелкие буржуа своими лицемерными фразами сбили их с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевой лозунг должен гласить: «непрерывная революция».

Лондон, март 1850 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в книге К. Маркса «*Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln*», Цюрих, 1855 г. — Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII.

(Первое обращение.)

К. Маркс. Избранные произведения. ИМЭЛ, Госполитиздат. 1940 г. Т. II, стр. 127—137.

К. МАРКС.

РАБОЧИЕ ЗАБАСТОВКИ. — НАРОДНАЯ ХАРТИЯ.

Лондон, 1 июля 1853 г.

Забастовки и объединения рабочих развиваются быстро и в небывалых размерах. Передо мной лежат сейчас отчеты о забастовках всевозможных фабричных рабочих в Стокпорте, кузнецов, прядильщиков, ткачей и др. — в Манчестере, ковровщиков — в Киддерминстере, углекопов — в Рингвудских копах близ Бристоля, ткачей — в Блекберне и Дарвене, столяров — в Бостоне, отбельщиков, аппретурщиков, красильщиков и механических ткачей — в Болтоне и окрестностях, барнслейских ткачей, спиталфильдских рабочих по производству шелковых тканей, ноттингамских рабочих кружевного производства, рабочих всевозможных профессий в Бирмингемском округе и в разных других местах. С каждой почтой приходят новые известия о забастовках; стачки принимают эпидемический характер. Каждая крупная стачка вроде стокпортской, ливерпульской и т. д. неизбежно порождает целый ряд более мелких забастовок, потому что рабочие не в состоянии успешно сопротивляться хозяевам, не обратившись за поддержкой к своим товарищам в других местах королевства, и их товарищи из солидарности требуют, в свою очередь, повышения заработной платы. Кроме того, рабочие повсюду считают для себя вопросом чести и материального интереса не соглашаться на худшие условия, чтобы не изолировать борьбу своих товарищей, и таким образом на забастовку в одном месте откликаются забастовками другие местности вплоть до самых отдаленных. В некоторых случаях требование прибавок сводится просто к попытке получить с хозяев старые недоимки. Это относится, например, к большой забастовке в Стокпорте.

В январе 1848 г. стокпортские фабриканты провели общее снижение заработной платы на 10% для всех категорий рабочих. Согласие на это снижение было дано с тем условием, что при улучшении конъюнктуры прежние ставки будут восстановлены. Ввиду этого в начале марта 1853 г. рабочие напомнили своим хозяевам об обещанном повышении платы на

10%; не добившись удовлетворения своего требования, они забастовали в количестве свыше 30 000 человек. В большинстве случаев фабричные рабочие определенно заявляли о своем *праве* на долю богатства страны и особенно богатства своих хозяев.

Отличительная черта настоящих забастовок состоит в том, что они начались в низших слоях неквалифицированных (не фабричных) рабочих, находящихся сейчас под непосредственным влиянием эмиграции, и лишь постепенно охватили и фабричный пролетариат крупных промышленных центров Великобритании, тогда как раньше забастовки всегда исходили от верхушки фабричных рабочих — механиков, прядильщиков и т. д., распространялись затем на низшие слои нашего огромного промышленного улья и только потом уже охватывали и мастеровых. Это явление нужно приписать исключительно влиянию эмиграции.

Есть такие филантропы и даже социалисты, которые считают забастовки весьма вредными для интересов «самих рабочих» и усматривают свою главную задачу в том, чтобы изыскать способ обеспечения постоянных средних ставок заработной платы. Не говоря уже о том, что существование промышленных циклов с их различными стадиями уничтожает всякую возможность таких средних ставок, — я, с своей стороны, убежден, что сменяющие друг друга повышения и падения заработной платы и постоянно возникающие на этой почве конфликты между хозяевами и рабочими являются при нынешней организации промышленности незаменимым средством для поднятия настроения среди трудящихся, для объединения их в один великий союз против посягательств правящего класса и для спасения их от превращения в апатичные, несознательные, более или менее сытые орудия производства. При общественном строе, основанном на антагонизме классов, тот, кто хочет искоренить рабство не только на словах, но и на деле, должен стоять за войну. Чтобы правильно оценить значение стачек и рабочих объединений, мы не должны смущаться внешней незначительностью достигнутых ими экономических результатов, — мы должны учитывать прежде всего их моральные и политические последствия. Без сменяющих друг друга периодов застоя, процветания, сверх-оживления, кризиса и обнищания, через которые периодически проходит современная промышленность и которые вызывают скачки заработной платы и непрестанную борьбу хозяев и рабочих, тесно связанную с этими колебаниями заработной платы и прибылей — без этого рабочий класс Великобритании и всей Европы был бы подавленной, безвольной, забитой, лишенной способности к сопротивлению массой, для которой успешная борьба за свое освобождение была бы так же невозможна, как для рабов древ-

ней Греции и Рима. Не следует забывать, что забастовки и объединения крепостных были рассадниками средневековых общин и что эти общины явились, в свою очередь, колыбелью ныне правящей буржуазии.

В одном из своих последних писем я отметил то огромное значение, которое должна приобрести нынешняя борьба рабочих для чартистского движения в Англии; мое мнение вполне подтвердили результаты, достигнутые за первые две недели кампании, начавшейся под руководством чартистского лидера Эрнеста Джонса. Первый большой митинг под открытым небом должен был, как вы знаете, состояться на холме Блекстон-Эдж. 19-го июня там собрались ланкаширские и иоркширские делегаты местных чартистских групп и образовали делегатский совет. Петиция Эрнеста Джонса об издании хартии была единогласно одобрена, равно как и петиции, составленные по инициативе собраний в обоих графствах. Передачу ланкаширской и иоркширской петиций решено было поручить г-ну Эпли Пеллату, парламентскому депутату от Саутгорта, который согласился на себя передачу всех чартистских петиций. Что касается народного митинга, то самые ярые оптимисты не представляли себе его возможности, потому что погода была ужасная, гроза усиливалась с каждой минутой, и дождь лил, как из ведра. Сперва показались только отдельные небольшие группы, взбиравшиеся на вершину холма, но вскоре стали появляться более многолюдные группы, и с возвышенности, откуда открывается вид на окрестные долины, можно было наблюдать, как отовсюду тонкие, но непрерывные ленты людей тянулись, под густой завесой дождя, по дорогам и тропинкам, ведущим от соседних селений. Ко времени, назначенному для начала митинга, свыше 3 000 человек собралось на холме, чрезвычайно далеко от всякого жилья, и во время длинных речей присутствующие, несмотря на отчаянный ливень, до конца оставались на месте.

Предложенная г-ном Эдуардом Гобсоном резолюция, гласящая, что «социальное недовольство трудящихся классов страны есть результат классовых законов и что единственным средством против этих классовых законов является принятие народной хартии», была поддержана г-ном Гаммеджем, членом чартистского исполнительного комитета, и г-ном Эрнестом Джонсом, из речей которых я приведу некоторые отрывки.

«Предложенная резолюция, — сказал г-н Гаммедж, — объясняет народное недовольство классовыми законами. Я думаю, что ни один человек, следивший за ходом событий, не станет оспаривать это положение. Так называемая палата общин оставалась глуха ко всем жалобам масс, и когда народ громко заявлял о своих бедствиях, он встречал только насмешки и издевательства со стороны людей, выдающих себя за предста-

вителей нации; а если ввиде исключения вопли народа находили иногда отклик в палате, этот отклик неизменно заглушался улюлюканьем разбойничьего большинства наших классовых законодателей (громкие аплодисменты). Палата общин не только отказывалась удовлетворить справедливые требования народа, но отказывалась даже обследовать его положение. Все вы, вероятно, помните, что не так давно г-н Слени внес в палату предложение о назначении постоянной комиссии для обследования условий жизни рабочих и для выработки плана помощи им, но палата так твердо решила не допустить этот вопрос к обсуждению, что при внесении указанного предложения только двадцать шесть депутатов оказались на местах и заседание не состоялось за отсутствием кворума. (Крики: «позор, позор!»). Когда предложение было снова внесено, г-н Слени не только не добился успеха, но, насколько я помню, из 656 уважаемых джентльменов лишь 19 были на своих местах и согласны были хотя бы приступить к обсуждению вопроса. Когда вы вдумаетесь в действительное положение народа, вы, вероятно, признаете необходимым безотлагательное расследование этого вопроса. Наши экономисты утверждают, что ежегодная продукция страны составляет 820 000 000 фунтов стерлингов. Считая, что в Соединенном королевстве имеется 5 000 000 рабочих семей и что средний доход этих семей равняется 15 шиллингам в неделю, что, впрочем, я считаю слишком высокой цифрой по сравнению с их действительным доходом (крики: «чересчур высокая!»), принимая все-таки эту цифру, мы находим, что из своей гигантской годовой продукции рабочие получают жалкую долю в сто девяносто пять миллионов (крики: «позор!»), а все остальное идет в карман праздным помещикам, ростовщикам и вообще капиталистам... Нужно ли доказывать, что эти люди — грабители? Злейшие воры не те, которые сидят в наших тюрьмах; самые опасные и ловкие воры — это те, кто грабит народ с помощью ими же созданных законов, и это крупное грабительство является настоящей причиной всех мелких грабежей, которые совершаются в стране». Перейдя затем к анализу состава палаты общин, оратор отметил, что, принимая во внимание классовую природу членов этой палаты и классы, которые они представляют, нечего и думать о возможности какого-либо контакта между ними и трудящимися миллионами. В заключение оратор заявил, что народ должен ближе ознакомиться со своими социальными правами.

Г-н Эрнест Джонс сказал:

«Мы провозглашаем сегодня наше требование, чтобы хартия стала законом (аплодисменты). Я призываю вас вернуться в ряды нашего великого движения, ибо я убежден, что время для этого наступило, что успех зависит теперь от вас, и не

хочу, чтобы вы пропустили эту возможность. Оживление промышленности и эмиграция дают вам сейчас козырь в руки, и от того, как вы его используете, зависит ваше будущее. Если вы используете его только в целях удовлетворения ваших текущих нужд, вы не выдержите, когда изменится настоящая конъюнктура. Но если вы используете его не только для укрепления вашего настоящего положения, но и для обеспечения будущего, вы восторжествуете над всеми вашими врагами. Если оживление промышленности и эмиграция являются для вас источником силы, то с прекращением оживления промышленности и эмиграции эта сила должна будет исчезнуть, и если вы не обеспечите себя теперь, вы попадете в худшее рабство, чем когда-либо (слушайте, слушайте!). Больше того, причины, обуславливающие вашу силу сейчас, очень скоро станут источником вашей слабости. Эмиграция, которая уменьшает количество рабочих рук, вскоре начнет в еще большей мере уменьшать спрос на работу... В промышленности наступит застой, и я спрашиваю вас: какие меры принимаете вы, чтобы обезопасить себя на этот случай? Вы участвуете в великом движении за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы и вы фактически добились кое-чего, но заметьте! — вы добились этого не через парламент. Девиз предпринимателей гласит: тешьте их мелкими подачками, но не давайте им ни одного закона! Не проводите билля о заработной плате в парламенте, но выполните кое-какие его пункты на фабрике (слушайте!). Наемные рабы могут сказать: «На что нам политическая организация для борьбы за 10-часовой рабочий день или за более высокую заработную плату? Мы добились своего сами, без парламента». Да, но можете ли вы удержать завоеванное без парламента? Что дало вам победу? Оживление промышленности. Что отнимет у вас ее плоды? Застой в промышленности. Ваши хозяева знают это. Поэтому они сокращают ваш рабочий день, поднимают вашу плату, выплачивают вам недоданное, надеясь, что этим они побудят вас отказаться от мысли о собственной политической организации (аплодисменты). Они сокращают рабочий день, зная, что скоро им придется сократить свое производство, они увеличивают заработную плату, предвидя, что скоро тысячи из вас останутся без всякого заработка. И в то же время они (фабриканты внутренних графств) говорят вам, что даже если бы негодные им законы прошли, это только заставило бы их искать других средств для вашего ограбления, — таков был прямой смысл их заявлений. Так что, во-первых, вы не можете добиться нужных вам законов, потому что у вас нет народного парламента, а во-вторых, если бы такие законы и прошли, вам говорят, что они все равно не будут выполняться (громкие крики: «слушайте!»). Вот я и спрашиваю вас: как вы готовитесь к

будущему? Как собираетесь вы использовать ту огромную силу, которую вы сейчас обладаете? Ибо вы будете совершенно беспомощны, если не начнете готовиться теперь же; вы потеряете все, что завоевали. Ведь мы собрались здесь сегодня именно для того, чтобы обсудить, как удержать и расширить наши завоевания. Некоторые думают, что чартистская организация может помешать развитию рабочего движения. Боже правый! Да ведь только чартистская организация и может привести его к победе. Рабочий не в состоянии обходиться без работодателя, если он не может сам давать себе работу. Но рабочий не может сам давать себе работу, если он не владеет средствами производства — землей, кредитом и машинами. Он никогда не овладеет ими, пока не покончит с земельной, денежной и промышленной монополией, а покончить с ней он не может, не овладев государственной властью. Почему вы добиваетесь закона о 10-часовом рабочем дне? Если политическая власть не нужна для обеспечения свободы рабочего класса, к чему тогда вообще идти в парламент? Почему не провести это мероприятие непосредственно на фабрике? Да потому, что вы знаете, чувствуете, всем своим поведением без слов признаете, что без овладения политической властью невозможно социальное освобождение (громкие аплодисменты). И вот я обращаю ваши взоры на основу политической власти — на всеобщее избирательное право — на хартию (гром аплодисментов)... Быть может, скажут: «Почему не подождать наступления кризиса, когда миллионы сами присоединятся к нам?» — Потому что нам нужно движение, основанное не на страхе и смятении, а на спокойном убеждении и нравственной силе. Мы хотим, чтобы вы не отдавались порыву чувств, а руководились голосом рассудка. И вот мы призываем вас к восстановлению нашей организации, чтобы вы могли управлять стихиями, а не метались под их напором. Новый застой в промышленности будет сопровождаться революцией на континенте, и нам нужен крепкий маяк чартизма, который освещал бы нам путь в предстоящей борьбе. Итак, мы сегодня вновь начинаем наше движение, и, чтобы добиться официального признания, мы избираем путь через парламент — не потому, что мы рассчитываем на принятие им нашей петиции, а потому, что мы видим в нем наиболее подходящий рупор для возвещения миру о нашем воскресении. Да, те самые люди, которые недавно объявили о нашей смерти, будут иметь теперь неожиданное удовольствие объявить, что мы воскресли, и наша петиция есть только метрическое свидетельство, возвещающее миру наше новое рождение» (гром аплодисментов).

Резолюция Гобсона и петиция парламенту были восторженно приняты всеми собравшимися как на этом митинге, так и на последующих митингах, состоявшихся на той же неделе.

На митинге на Блекстон-Эдж Эрнест Джонс сообщил о смерти Бенджамина Рестона — рабочего, который семь лет тому назад был председателем большого чартистского собрания, состоявшегося на том же месте. Джонс предложил превратить похороны Рестона в большую политическую демонстрацию, связав ее с чартистским митингом в Вест-Райдинге. Это будет, сказал он, наиболее достойный способ проводить прах скончавшегося ветерана. И нужно сказать, что история британской демократии не знает более внушительной демонстрации, чем та, которая сопровождала восстановление чартизма в Вест-Райдинге и похороны Бенджамина Рестона в прошлое воскресенье, когда в Галифаксе собралось свыше 200 000 человек, — число небывалое даже для самых бурных времен английского движения. Людям, которые судят об английском обществе только по его тупой, апоплексической внешности, я посоветовал бы побывать на таких рабочих собраниях и заглянуть в ту глубину, где бушуют разрушительные стихии этого общества.

Напечатана в «New York Daily Tribune» 14 июля 1853 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 170—175.

К. МАРКС.

ПОВЫШЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ЦЕН. — ХОЛЕРА. — ЗАБАСТОВКИ. — ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ МОРЯКОВ.

Лондон, 30 августа 1853 г.

«Бреславльская газета» сообщает, что вывоз хлеба из Валахии окончательно запрещен.

В настоящее время назревает вопрос несколько более важный, чем восточный, а именно вопрос продовольственный. Цены на хлеб поднялись в Кенигсберге, Штеттине, Данциге, Ростоке, Кельне, Гамбурге, Роттердаме и Антверпене, а также, само собой разумеется, во всех импортирующих странах. На главных провинциальных рынках Англии пшеница поднялась с 4 до 6 шиллингов за квартал. Все повышающаяся стоимость пшеницы и ржи в Бельгии и Франции и связанная с этим дороговизна хлеба вызывают серьезные опасения. Французское правительство закупает зерно в Англии, в Одессе и в Прибалтике. Исчерпывающие сведения о размере урожая в Англии будут получены только на будущей неделе. Картофельная болезнь более распространена здесь, чем в Ирландии.

Вывоз зерна запрещен всеми итальянскими правительствами, включая и ломбардское.

В течение прошлой недели в Лондоне были обнаружены случаи несомненной азиатской холеры. Есть также сведения, что холера достигла теперь Берлина.

Бои между трудом и капиталом, между заработной платой и прибылью продолжают. В Лондоне имели место новые забастовки среди угольщиков, парикмахеров, портных, дамских сапожников, рабочих, обтягивающих зонты, белошвеек и других рабочих, занятых в торговле готовым платьем и оптовых экспортирующих фирмах. Вчера объявили забастовку многочисленные каменщики, а также лодочники, работающие на Темзе по доставке грузов со складов на речные суда. Забастовка углекопов и металлистов в Южном Уэльсе продолжается. К этому перечню нужно еще прибавить новую забастовку углекопов в Ризолвене и пр., и пр.

Было бы утомительно перечислять в каждом из моих писем все забастовки, сведения о которых поступают ко мне еженедельно. Поэтому я буду лишь по временам отмечать те из них, которые, в силу тех или иных причин, особенно интересны. Среди них можно отметить хотя и не совсем еще забастовку, а пока лишь назревающий конфликт между полицейскими и их начальником, сэром Ричардом Мэйном. Сэр Ричард Мэйн в своем циркуляре, адресованном в различные отделы столичной полиции, запретил полицейским собираться на митинги или объединяться, в то же время заявляя, что он охотно будет разбирать каждую индивидуальную жалобу. Полицейские ответили ему, что считают право собраний неотъемлемым правом англичан. Он напомнил им, что их оклады были установлены в то время, когда предметы продовольствия были много дороже, чем сейчас. Они ответили, что «их претензии основываются не только на дороговизне провизии, но и на уверенности в том, что плоть и кровь сейчас не так дешевы, как были раньше».

Самым интересным явлением во всей этой истории забастовок является декларация, выпущенная «Объединенной дружеской ассоциацией моряков» и именуемая ими биллем о правах англо-саксонских моряков. Декларация касается закона о торговом судоходстве, аннулирующего статью закона о навигации, согласно которой британские судовладельцы обязывались иметь в составе корабельной команды по крайней мере три четверти британских подданных. Новый закон открывает доступ в каботажное судоходство иностранным морякам даже там, где закрыт доступ иностранным судам. Матросы заявляют, что это не билль моряков, а билль судовладельцев. Об издании его ни с кем, кроме судовладельцев, не советовались. Статья о комплектовании действовала сдерживающим образом на поведение хозяев по отношению к командам. Новый закон отдает команду всецело во власть любого плохого капитана. Новый закон опирается на положение, что «все 17 000 хозяев — люди благожелательные, исполненные великодушия, милосердия и мягкости, а все моряки — люди буйные, неблагодарные и от природы дурные». Они заявляют, что в то время как владельцы могут вести свои корабли куда им заблагорассудится, они, моряки, принуждены применять свой труд только в пределах собственной страны, ибо правительство отменило закон о навигации, не озаботившись предварительно о том, чтобы выговорить для них право наниматься на иностранные суда. «Так как парламент принес моряков в жертву судовладельцам, мы, как класс, должны объединиться и сами отстаивать свои интересы». Меры к этому сводятся главным образом к намерению моряков восстановить *статью о комплектовании*, причем они в то же время заявляют, «что моряки Соединен-

ных Штатов Америки должны рассматриваться как британцы, что к ним надо обратиться с призывом помочь их союзу; и что, поскольку после 1 октября, когда новый закон войдет в силу, у англичан не будет больше преимущества в отношении плавания, и, наоборот, служба на британских судах в мирное время в качестве иностранцев гарантирует свободу от набора и от обязанности служить во время войны во флоте ее величества, и так как обладание американской свободой дает гораздо большую защиту во время мира, то моряки будут обзаводиться удостоверениями о гражданстве Соединенных Штатов по прибытии в любой порт этой республики».

Напечатана в «New York Daily Tribune» 15 сентября 1853 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 196—198.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.
ЗАБАСТОВКИ. — ЛОКАУТЫ.

Лондон, 1 ноября 1853 г.

В пятницу вечером в Вигене произошли беспорядки, вызванные спором между углекопами и угольными королями, в субботу поступили сведения, что город совершенно спокоен, но сегодня мы получили телеграфное сообщение, что в шахте лорда Крауфорда или графа Балкариса углекопы произвели нападение; что были вызваны войска; что солдаты стреляли и несколько рабочих убито. Так как я должен получить частные сведения с места, я откладываю свой отчет об этом происшествии, лишь предостерегая ваших читателей против сообщений «Daily News» и «Times», потому что первая из этих газет непосредственно оплачивается Манчестерской школой, а последняя, как справедливо замечает «Morning Herald», является «жесточайшим, непримиримым и безжалостным врагом рабочего класса».

В 1842 г., когда Манчестерская школа под знаменем свободы торговли вовлекла промышленный пролетариат в повстанческое движение и изменнически покинула его в момент опасности, как открыто заявил «кобденам» сэр Роберт Пиль в палате общин, — в то время лозунгом было: *«дешевые продукты питания и высокая заработная плата»*. Но едва были отменены хлебные законы и осуществлена свобода торговли в том смысле, как ее понимали манчестерцы, — их боевой клич стал иным: *«низкая заработная плата и дорогие продукты»*. С принятием правительством манчестерской системы торговли промышленная буржуазия взяла на себя задачу, разрешение которой невозможно при ее режиме, — задачу обеспечить непрерывающееся промышленное оживление и торговое процветание. Этим она отрезала себе всякий путь к отступлению на случай несчастья. Уже нельзя было, как в 1831 г., обманывать массы обещаниями парламентской реформы: законодательная власть, завоеванная для буржуазии движением за эту реформу, была целиком использована ею против рабочего класса; тем временем у последнего возникло свое собственное политическое движение —

чартизм. Промышленная буржуазия больше не может возлагать на аристократов-протекционистов ответственность за все аномалии промышленной системы и за смертоносные противоречия, рождающиеся в ее собственных недрах, поскольку свобода торговли длится уже восемь лет, при необычайно благоприятных обстоятельствах и при наличии Калифорнии и Австралии — этих двух стран золота, словно созданных усилием воображения некоего современного демиурга.

Так постепенно, шаг за шагом, промышленная буржуазия сама рассеяла все заботливо взращенные ею иллюзии, к которым она могла бы прибегнуть в час опасности, чтобы отвлечь негодование рабочего класса от его настоящего противника и направить это негодование против врага промышленной буржуазии — против земельной аристократии. В 1853 г. никого не убедят измышления хозяев и рассеялись наивные иллюзии рабочих. Война между этими двумя классами стала ожесточенной, открытой, всеми признаваемой и для всех ясной. «Дело идет, — восклицают предприниматели в одном из своих последних манифестов, — уже не о *заработной плате*, а о *господстве*». Манчестерские либералы скинули наконец овечью шкуру. Они открыто требуют, чтобы капитал был господином, а труд — рабом.

Локауты против забастовок — вот великая тяжба, которая ведется сейчас в промышленных округах и решение по которой будет, вероятно, вынесено штыками. Целая промышленная армия, более 70 000 рабочих, уволено и выброшено на улицу. К закрытым в Престоне и Вигене фабрикам прибавились фабрики Бэкупского округа, охватывающего города и местечки Бэкуп, Ньючерч, Раустенхолл, Шернфорд и Стэнфорд. В Бернли фабрики остановились в прошлую пятницу, в Падиэхэме — в субботу; в Акрингтоне хозяева проектируют локаут; в Бери, где не работают уже 1 000 человек, хозяева сделали предупреждение об объявлении «локаута, в случае если их рабочие не прекратят своих сборов в пользу оставивших работу в этом городе и в Престоне»; а в Киндлее в субботу после полудня закрыто три крупных фабрики и таким образом еще более тысячи человек осталось без работы.

Напечатана в «New York Daily Tribune» 15 ноября 1853 г.

К. МАРКС.

ВОЙНА. — СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Лондон, 1 ноября 1853 г.

Едва до Лондона успело дойти известие об обстреле Исакчи, как уже из Вены протелеграфировали в Париж и Лондон, что Порты, по требованию представителей четырех держав, отдала приказ об отсрочке военных действий до 1 ноября, если последние еще не начались. Следует ли рассматривать пушечные выстрелы под Исакчи как начало военных действий или нет? Вот вопрос, который волнует сейчас и биржу и прессу. По моему мнению, значение его не велико, потому что срок перемирия так или иначе истекал бы сегодня.

Ходят слухи, что турецкая армия будто бы перешла Дунай у Виддина и Мачина, то есть на северо-западной и северо-восточной границе Болгарии. Однако мало вероятно, чтобы эти слухи подтвердились. Парижская «*Presse*» сообщает сегодня, что на военном совете, происходившем 15-го или 16 октября в Сераскиате, было решено, лишь только князь Горчаков официально откажется эвакуировать Дунайские княжества, начать военные действия в двух различных пунктах в Азии: против крепости Поти на Черном море и на границе Грузии. Та же газета сообщает, что генерал Барагэ д'Илье, только что назначенный французским послом в Константинополь, выехал туда в сопровождении группы офицеров артиллерии и инженерных войск. Господин Барагэ известен как плохой полководец и хороший интриган. Напомню хотя бы его геройские дела в пресловутом клубе на улице Пуатье.

В то время как в войне России против Европы прогремели первые выстрелы, в войне труда против капитала, которая свирепствует в промышленных округах, пролилась первая кровь*.

В то время как лицемерная, торгующая фразами, фальшивая банда манчестерских обманщиков в Эдинбурге говорила о ми-

* Далее см. предыдущую статью — «Забастовки. — Локауты». — *Ред.*

ре с царем, в Манчестере она вела войну против своих же соотечественников. Требуя третейского суда между Россией и Европой, она высокомерно отклоняла все предложения о третейском суде между собой и своими согражданами. Рабочие Престона на одном собрании приняли резолюцию, гласящую, «что делегаты фабричных рабочих должны просить мэра созвать публичное собрание фабрикантов и рабочих для мирного разрешения ныне возникшего спора». Но хозяева не хотят никаких третейских судов. Они хотят *диктовать* свои условия. Сейчас, когда разгорается европейская война, эти друзья России кричат об уменьшении армии, но в то же время они усиливают армию гражданской войны — ланкаширскую и иоркширскую полицию. Рабочим мы можем только повторить слова «People's Paper»:

«Если закроются все фабрики в Ланкашире, посылайте послов в Иоркшир, ищите поддержки у храбрецов Вест-Райдинга. Закроются фабрики в Вест-Райдинге, — идите в Ноттингам и Дерби, в Бирмингем и Лестер, в Бристоль и Норвич, в Глазго и Киддерминстер, в Эдинбург и Ипсвич. Дальше и дальше, шире и шире пусть раздастся ваш призыв, объединяйте ваш класс в каждом городе, в каждой профессии. Если хозяева вооружают против вас весь свой порядок, вооружайте против них весь ваш класс. Если они хотят великой классовой борьбы, дадим ее им и посмотрим, чем кончится этот гигантский поединок»...

Напечатана в «New York Daily Tribune» 15 ноября 1853 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 557—558.

К. МАРКС.

ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Лондон, 2 декабря 1853 г

В промышленных районах Англии свирепствует война между хозяевами и рабочими. Вы, вероятно, помните то время, когда хозяева неистово сопротивлялись кампании рабочих за сокращение рабочего дня. Ныне мы наблюдаем обратное явление: как я уже тогда предсказывал, хозяева сами навязывают рабочим систему неполной рабочей недели. Локаут обнаруживает свой подлинный смысл как *финансовое мероприятие* со стороны хозяев, как своего рода *противоядие* от промышленного перепроизводства, подобного которому не было в «истории цен». С минувшего понедельника предприятия возобновили работу, но лишь на четыре дня в неделю в Россендейлском районе (Бернли, Бэкуп, Ньючерч), в Бери, в Эштонском районе (Эштон, Стелибридж, Глоссоп, Гайд, Ньютон). Болтону вскоре придется последовать по их стопам. Манчестер обсуждает вопрос не о том, уступить ли, а о том, *когда* это сделать. Через 2—3 недели неполная рабочая неделя будет введена повсеместно, за исключением разве нескольких находящихся в особо благоприятном положении отраслей промышленности. Разумеется, за этим последует прекращение снабжения престонских борцов. Однако и при 4-дневной рабочей неделе предложение все еще превышает спрос. Подумать только: еще почти три недели тому назад у престонских предпринимателей были на руках запасы, равные двенадцатинедельной продукции, которые оказались почти невозможным сбыть. Нельзя поэтому говорить о приближении промышленного кризиса, — он уже налицо.

«Сокращение рабочего времени, — пишет «Times», — сопровождается снижением заработной платы до уровня, существовавшего перед тем, как рабочие получили недавнюю прибавку». А «Economist» в порыве искренности заявляет: «Нищий не может диктовать условий — он должен брать то, что ему дают».

Я неоднократно указывал, что стачки рабочих, начавшиеся слишком поздно, в эпоху, когда благоприятные возможности, созданные небывалым процветанием, уже почти исчезли, не могут быть успешны с экономической точки зрения или по-толку, поскольку речь идет об их непосредственной цели. Но они сделали свое дело. Они революционизировали промышленный пролетариат, а так как они вызваны высокими ценами на продовольствие и низкой оплатой труда, их политические последствия обнаружатся в свое время. Уже сейчас идея Рабочего парламента, фактически означающего не что иное, как новое объединение всех рабочих под знаменами чартизма, внушает страх буржуазной прессе. «Редактор «People's Paper» г. Эрнест Джонс, — заявляет «Economist», — считается преемником г. Фергуса О'Коннора, подобно тому как г. О'Коннор был преемником г. Хента... Идя за Хентом и О'Коннором, рабочие ничего не получили, кроме чувствительных щелчков и больших потерь; тем не менее они оказывают такое же доверие преемнику этих великих вождей и уже смотрят на Джонса как на своего спасителя».

Из нижеследующих цитат вы увидите, что английские классовые газеты, побуждаемые партийными мотивами, как например, «Morning Herald», или вдохновляемые, как например, «Morning Post», циничным, но проникательным наблюдателем вроде Пальмерстона, умеют судить о нынешнем положении вещей и ценить по достоинству пошлые выдумки «Робинзона Процветание»*.

«Послушать фабрикантов, так можно подумать, что их власть прямо-таки божественна и что безопасность империи зависит от того, позволят ли им пользоваться властью чуть меньшей, чем власть французского императора... Около 60 000 ланкаширских рабочих живут в настоящее время на заработок, которого едва хватает на поддержание жизни, причем у них даже не является мысль о грабеже или насилии, хотя они живут в городах, оставленных из-за экономии промышленников без всякой полицейской охраны. Независимо от того, правы эти люди или неправы, они мужественно отстаивают свое мнение и идут за своими вождями, и не легко было бы найти еще пример движения, протекающего столь мирно и вместе с тем столь действенно» («Morning Herald»).

«Наши экономисты хвастали огромными, никогда не снявшимися нам благами, которые должны были посыпаться на нас в результате свободной торговли; между тем наступает зима, и эпидемии только ждут возвращения весны, и как раз те-

---

* Кличка, данная Коббетом графу Рипону, который распространялся в палате общин о процветании страны как раз накануне одного из промышленных кризисов. — *Ред.*

перь, когда наша беднота особенно нуждается в большем против обычного количестве продовольствия и одежды, чтобы подкрепить свой организм и приспособить его к борьбе с болезнью, — как раз теперь ей наносится сокрушительный удар в виде небывало высоких цен на все предметы первой необходимости. Что-то не видно того млека и меда, которые должны были обогатить страну; все предсказания относительно постоянной дешевизны и изобилия нужно, повидимому, отнести к категории тех бесчисленных выдумок, с помощью которых так долго вводили в заблуждение общество... Английское общество, — грязное, чумное, безнравственное, невежественное, жестокое, глупое, строптивое и необычайно бедное общество».

Вот каким языком говорит «Morning Post» — салонная газета и официальный орган лорда Пальмерстона.

Напечатана в «New York Daily Tribune» 16 декабря 1853 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. IX, стр. 241—243.

К. МАРКС.

РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ. — ПИСЬМО МАРКСА.

(Заседание открывается в 9 часов.

На председательском месте т. Кларк Кроппер.

После прочтения и утверждения протоколов принимается постановление отпечатать баланс в количестве не 300, а 1500 экземпляров. Затем Э. Джонс огласил следующее письмо от д-ра Маркса из Лондона.)

Лондон, Сохо, Дин-стрит, 28, 9 марта 1854 г.

Глубоко сожалею, что не могу, по крайней мере сейчас, оставить Лондон и, таким образом, лишен возможности устно выразить мои чувства гордости и благодарности за приглашение меня на заседания Рабочего парламента в качестве почетного делегата.

Самый факт созыва такого парламента знаменует собой новую эпоху в мировой истории. Весть об этом великом событии пробудит надежды рабочего класса во всех странах Европы и Америки.

В Великобритании деспотизм капитала и рабство труда достигли большего развития, чем в какой-либо другой стране. Нигде промежуточные слои между миллионером, командующим целыми промышленными армиями, и наемным работником, перебивающимся со дня на день, не были так основательно сметены с лица земли. В Великобритании нет больше, как в континентальных странах, обширных классов крестьян и ремесленников, почти в равной мере существующих как за счет своей собственности, так и за счет своего труда. В Великобритании произошел полный разрыв между собственностью и трудом. Поэтому ни в какой другой стране война между двумя классами, образующими современное общество, не принимала таких колоссальных размеров и таких четких и осязательных очертаний.

И поэтому именно рабочий класс Великобритании может и должен стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. К этому его обязывают ясное сознание своего положения, огромное численное превосходство, опыт тяжелой борьбы в прошлом и моральная мощь в настоящем.

Миллионы рабочих Великобритании первыми заложили подлинную основу нового общества — современную промышленность, которая превращает разрушительные силы природы в производительные силы, подвластные человеку. Английский рабочий класс с непобедимой энергией, в поте лица своего и ценой огромного умственного напряжения вызвал к жизни материальные средства облагородить самый труд и умножить его плоды в такой мере, чтобы сделать возможным всеобщее благоденствие.

Создав неистощимые производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда. Теперь он должен выполнить второе его условие. Он должен освободить эти благодетельные силы от постыдных оков монополии и подчинить их общему контролю производителей, которые до сих пор позволяли обращать против себя создаваемые ими ценности и превращать их в орудие собственного угнетения.

Рабочий класс победил силы природы; теперь он должен победить людей. У него достаточно сил для успешного завершения этого дела; организация же его объединенных сил, организация рабочего класса в национальном масштабе — такова, я полагаю, великая цель, которую ставит себе Рабочий парламент.

Если Рабочий парламент окажется верным той идее, которая вызвала его к жизни, будущий историк запишет, что в 1854 г. в Англии существовало два парламента: парламент в Лондоне и парламент в Манчестере, парламент богатых и парламент бедных, но что настоящие люди заседали только в парламенте рабочих, а не в парламенте хозяев.

Искренне преданный вам

Карл Маркс.

Напечатано в «The People's Paper» 18 марта 1854 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 259—260.

К. МАРКС.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ,

*основанного 28 сентября 1864 г. на публичном собрании,
состоявшемся в Сент-Мартинс Холле, Лонг Эйкр, в Лондоне **

Рабочие!

Не подлежит сомнению, что нищета рабочих масс с 1848 до 1864 г. не уменьшилась, несмотря на то, что по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных. В 1850 г. один умеренный, сравнительно хорошо осведомленный орган британской буржуазии предсказывал, что если ввоз и вывоз Англии возрастут на 50%, то пауперизм в этой стране сведется к нулю. Увы! 7 апреля 1864 г. канцлер казначейства привел в восторг парламентскую аудиторию заявлением, что общая сумма импорта и экспорта Англии увеличилась в 1863 г. «до 443 955 000 ф. ст., — эта изумительная сумма почти втрое больше суммы торговых оборотов еще сравнительно недавно минувшего времени 1843 г.». Тем не менее он красноречиво говорил о «бедности». «Подумайте, — восклицал он, — о тех, которые находятся на грани бедности», о «заработной плате, которая.. не повысилась», о «человеческой жизни... которая в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование». Он не говорил об ирландском народе, который на севере постепенно вытесняется машинами, а на юге — стадами овец; впрочем, даже число овец идет на убыль в этой несчастной стране, хотя и не с такой быстротой, как число людей. Он не повторил того, о чем проговорились тогда высшие представители аристократии в припадке внезапно овладевшего ими страха. Когда паника, вызванная гарротерами **, до-

* «Учредительный манифест» Международного Товарищества Рабочих, написанный К. Марксом, является одним из программных документов международного пролетариата. Принят единогласно на заседании Совета Интернационала 1 ноября 1864 г. — Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

** Гарротерами (garroters), т. е. душителями, называли воров, схватывавших свои жертвы за горло. Нападения их в Лондоне в начале 60-х го-

стигла больших размеров, палата лордов постановила произвести обследование каторги и ссылки и опубликовать результаты в виде отчета. Истина была обнаружена в объемистой Синей книге 1863 г., где убедительными официальными фактами и цифрами было доказано, что худшие из уголовных преступников — каторжники в Англии и Шотландии — работают гораздо меньше и питаются гораздо лучше, чем сельскохозяйственные рабочие в Англии и Шотландии. Но это еще не все. Когда вследствие гражданской войны в Америке рабочие Ланкашира и Чешира были выброшены на улицу, та же палата лордов послала в промышленные округа врача с поручением установить то минимальное количество углерода и азота, которое, будучи предоставлено по самой дешевой цене и в наиболее простой форме, было бы в среднем достаточно для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом». Доктор Смит, медицинский уполномоченный, установил, что 28 000 гран углерода и 1 330 гран азота в неделю составляют тот минимум, который может поддерживать жизнь среднего взрослого человека... как раз на том уровне, ниже которого начинаются заболевания, вызываемые голодом; и, далее, он нашел, что это количество почти в точности соответствует той скудной пище, которой под гнетом крайней нужды фактически вынуждены довольствоваться рабочие хлопчатобумажных фабрик*. Но и это еще не все. Тот же ученый доктор спустя некоторое время был снова послан медицинским отделом Тайного совета для обследования питания беднейшей части трудящихся классов. Результаты его изысканий изложены в «Шестом санитарном отчете», изданном по распоряжению парламента в нынешнем году. Что же обнаружил этот врач? Что ткачи шелковых материй, швеи, перчаточники, вязальщики чулок и т. п. в среднем не получают даже скудной пищи рабочих хлопчатобумажной промышленности, не получают даже того количества углерода и азота, которого «как раз достаточно для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом».

«Кроме того, — читаем мы в отчете, — что касается подвергшихся обследованию семей из земледельческого населения, то оказалось, что более одной пятой из них получает меньше установленного как необходимый минимум количества углеро-

дов стали настолько частыми, что вызвали панику и заставили парламент даже издать специальный закон против гарротеров. — *Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».*

* Вряд ли нужно напоминать читателю, что углерод и азот, наряду с водой и некоторыми неорганическими веществами, составляют сырье для человеческой пищи. Однако для питания человеческого организма эти простые химические составные части должны быть доставляемы в виде растительных или животных веществ: например, картофель содержит главным образом углерод, между тем как пшеничный хлеб содержит углеродистые и азотистые вещества в надлежащей пропорции.

дистой пищи; более трети этих семей получает меньше установленного как необходимый минимум количества азотистой пищи, а в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир, Сомерсетшир) средний местный рацион не содержит достаточного количества азотистых веществ». «Следует напомнить, — добавляет официальный отчет, — что лишения в питании особенно трудно переносимы и что, как правило, крайне скудному питанию предшествуют всякого рода другие лишения. Даже соблюдение чистоты оказывается дорогостоящим или затруднительным, и если чувство собственного достоинства все же побуждает соблюдать чистоту, то каждая такая попытка означает добавочные муки голода». «Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что бедность, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным возмездием за леность; во всех указанных случаях, это — бедность рабочего населения. На самом деле, труд, за который рабочие получают скудную пищу, в большинстве случаев оказывается чрезвычайно продолжительным». Отчет приводит странный и весьма неожиданный факт, «что из всех частей Соединенного королевства» — Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии — «именно в Англии» — в самой богатой части королевства — «земледельческое население питается гораздо хуже», чем в остальных частях; но что даже сельскохозяйственные рабочие Беркшира, Оксфордшира и Сомерсетшира питаются лучше, чем огромное число квалифицированных рабочих домашней промышленности в восточной части Лондона.

Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства говорил в палате общин, что «насколько нам известно, в положении британского рабочего в среднем наступило совершенно исключительное и беспримерное улучшение, какого не знали ни одна страна и ни одна эпоха». Этому официальному славословию резко противоречит сухое замечание официального санитарного отчета: «Под общественным здравием страны подразумевается здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если они до самых своих низов не будут поставлены в сколько-нибудь благоприятные условия».

Ослепленный пляской статистических цифр, свидетельствующих о «прогессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%... За восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%! Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным!.. Это ошеломляющее увеличение богатства и мощи, — прибавляет г. Гладстон, — всецело ограничивается имущими классами!»

Если вы хотите знать, при каких условиях, влекущих за собою потерю здоровья, деморализацию и умственное вырождение, создавалось и создается рабочим классом это «ошеломляющее увеличение богатства и могущества, всецело ограничивающееся имущими классами», то взгляните на описание мастерских мужского и дамского платья и типографий в последнем официальном санитарном отчете. Сопоставьте с вышеприведенным утверждением изданный в 1863 г. «Отчет комиссии о детском труде», в котором, например, имеется такое заявление, что «гончары, как мужчины, так и женщины, в физическом и умственном отношении являются наиболее вырождающейся группой населения», что «нездоровый ребенок, в свою очередь, становится нездоровым родителем», что «прогрессирующее ухудшение расы неизбежно» и что «вырождение населения Страффордшира* было бы даже более значительным, если бы не было постоянного притока из соседних местностей и не заключались бы браки с более здоровыми группами населения». Просмотрите в Синей книге Трименхира «Жалобы подмастерьев-булочников»! А кого не заставило содрогнуться парадоксальное заявление фабричных инспекторов, подтвержденное официальной статистикой рождений и смертности, что ланкаширские рабочие, когда они, вследствие хлопкового голода, временно прекратили работу на хлопчатобумажных фабриках и были посажены на голодный паек, — на самом деле стали здоровее, что смертность детей в этот период уменьшилась, так как матери получили, наконец, возможность кормить их грудью, а не препаратом Годфрея**.

А вот опять оборотная сторона медали! Отчет о подоходном и поимущественном налоге, представленный палате общин 20 июля 1864 г., показывает нам, что число лиц с ежегодным доходом, по оценке сборщика, в 50 000 ф. ст. и выше увеличилось с 5 апреля 1862 г. по 5 апреля 1863 г. на 13, т. е. число этих лиц за один этот год возросло с 67 до 80. Из этого же отчета обнаруживается, что приблизительно 3 000 человек ежегодно делят между собой доход в 25 000 000 ф. ст., т. е. сумму, несколько даже превышающую годовой доход всей массы сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса. Посмотрите перепись 1861 г., и вы увидите, что число землевладельцев в Англии и Уэльсе уменьшилось с 16 934 в 1851 г. до 15 066 в 1861 г.; это означает усиление концентрации земельной собственности за 10 лет на 11%. Если в Англии

* Район с развитым, гончарным производством. — Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

** В немецком тексте «Учредительного манифеста»: «кормить их грудью, а не опiumной микстурой». — Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

концентрация земельной собственности в руках немногих будет и далее происходить с такой же быстротой, то земельный вопрос чрезвычайно упростится, как это было в Римской империи, когда Нерон усмехнулся, услышав, что половина африканской провинции принадлежит шести владельцам.

Мы так долго останавливались на этих «фактах, настолько изумительных, что они кажутся почти невероятными», потому что Англия стоит во главе европейской торговли и промышленности. Вспомните, что несколько месяцев назад один из эмигрировавших сыновей Луи-Филиппа публично поздравлял английских сельскохозяйственных рабочих с их положением, которое якобы лучше участи их менее счастливых товарищей, живущих по ту сторону Ламанша. На деле же факты, подобные английским, повторяются во всех промышленных и передовых странах континента, только с соответственным изменением, в связи с местными условиями и в несколько меньшем размере. Во всех этих странах с 1848 г. происходило неслыханное развитие промышленности и никому не снившееся расширение ввоза и вывоза. Во всех этих странах «увеличение богатства и могущества, всецело ограничивающееся имущими классами», действительно было «опьяняющим». Во всех этих странах так же, как и в Англии, только меньшинству рабочего класса удалось несколько повысить свою реальную заработную плату, но в большинстве случаев номинальное повышение заработной платы несколько не означало реального увеличения благосостояния так же, как, например, обитатель лондонских домов для бедных или приютов для сирот очень мало был благодарен тем, что самые необходимые для него продукты в 1861 г. стоили 9 ф. ст. 15 шилл. 8 пенсов вместо 7 ф. ст. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 г. Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой выше их стоящие классы поднимались вверх по общественной лестнице. Ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни изобретения в области сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранил нищеты трудящихся масс; на современной порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда должно углублять общественные противоположности и обострять общественные антагонизмы. Во всех странах Европы для всякого непредубежденного человека это стало очевидной истиной, которую отрицают только те, кто заинтересован в том, чтобы убаюкивать людей ложными надеждами. В эту «опьяняющую эпоху» экономического прогресса смерть от голода стала почти обычным явлением в столице Британской империи. Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все

более губительными результатами социальной чумы, именуемой торговым и промышленным кризисом.

После неудачи революций 1848 г. все партийные организации и органы партийной печати рабочего класса на континенте были уничтожены грубым насилием, наиболее передовые сыны рабочего класса в отчаянии бежали в заатлантическую республику, и недолговечные мечты об освобождении исчезли с наступлением промышленной лихорадки, нравственного разложения и политической реакции. Поражение рабочего класса на континенте, которому отчасти способствовала дипломатия английского правительства, действовавшего тогда, как и теперь, в братском союзе с санктпетербургским кабинетом, распространило вскоре свое заразительное действие и на Англию. Поражение братьев по классу на континенте привело английский рабочий класс в уныние и подорвало в нем веру в свое собственное дело, а землевладельческой и денежной аристократии оно вернуло ее несколько поколебленную самоуверенность. Они нагло взяли обратно уступки, о которых уже было объявлено. Открытие новых золотоносных земель вызвало огромную эмиграцию, опустошившую ряды британского пролетариата. Некоторых ранее активных его членов прельстило временное увеличение количества работы и заработной платы, и они превратились в «политических штрейкбрехеров». Все попытки поддержать или преобразовать чартистское движение потерпели решительную неудачу; органы печати рабочего класса один за другим прекратили свое существование вследствие равнодушия масс; в самом деле, никогда ранее рабочий класс Англии, казалось, не примирялся до такой степени с положением политического ничтожества. Если тогда между рабочим классом Англии и рабочим классом континента не было солидарности в действиях, то во всяком случае была солидарность в поражении.

И все же истекший со времени революций 1848 г. период имел и положительные черты. Отметим здесь лишь два крупных факта.

После тридцатилетней борьбы, которую английский рабочий класс вел с изумительным упорством, он использовал временный раскол между землевладельческой и денежной аристократией (*landlords and money lords*), чтобы добиться закона о десятичасовом рабочем дне. Чрезвычайно благотворные последствия этого закона для фабричных рабочих в физическом, нравственном и умственном отношениях, отмечаемые каждые полгода в отчетах фабричных инспекторов, стали теперь общепризнанными. Большинство правительств на континенте должно было принять с более или менее значительными изменениями английский фабричный закон, и сам английский парламент вынужден ежегодно расширять сферу действия этого закона. Но

в этом мероприятии для рабочих, помимо его практического значения, было еще нечто другое, что содействовало его удивительному успеху. Устами своих известнейших ученых, вроде д-ра Юра, профессора Сениора и других мудрецов того же сорта, буржуазия предсказывала и без конца твердила, что всякое законодательное ограничение рабочего времени должно прозвучать похоронным звоном для британской промышленности, которая, подобно вампиру, может существовать, лишь питаясь кровью, да притом еще детской кровью. В старину убийство детей было таинственным обрядом религии Молоха, но оно практиковалось лишь в некоторых высокаторжественных случаях, не чаще, вероятно, одного раза в год; притом Молох не обнаруживал исключительной склонности к детям бедняков. Борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени бушевала еще неистовее, потому что, помимо испуга жадной буржуазии, здесь дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем состоит политическая экономия рабочего класса. Поэтому закон о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса.

Но предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией собственности. Мы говорим о кооперативном движении, в особенности о кооперативных фабриках, основанных без всякой поддержки усилиями немногих смелых «рук» («hands»)*. Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для производства продуктов орудия труда не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления и что наемный труд, подобно рабскому и крепостному труду, — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; опыты, произведенные рабочими на континенте, представляют собой практический вывод из теорий, не изобретенных, но провозглашенных во всеуслышание в 1848 г.

* Hands — руки, употребляется также для обозначения рабочих. — Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

В то же время опыт 1848—1864 гг., несомненно, доказал, что, как бы ни был кооперативный труд превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, поскольку он ограничивается узким кругом случайных усилий отдельных рабочих. Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже педантичные экономисты, все, как один, вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов. Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в национальном масштабе и, следовательно, на национальные средства. Но магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут выдвигать всевозможные препятствия на его пути. Вспомните об издевательствах, с которыми лорд Пальмерстон во время последней парламентской сессии обрушился на защитников законопроекта о правах ирландских фермеров. Палата общин, — воскликнул он, — есть палата землевладельцев. Завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса. Рабочие, повидимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда она охвачена организацией и ею руководит знание. Опыт прошлого сказал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, сбравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном заседании в Сент-Мартинс Холле, основать Международное Товарищество.

Еще одно убеждение воодушевляло участников этого собрания.

Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и

расточает богатство народа? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу; огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами; в случае же невозможности предотвратить ее — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

*К. Маркс. «Документы Первого Интернационала».
Госполитиздат, 1939 г., стр. 7—15.*

К. МАРКС.

ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ*.

Принимая во внимание:

Что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

Что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

Что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

Что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

Что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

Что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений; —

---

* Устав этот был принят в сентябре 1871 г. на Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих. — Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

Принимая во внимание указанные соображения, было основано Международное Товарищество Рабочих.

Оно заявляет,

что все примыкающие к нему общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой своего поведения в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности;

что оно признает: нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

В духе этих принципов и был составлен следующий устав:

1. Это Товарищество основано для того, чтобы служить центром для сношений и сотрудничества между рабочими обществами различных стран, стремящимися к одной и той же цели, а именно — к защите, развитию и полному освобождению рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное Товарищество Рабочих».

3. Ежегодно созывается общий конгресс рабочих, состоящий из делегатов от секций Товарищества. Конгресс провозглашает общие стремления рабочего класса, принимает меры, необходимые для успешной деятельности Международного Товарищества, и назначает Генеральный совет Товарищества.

4. Каждый конгресс назначает время и место созыва следующего конгресса. Делегаты собираются в назначенный срок и в назначенное место без специального приглашения. Генеральный совет имеет право в случае необходимости изменить место созыва конгресса, но он не в праве отсрочить время его созыва. Конгресс ежегодно определяет местопребывание Генерального совета и назначает его членов. Избранный таким образом Генеральный совет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

На своих ежегодных заседаниях общий конгресс заслушивает гласный отчет о деятельности Генерального совета за год. В случае крайней необходимости Генеральный совет может созвать общий конгресс ранее установленного годовичного срока.

5. Генеральный совет состоит из рабочих различных стран, представленных в Международном Товариществе. Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для различных стран и т. д.

6. Генеральный совет является международным представительством различных сотрудничающих обществ, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы можно было одновременно и под общим руководством предпринять исследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы во-

просы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, могли обсуждаться всеми, и чтобы тогда, когда потребуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно. Во всех надлежащих случаях Генеральный совет будет брать на себя инициативу внесения предложений в различные национальные или местные общества. Для облегчения своих сношений с ними Генеральный совет издает периодические отчеты.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, полезность Международного Генерального совета в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или со множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного Товарищества должны, каждый в своей стране, употребить все свои силы для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение данной статьи устава зависит от особых законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, каждое самостоятельное местное общество может входить в непосредственное сношение с Генеральным советом.

8. Каждая секция имеет право назначить своего секретаря-корреспондента при Генеральном совете.

9. Членом Международного Товарищества Рабочих может быть каждый, кто признает и защищает его принципы. Каждая секция ответственна за безупречность принимаемых ею членом.

10. Каждому члену Международного Товарищества, переезжающему на жительство из одной страны в другую, должна быть оказана братская поддержка со стороны организованных в Товарищество рабочих.

11. Объединяясь в неразрывный союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное Товарищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои уже существующие организации.

12. Настоящий устав может быть пересмотрен на каждом конгрессе — при условии, если за пересмотр высказутся $\frac{2}{3}$ присутствующих делегатов.

13. Все не предусмотренное настоящим уставом будет дополнено в особом регламенте, подлежащем пересмотру на каждом конгрессе.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

Из статьи «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ
И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ».

III.

«Каково же отношение рабочей партии к этой реорганизации армии и к возникшему на этой почве конфликту между правительством и буржуазной оппозицией?»

Для полного развертывания своей политической деятельности рабочий класс нуждается в значительно более широкой арене, чем та, которую представляют собой отдельные государства теперешней раздробленной Германии. Государственная раздробленность будет препятствием для движения пролетариата и никогда не будет иметь в его глазах права на существование, никогда не явится предметом его серьезных размышлений. Немецкий пролетариат не будет заниматься имперскими конституциями, прусской гегемонией, триадой* и тому подобными вещами, — разве только с единственной целью навсегда покончить со всем этим; вопрос, сколько солдат нужно прусскому государству для прозябания в качестве великой державы, для него безразличен. Увеличатся ли несколько военные тяготы в результате реорганизации или нет, — для рабочего класса, как класса, это имеет мало значения. Зато для него вовсе не безразлично, будет ли всеобщая воинская повинность проведена полностью или нет. Чем большее количество рабочих обучится владеть оружием, тем лучше. Всеобщая воинская повинность — необходимое и естественное дополнение к всеобщему избирательному праву; она дает возможность избирателям отстаивать свои решения с оружием в руках против всяких попыток государственного переворота.

---

* Имеется в виду идея деления Германии на три части: Австрию, Пруссию и «собственно Германию», состоящую из «чисто немецких» средних и мелких государств; этот план разрешения национального вопроса в Германии, направленный как против австрийской, так и против прусской гегемонии, защищался в 50—60-х годах, особенно Баварией, и был похоронен событиями 1866 и 1870—1871 годов, обеспечившими гегемонию в деле национального объединения за Пруссией. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

Все более и более последовательное проведение всеобщей воинской повинности — единственный момент в реорганизации прусской армии, который представляет интерес для рабочего класса Германии.

Более важным является вопрос: какую позицию должна занять рабочая партия в возникшем на этой почве конфликте между правительством и палатой?

Современный рабочий, пролетарий, — продукт великой промышленной революции, которая именно за последние сто лет во всех цивилизованных странах совершила полный переворот во всем способе производства, сперва в промышленности, а затем и в земледелии; в результате этой революции в производстве принимают участие только два класса: класс капиталистов, владеющих орудиями труда, сырьем и средствами к жизни, и класс рабочих, которые не имеют ни орудия труда, ни сырья, ни средств к жизни, а должны сперва своим трудом покупать последние у капиталистов. Современный пролетарий, следовательно, имеет дело непосредственно только с одним общественным классом, который враждебно противостоит ему, эксплуатирует его — с классом капиталистов, буржуа. В странах, где эта промышленная революция осуществлена полностью, как, например, в Англии, рабочий действительно имеет дело только с капиталистами, потому что в деревне крупный арендатор имения является не чем иным, как капиталистом; аристократ, который только проедает земельную ренту со своих владений, не имеет с рабочим абсолютно никаких общественных точек соприкосновения.

Иначе обстоит дело в странах, где эта промышленная революция еще только совершается, как, например, в Германии. Здесь еще сохранилось от прежних феодальных и послефеодальных отношений много общественных элементов, которые, так сказать, затемняют общественную среду (*medium*) и лишают социальный строй Германии того простого, ясного, классического характера, которым отличается стадия развития Англии. Мы видим, что здесь, в Германии, в атмосфере, с каждым днем все более модернизирующейся, среди вполне современных капиталистов и рабочих живьем разгуливают изумительнейшие допотопные ископаемые: феодальные господа, вотчинные суды, провинциальные дворянчики, телесные наказания, регирунгсраты, ландраты, цеховщина, конфликты из-за сферы компетенции, право административных взысканий и т. д. И мы видим, что в борьбе за политическую власть все эти ископаемые, продолжающие еще жить, объединяются против буржуазии, которая, будучи, благодаря своей собственности, могущественнейшим классом новой эпохи, во имя этой новой эпохи требует себе от них политического господства.

Кроме буржуазии и пролетариата, современная крупная про-

мышленность производит еще нечто вроде промежуточного класса, стоящего между ними, — мелкую буржуазию. Эта последняя состоит частью из остатков прежних, полусредневековых свободных горожан, частью из рабочих, несколько поднявшихся над общим уровнем; мелкая буржуазия в меньшей мере участвует в производстве, чем в распределении товаров; главное ее занятие — розничная торговля. В то время как старое сословие горожан было самым устойчивым, современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в ее среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим условиям жизни примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к пролетариату. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие; в общем все же наиболее точным выражением ее политической позиции является «чистая демократия». Ее политическое призвание состоит в том, чтобы подталкивать вперед буржуазию в ее борьбе против остатков старого общества и в особенности против ее собственной слабости и трусости и помогать в завоевании таких свобод, как свобода печати, союзов и собраний, всеобщего избирательного права, местного самоуправления, без которых, несмотря на их буржуазную природу, трусливая буржуазия все же может обойтись, но без которых рабочие не могут завоевать себе освобождения.

В ходе борьбы между остатками старого, допотопного общества и буржуазией всюду, рано или поздно, наступает такой момент, когда обе борющиеся стороны обращаются к пролетариату и ищут его поддержки. Это совпадает обыкновенно с тем моментом, когда рабочий класс сам начинает приходить в движение. Феодалы и бюрократические представители гниющего общества призывают рабочих к нападению совместно с ними на кровопийц-капиталистов, единственных врагов рабочих, а буржуа указывают рабочим на то, что они вместе представляют новую общественную эпоху и поэтому, по отношению к гниущей старой общественной форме, их интересы, конечно, совпадают. В то же время рабочий класс постепенно приходит к сознанию, что он является особым классом, с особыми интересами и с особым самостоятельным будущим; и вместе с тем возникает вопрос, который настойчиво выдвигался последовательно в Англии, во Франции и в Германии: какую позицию должна занять рабочая партия по отношению к борющимся?

Прежде всего это будет зависеть от того, к каким целям в интересах класса стремится рабочая партия, т. е. та часть рабочего класса, которая пришла к сознанию общих интересов класса.

Насколько известно, передовые рабочие в Германии выдвигают требование: освобождение рабочих от капиталистов

путем передачи капитала, принадлежащего государству, ассоциированным рабочим для ведения производства за общий счет и без капиталистов, а в качестве средства для осуществления этой цели — завоевание политической власти путем всеобщего и прямого избирательного права.

Одно ясно: ни феодально-бюрократическая партия, которую принято называть просто *реакцией*, ни либерально-радикальная буржуазная партия не склонны будут добровольно уступить этим требованиям. Но пролетариат становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию, а с силой приходится считаться. Обе враждующие партии знают это и поэтому в определенный момент будут склонны сделать рабочим мнимые или действительные уступки. На чьей же стороне рабочие могут добиться наибольших уступок?

Для реакционной партии уже самое существование буржуа и пролетариев является бельмом на глазу. Ее сила зависит от того, будет ли приостановлено или, по крайней мере, замедлено современное общественное развитие. Иначе все имущие классы постепенно превратятся в капиталистов, все угнетенные классы — в пролетариев, а вместе с тем исчезнет сама собой реакционная партия. Реакция, если она последовательна, стремится, конечно, упразднить пролетариат, но не путем перехода к его ассоциированию, а путем превращения современных пролетариев снова в цеховых подмастерьев и в крепостных или полукрепостных зависимых крестьян (*bäuerliche Hintersassen*). Устраивает ли наших пролетариев такое превращение? Хотят ли они снова вернуться под отеческую опеку цехового мастера и «милостивого господина», даже если бы нечто подобное было возможно? Конечно, нет. Ведь именно отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между капиталом и трудом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии. К тому же подобный поворот истории вспять совершенно невозможен. Паровые машины, механические прядильные и ткацкие станки, паровые плуги и молотилки, железные дороги и электрический телеграф, современные паровые прессы делают невозможным такое нелепое движение вспять; наоборот, постепенно и неумолимо они уничтожают все остатки феодальных и цеховых отношений и растворяют все перешедшие от прежнего времени мелкие общественные противоречия в едином всемирно-историческом антагонизме между капиталом и трудом.

У буржуазии, напротив, нет никакой другой исторической задачи, как только всесторонне увеличить и поднять до высшего уровня упомянутые выше гигантские производительные

силы и средства обмена современного общества; при помощи своих кредитных обществ прибрать к рукам и те средства производства, которые перешли от прежних времен, а именно земельную собственность; пустить в ход при помощи современных орудий труда все отрасли производства, уничтожить все остатки феодального производства, и феодальных отношений и, таким образом, свести все общество к простому антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. В той же мере, в какой происходит это упрощение общественных классовых противоречий, растет сила буржуазии, но в еще большей мере возрастает также сила пролетариата, его классовое сознание и способность к победе; только благодаря этому увеличению мощи буржуазии пролетариат постепенно приходит к тому, чтобы стать большинством, преобладающим большинством в государстве, как это уже имеет место в Англии, но чего вовсе нет еще в Германии, где в деревне крестьяне всех категорий, а в городах мелкие мастера, мелкие торговцы и т. п. еще преобладают над рабочими.

Следовательно, каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдаляет момент победы рабочих. Напротив, каждая победа буржуазии над реакцией в известной степени является в то же время победой рабочих, способствует окончательному свержению капиталистического господства, приближает момент победы рабочих над буржуазией.

Сравним положение немецкой рабочей партии в 1848 г. и теперь. В Германии еще достаточно ветеранов, которые с самого начала, еще до 1848 г., участвовали в основании немецкой рабочей партии, которые после революции помогали ее дальнейшему укреплению, пока тогдашние условия позволяли это. Все они знают, какого труда стоило, даже в те бурные времена, вызвать к жизни рабочее движение, поддерживать его развитие, удалять реакционно-цеховые элементы, и как все это снова замерло спустя несколько лет. Если же теперь рабочее движение возникло, так сказать, само собой, то отчего это происходит? А оттого, что с 1848 г. крупная капиталистическая промышленность в Германии достигла неслыханных успехов, оттого, что она уничтожила массу мелких мастеров и других промежуточных элементов между рабочими и капиталистами, прямо противопоставила рабочую массу капиталистам, короче — создала значительный пролетариат там, где раньше он либо не существовал, либо был крайне малочисленным. Благодаря этому промышленному развитию рабочая партия и рабочее движение стали необходимостью.

Это не значит, что не могут наступить такие моменты, когда реакции покажется выгодным сделать уступки рабочим. Но это — всегда уступки совсем особого сорта. Они никогда не

имеют политического характера. Феодально-бюрократическая реакция не станет ни расширять избирательное право, ни предоставлять свободу печати, союзов и собраний, ни ограничивать власть бюрократии. Уступки, которые она делает, всегда направлены прямо против буржуазии, и они такого сорта, что нисколько не увеличивают политической мощи рабочих. Так в Англии был проведен, против воли фабрикантов, закон о десятичасовом рабочем дне для фабричных рабочих. Так можно было бы в Пруссии потребовать от правительства точного исполнения предписаний о продолжительности рабочего времени на фабриках, предписаний, которые теперь существуют только на бумаге, — далее, можно было бы требовать права союзов для рабочих и т. д. и, может быть, добиться этого. Однако, какие бы уступки ни делала реакция, одно остается неизменным: они достигаются без всяких встречных услуг со стороны рабочих; и это вполне справедливо, так как, отравляя существование буржуазии, реакция тем самым уже достигает своей цели, и рабочие не обязаны ее благодарить, они и не благодарят ее.

Но существует еще один вид реакции, который в последнее время имел большой успех и очень в моде в определенных кругах; это тот вид реакции, который в настоящее время называют бонапартизмом. Бонапартизм является необходимой государственной формой в стране, где рабочий класс находится на высокой ступени развития в городах, но численно перевешивается мелким крестьянством в деревне и где он был побежден в великой революционной борьбе классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией. Когда во Франции парижские рабочие были побеждены в гигантской борьбе в июне 1848 г., одновременно и буржуазия была совершенно истощена этой победой. Она сознавала, что второй такой победы выдержать не сможет. Номинально она еще господствовала, но была слишком слаба для господства. На первый план выдвинулась армия, — настоящий победитель, — опирающаяся на класс, из которого она сама преимущественно рекрутировалась, на мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутьянов. Формой этого господства был, само собой разумеется, военный деспотизм, его естественным шефом — прирожденный наследник его, Луи Бонапарт.

Отношение бонапартизма как к рабочим, так и к капиталистам характеризуется тем, что он препятствует им наброситься друг на друга. Это означает, что он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стычки между обоими классами и в конце концов лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти. Ни права союзов, ни права собраний, ни свободы печати; всеобщее избирательное право — но под таким бюрократическим гнетом, что оппозиционные выборы почти невозможны; засиле поли-

ции, неслыханное до сих пор даже в полицейской Франции. Наряду с этим происходит прямой *подкуп* некоторой части как буржуа, так и рабочих: первых — путем колоссальных кредитных мошенничеств, при помощи которых деньги мелких капиталистов перекачывают в карманы крупных; вторых — путем колоссальных государственных строительных работ, которые рядом с естественным, самостоятельным пролетариатом концентрируют в больших городах пролетариат искусственный, связанный с империей, зависимый от правительства. Наконец, льстят чувству национальной гордости посредством мнимого героических войн, которые, однако, всегда ведутся с высочайшего дозволения Европы против общего в данный момент козла отпущения, да и то лишь при условии, что победа заранее обеспечена.

Самое большое, что при таком правительстве достается и рабочим и буржуазии, это то, что они отдыхают от борьбы, что промышленность — при прочих благоприятных условиях — сильно развивается, что, следовательно, создаются элементы для новой, более ожесточенной борьбы и что эта борьба вспыхивает, как только перестает существовать потребность в такой передышке. Было бы верхом глупости ждать большего для рабочих от правительства, которое как раз для того только и существует, чтобы держать рабочих в узде по отношению к буржуазии.

Перейдем теперь к специально разбираемому нами случаю. Что может реакция в Пруссии предложить рабочей партии?

Может ли эта реакция предложить рабочему классу действительное участие в политической власти? — Безусловно нет. Во-первых, никогда в новейшей истории ни Англии, ни Франции не бывало случая, чтобы реакционное правительство сделало это. Во-вторых, в современной борьбе в Пруссии дело идет как раз о том, сосредоточит ли правительство всю реальную власть в своих руках или же оно должно будет разделить ее с парламентом. Не станет же правительство, в самом деле, пускать все средства в ход, лишая буржуазию власти, лишь для того, чтобы затем подарить эту власть пролетариату!

Феодальная аристократия и бюрократия могут сохранить свою действительную власть в Пруссии и без парламентского представительства. Их традиционное положение при дворе, в армии, среди чиновничества гарантирует им эту власть. Им не зачем даже желать особого представительства, так как палаты из дворян и чиновников в том виде, в каком они существовали при Мантейфеле, в Пруссии теперь надолго все-таки невозможны. Поэтому они не прочь были бы послать к чорту и всю систему палат.

Напротив, буржуазия и рабочие могут действительно организовано осуществлять политическую власть только через пар-

ламентское представительство, а это парламентское представительство только тогда чего-нибудь стоит, когда за ним обеспечено участие в обсуждении и решении, другими словами—если оно может держать в своих руках «ключ от денежного ящика». Но именно этому-то Бисмарк совершенно откровенно хочет помешать. Мы спрашиваем: в интересах ли рабочих, чтобы у этого парламента была отнята вся власть, у парламента, в который рабочие сами стремятся войти посредством завоевания всеобщего и прямого избирательного права и в котором они надеются когда-нибудь составить большинство? Разве в их интересах приводить в движение все рычаги агитации с целью войти в состав такого органа, который в конечном счете не будет иметь никакого веса? Конечно, нет!

Ну, а если правительство отменит нынешний избирательный закон и октроирует всеобщее и прямое избирательное право? Да, *если!* Если бы правительство выкинуло такой бонапартистский трюк и рабочие пошли бы на это, то уже тем самым они заранее признали бы за правительством право путем нового октроирования снова уничтожить всеобщее и прямое избирательное право, когда ему заблагорассудится. И какую ценность имело бы тогда все это всеобщее и прямое избирательное право?

Если бы правительство октроировало всеобщее и прямое избирательное право, то оно заранее обставило бы его такими оговорками, что оно уже не было бы всеобщим и прямым избирательным правом.

Что же касается самого всеобщего и прямого избирательного права, то стоит только отправиться во Францию, чтобы убедиться, какие безобидные выборы можно проводить при его помощи, когда есть многочисленное тупое сельское население, хорошо организованная бюрократия, хорошо вышколенная пресса, союзы, в достаточной степени придавленные полицией, и нет никаких политических собраний. Много ли представителей рабочих вводит всеобщее и прямое избирательное право во французскую палату? А ведь французский пролетариат, по сравнению с немецким, значительно более концентрирован и имеет более продолжительный опыт борьбы и организации.

При этом у нас возникает еще другой вопрос. В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, т. е. в Германии $\frac{2}{3}$ населения живет сельским хозяйством и $\frac{1}{3}$ промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мелкий parcelльный крестьянин — исключением, то, иными словами, это значит, что если $\frac{1}{3}$ рабочих находится под командой капиталистов, то $\frac{2}{3}$ находятся под командой феодальных господ. Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько это запом-

няют. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия; они являются в Германии такими же прямыми противниками рабочих, как и капиталисты. Но это далеко еще не все. Патриархальное хозяйство в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельских батраков или безземельных крестьян (Häuslers) от их «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственным пролетариям приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, изолированность деревенских жителей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая позже всего и с наибольшим трудом уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — не буржуазия, а *феодалное дворянство*. Но даже во Франции, где ведь почти не существует других крестьян, кроме свободных, владеющих землей, где у феодального дворянства давно уже отнята всякая политическая власть, всеобщее избирательное право не привело рабочих в палату, а наоборот, почти совсем устранило их оттуда. Каков же был бы результат всеобщего избирательного права в Германии, где феодальное дворянство является еще реальной социальной и политической силой и где на одного промышленного рабочего приходится два сельских батрака? В Германии борьба против феодальной и бюрократической реакции — а та и другая у нас теперь неотделимы — равносильна борьбе за духовное и политическое освобождение сельского пролетариата, и пока сельский пролетариат не втянут в движение, до тех пор городской пролетариат в Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейшего успеха, до тех пор всеобщее и прямое избирательное право является для пролетариата не оружием, а *западной*.

Может быть, это весьма откровенное, но необходимое разъясение воодушевит феодалов на выступление в пользу всеобщего и прямого избирательного права. Тем лучше.

Или, может быть, правительство ограничивает (если вообще при нынешнем положении дел есть еще что ограничивать) печать, право союзов, право собраний по отношению к буржуазной оппозиции только для того, чтобы сделать подарок рабочим в виде свободной печати, свободного права союзов и собраний? В самом деле, не идет ли рабочее движение спокойно и беспрепятственно своим путем?

Вот тут-то и зарыта собака. Правительство *знает*, и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо*, — оно существует лишь до тех пор, пока

это *угодно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению сразу наступит конец. Приемы и способы, с помощью которых покончили с агитацией прогрессистов в печати, союзах и на собраниях, пусть послужат предостережением для рабочих. Те же самые законы, предписания и мероприятия, которые применялись в свое время по отношению к прогрессистам, могут быть в любой день направлены против рабочих и положить конец их агитации; юни и будут применены, как только эта агитация станет опасной. Чрезвычайно важно, чтобы рабочие ясно разбирались в этом вопросе, чтобы они не впали в то самое заблуждение, в какое впала буржуазия при новой эре, когда ее тоже только *терпели*, а она уже считала свое положение прочным. И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он принадлежал бы именно к тем людям, с которыми не стоит разговаривать. А без свободы печати, без права союзов и собраний рабочее движение невозможно.

Существующее в Пруссии правительство не так глупо, чтобы самому себе перерезать горло. И если бы дело дошло до того, что реакция кинула бы немецкому пролетариату в виде приманки несколько мнимых политических уступок, то — надо надеяться — немецкий пролетариат ответит ей гордыми словами старой гильдебрандовской песни:

Mit gèrù scal man geba infàhan, ort widar orte.

«С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем на перевес».

Что касается *социальных* уступок, которые реакция могла бы сделать рабочим, — сокращение рабочего дня на фабриках, лучшее соблюдение фабричных законов, право союзов и т. д., — то опыт всех стран доказывает, что реакция делает такие предложения без того, чтобы рабочие предложили ей за это хоть что-нибудь взамен. Реакция нуждается в рабочих, а вовсе не рабочие в реакции. Следовательно, пока рабочие в своей собственной самостоятельной агитации отстаивают эти требования, они могут рассчитывать на то, что наступит момент, когда реакционные элементы выдвинут те же самые требования исключительно для того, чтобы досадить буржуазии; таким путем рабочие достигают успехов против буржуазии, несколько не будучи обязанными благодарить реакцию.

Но если рабочей партии нечего ожидать от реакции, кроме мелких уступок, которые ей достанутся и без того, которые ей нет нужды выпрашивать, — то чего же может она ожидать от буржуазной оппозиции?

Мы видели, что буржуазия и пролетариат — оба дети новой эпохи, что оба юни в своей общественной деятельности работают над тем, чтобы устранить остатки хлама, сохранившегося от прежних времен. Правда, они должны вести между собой очень серьезную борьбу, но эта борьба может быть доведена до конца только тогда, когда они будут стоять друг против друга, один-на-один. Только после того, как старый хлам полетит за борт, «корабль будет готов к бою»; но на этот раз бой разыграется не между двумя судами, а на борту одного корабля, между офицерами и матросами.

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна требовать тогда всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии. Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А тем самым и пролетариат получает в руки то оружие, которое ему необходимо для завоевания окончательной победы. С помощью свободы печати, собраний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, — все прочее.

Следовательно, в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе*. Каждое завоевание, которое буржуазия вырывает у реакции, идет при этих условиях, в конечном счете, на пользу рабочему классу. Это правильно инстинктивно почувствовали и немецкие рабочие. Во всех немецких государствах они совершенно правильно голосовали повсюду за наиболее радикальных кандидатов, имевших шансы быть избранными.

Но что, если буржуазия изменит самой себе, если она предаст свои собственные классовые интересы и вытекающие из них принципы?

Тогда у рабочих остаются два пути!

Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно принуждать ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати, союзов и собраний и таким образом

создать пролетариату условия, при которых он сможет получить свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г. и именно посредством и с помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазными, они способствовали своему собственному развитию и организации больше, чем каким-либо иным путем. А такой случай неизбежно наступит, ибо буржуазия, при недостатке у нее политического мужества, повсюду время от времени изменяет себе.

Либо же рабочие совершенно отворачиваются от буржуазного движения и предоставляют буржуазии ее участи. Этот случай имел место в Англии, Франции и Германии после поражения европейского рабочего движения в 1848—1850 гг. Он возможен только после колоссального и в данный момент безрезультатного напряжения сил, после которого класс нуждается в передышке. При здоровом состоянии рабочего класса этого не может быть; это равносильно полному политическому самоотречению, а на это не способен на долгий срок такой мужественный по своей природе класс, класс, которому нечего терять и который может приобрести все.

Даже в самом крайнем случае, когда буржуазия из страха перед рабочими спрячется за спину реакции и для защиты от рабочих будет взывать к силе враждебных ей элементов, — даже и тогда рабочей партии не остается ничего другого, как продолжать вопреки буржуазии агитацию за буржуазную свободу, свободу печати, за право собраний и союзов, — агитацию, которой буржуазия изменила. Без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания.

Само собой разумеется, что во всех этих случаях рабочая партия не будет плестись в хвосте у буржуазии, а будет выступать, как совершенно отличная от нее, самостоятельная партия. Она будет по всякому поводу напоминать буржуазии, что классовые интересы рабочих и классовые интересы капиталистов прямо противоположны и что рабочие сознают это. Она будет сохранять и развивать свою собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии и только вести с последней переговоры как сила с силой. Таким путем она обеспечит себе позицию, которая внушит к ней уважение, будет разъяснять отдельным рабочим их классовые интересы, и при ближайшей революционной буре, — а эти бури теперь должны так же регулярно повторяться, как торговые кризисы и как бури в дни равноденствия, — будет готова к действию.

Отсюда сама собой вытекает политика рабочей партии в прусском конституционном конфликте:

прежде всего сохранять рабочую партию организованной, насколько это допускают нынешние условия;

понуждать партию прогрессистов к *действительному* прогрессу, насколько это возможно; заставить ее сделать свою программу более радикальной и придерживаться этой программы; беспощадно бичевать и высмеивать каждый ее непоследовательный шаг и каждую слабость;

военный вопрос, как таковой, предоставить его естественному ходу, ясно отдавая себе отчет в том, что рабочая партия тоже проведет когда-нибудь свою собственную *немецкую* «реорганизацию армии»;

на лицемерные же заигрывания реакции отвечать: «С копьем в руке примем мы дары твои, с копьем на перевес».

1865 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIII, ч. 1, стр. 64—76.

К. МАРКС.

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

18 февраля 1865 г.

Дорогой Фред!

При сем два письма от Либкнехта: одно к тебе и другое ко мне. Также одно, *более раннее*, от Швейцера.

Мой взгляд таков:

Раз уж Либкнехт сделал предупреждение, то нужно покончить с этим (*il faut en finir*). Если бы он это отсрочил, мы также могли бы отсрочить, так как твоя брошюра еще в работе.

Я считаю Швейцера неисправимым (у него, вероятно, тайное соглашение с Бисмарком).

Подтверждение этому я вижу в следующем:

1) в подчеркнутом мною месте его прилагаемого письма от 15-го;

2) во *времени*, когда появился его Бисмарк III.

Для того, чтобы ты мог оценить и то, и другое, я *списываю* для тебя *буквально* место из моего письма к нему от 13 февраля:

«...так как, вследствие корреспонденции Моисея Гесса в получившемся сегодня номере 21-м, наше заявление отчасти устарело, то пусть дело пока этим ограничится. Но наше заявление заключало в себе еще и другой пункт — похвалу антибонапартистской позиции парижского пролетариата и указание немецким рабочим, что они должны следовать этому примеру. Это было для нас важнее, чем выпад против Гесса. Но свой взгляд на отношение рабочих к прусскому правительству мы подробно выскажем где-нибудь в другом месте.

В вашем письме от 4 февраля говорится, будто я сам предостерегал Либкнехта не слишком зарываться, чтобы его не погнало к чорту. Совершенно верно. Но вместе с тем я писал ему также, что можно сказать *все*, если найти для этого подходящую форму. Форма полемики *против* правительства, «возможная» даже под берлинским меридианом, конечно, весьма отличается от заигрывания или даже видимости компромисса с правительством! Я писал вам лично, что «Социал-демократ» должен избегать даже тени этого.

Судя по вашей газете, министерство, желая выиграть время, высказывается об отмене закона против коалиций двусмысленно. Между тем в телеграмме в «Times» сообщается, что оно высказалось одобрительно по поводу предполагаемой государственной поддержки кооперативных товариществ. Меня несколько не удивит, если окажется, в виде исключения, что «Times» один раз в своей жизни дал правильные телеграфные сведения!

Коалиции и вырастающие на их почве профессиональные союзы являются не только чрезвычайно важным средством организации рабочего класса для борьбы с буржуазией, — серьезность этого средства сказывается, между прочим, в том, что даже рабочие Соединенных Штатов, несмотря на существующее там избирательное право и республику, не могут без него обойтись, — но, кроме того, в Пруссии и в Германии вообще право коалиций является прорывом полицейского всевластия и бюрократизма; оно разбивает «закон о челяди» и дворянское хозяйство в деревне; словом, это такая мера превращения «подданных» в совершеннолетних граждан, на которую стократ скорее согласится прогрессистская партия, т. е. любая буржуазная оппозиционная партия в Пруссии, если только она не безумная, чем прусское правительство, да еще правительство Бисмарка! Зато, с другой стороны, королевско-прусская правительственная поддержка кооперативных товариществ, — а всякий, знакомый с положением дел в Пруссии, представляет себе уже заранее ее неизбежно карликовые размеры, — явится экономическим мероприятием, равным нулю, а между тем эта поддержка расширяет систему опеки, подкупает часть рабочего класса и ископляет движение. Так же, как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния главным образом вследствие того, что серьезно поверила, будто вместе с «новой эрой», милостью принца-регента, к ней перейдет и правительственная власть, так еще гораздо больше опозорит себя рабочая партия, если она вообразит, что благодаря эре Бисмарка или какой-либо иной прусской эре ей, милостью короля, полетят в рот жареные рябчики. Не подлежит ни малейшему сомнению, что неизбежно наступит разочарование в злосчастной лассалевской иллюзии относительно возможности социалистического вмешательства со стороны прусского правительства. Логика вещей будет говорить сама за себя. Но *честь* рабочей партии требует, чтобы она разоблачила подобного рода миражи еще до того, как их призрачность будет обнаружена опытом. Рабочий класс революционер! или он — ничто».

Ладно! Так вот на это мое письмо от 13-го он отвечает своим письмом от 15-го, в котором он требует моего подчинения его тактике во всех «практических» вопросах, отвечает своим Бисмарком III в качестве нового опыта этой тактики! И мне

теперь действительно кажется, что та дерзкая манера, с которой он поставил вопрос о доверии по поводу нашего заявления против Гесса, вызывалась не нежностью по отношению к Моисею, а твердым *решением ни при каких обстоятельствах* не помещать в «Социал-демократе» нашего предостережения немецким рабочим.

Так как в силу этого разрыв с этим субъектом является неизбежным, то пусть он произойдет уж теперь, сразу. Что касается немецких невежд, пусть они кричат, сколько им угодно. Ведь рано или поздно лучшая их часть все же должна будет сплотиться вокруг нас. Если приводимое ниже заявление кажется тебе подходящим, перепиши его, подпиши и пришли мне. Так как оно было написано наспех, то измени то, что тебе кажется неподходящим, или напиши заново, как тебе угодно.

Твой К. М.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 252—254

К. МАРКС.

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

20 мая 1865 г.

Дорогой Фред!

Прилагаю вырезку с моим «Адресом» Джонсону.

Новое появление Эдгара, конечно, очень нас поразило. Он именно такой милый, каким я его себе представлял (*quite the fellow I thought him*), и карьера его совсем такая, какой я ее себе мыслил. Жаль (*it is a pity*), что он никогда не был секундантом Гарибальди. Он превосходно подошел бы ему. Но бедняга все еще очень слаб. Он останется здесь на более продолжительное время, и в связи с этим ты совершил бы благое дело (*a good work*), если бы поспособствовал восстановлению моего *винного погреба*.

Я работаю здесь, как лошадь, так как я должен использовать время, пригодное для работы, а карбункулы все еще имеются, хотя они мешают мне теперь лишь местной болью, не влияя на мозг.

В промежуточные часы, — ибо нельзя же все время писать, — я занимаюсь дифференциальным исчислением $\frac{dx}{dy}$. У меня нехватает терпения читать что-либо иное. Всякое иное чтение гонит меня обратно к письменному столу.

Сегодня вечером экстренное заседание «Интернационала». Старый добряк, старый оуэнист Уэстон (плотник) выставил два положения, которые он постоянно защищает в «Beehive»:

1) что общее повышение уровня заработной платы (*a general rate in the rise of the rate of wages*) не может принести рабочим никакой пользы;

2) что вследствие этого тред-юнионы *вредны*.

Если бы оба эти тезиса, в которые в нашем обществе верит лишь он один, были приняты, мы оказались бы в смешном положении как по отношению к здешним тред-юнионам, так и по отношению к эпидемии стачек (*infection of strikes*), которая царит теперь на континенте.

Он получит в этом отношении поддержку — на это заседание будут допущены и не-члены — со стороны одного коренного англичанина, написавшего в том же духе брошюру. Публика ждет, конечно, возражений с моей стороны. Мне собственно следовало бы к сегодняшнему вечеру приготовить свое возражение, но я нашел более важным продолжать писать книгу и должен поэтому полагаться на импровизацию.

Я, разумеется, знаю заранее, к чему сводятся оба основных пункта:

- 1) что *заработная плата* определяет стоимость товаров;
- 2) что если капиталисты платят сегодня 5 шиллингов вместо 4, то они будут завтра (благодаря возросшему спросу) продавать свои товары за 5 шиллингов вместо 4.

Как все это ни плоско и ни поверхностно, все же не легко выяснить круглым невеждам все связанные с этим экономические вопросы. Невозможно изложить курс политической экономии в течение одного часа. Но постараемся сделать это как можно лучше.

Эдгар считает хорошей приметой (*good omen*), что он встретил в Англии прежде всего тебя. Лицци очень ему понравилась.

Привет.

Твой К. М.

Поразительная ирония судьбы, что этот Эдгар, который никогда не эксплуатировал никого другого, кроме себя самого, и был всегда рабочим в самом строгом смысле этого слова, участвовал на стороне рабовладельцев в войне измором (*a war of and with starvation*). Оба шуриня в настоящее время разорены американской войной.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 286—287.

К. МАРКС.

Из доклада «ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ».

14. БОРЬБА МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

1) Я показал, что периодическое сопротивление рабочих понижению заработной платы и их периодические попытки добиться повышения заработной платы неразрывно связаны с системой наемного труда и диктуются именно тем фактом, что труд приравнен к товару и, следовательно, подчинен тем же законам, которые управляют общим движением цен; я показал далее, что общее повышение заработной платы приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости; теперь возникает, наконец, вопрос: насколько в этой непрерывной борьбе между капиталом и трудом последний может добиться успеха?

Я мог бы ответить обобщением и сказать, что *рыночная цена* труда, как и всех других товаров, с течением времени приспособится к его *стоимости*; что, следовательно, несмотря на все повышения и понижения, — что бы рабочий со своей стороны ни предпринимал, — он будет в среднем получать только стоимость своего труда, которая сводится к стоимости рабочей силы, определяемой стоимостью жизненных средств, необходимых для содержания и воспроизводства этой силы; а эта стоимость жизненных средств в свою очередь определяется количеством труда, необходимым для их производства.

Но есть некоторые особые черты, которые отличают *стоимость рабочей силы*, или *стоимость труда*, от стоимости всех других товаров. Стоимость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой — исторический или общественный. *Нижняя граница* стоимости рабочей силы определяется *физическим* элементом. Это значит, что рабочий класс, для того чтобы себя сохранять и воспроизводить, для того чтобы увековечить свое физическое существование, должен получать абсолютно необходимые для его жизни и размножения жизненные средства. Следовательно, *стоимость* этих необходимых жизненных средств образует нижнюю гра-

ницу *стоимости труда*. С другой стороны, продолжительность рабочего дня тоже имеет свои крайние, хотя и очень растяжимые пределы. Ее высший предел дан физической силой рабочего. Если ежедневное истощение жизненных сил рабочего заходит за известные границы, то становится невозможным повторять такое напряжение изо дня в день. Однако, как я сказал, эти пределы весьма растяжимы. При быстрой смене хилых и недолговечных поколений рабочий рынок может быть обеспечен не хуже, чем при ряде следующих друг за другом сильных и долговечных поколений.

Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда определяется в каждой стране *традиционным уровнем жизни*. Этот уровень включает в себя не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются. Жизненный уровень англичанина может быть сведен к жизненному уровню *ирландца*, жизненный уровень немецкого крестьянина — к уровню крестьянина-латыша. О той значительной роли, которую в этом отношении играют исторические традиции и общественные привычки, вы можете узнать из работы г. Торнтонна «*Перенаселение*», в которой автор показывает, что средняя заработная плата в различных сельскохозяйственных округах Англии и теперь еще более или менее различна в зависимости от того, более благоприятными или менее благоприятными были условия, при которых эти округа вышли из крепостного состояния.

Этот входящий в стоимость труда исторический, или социальный, элемент может расширяться или сокращаться или даже совершенно исчезать, так что не останется ничего сверх *физического предела*. Во время *антиякобинской войны*, принятой, — как любил говорить неисправимый пожиратель налогов и любитель синекур старый Джордж Роз, — для спасения благ нашей святой религии от нашествия нечестивых французов, добрые английские фермеры, о которых мы так благодушно говорили на одном из наших предыдущих заседаний, понизили заработную плату сельским рабочим даже *ниже этого чисто физического минимума*; нехватку же жизненных средств, необходимых для физического сохранения рабочих и продолжения их рода, они пополняли при помощи *налогов в пользу бедных*. Это был превосходный способ превратить наемного рабочего в раба, а гордого шекспировского йомена — в паупера.

Если вы сравните уровень заработной платы или стоимости труда в различных странах или в одной и той же стране в различные исторические эпохи, то вы найдете, что сама *стоимость труда* есть величина не постоянная, а переменная, пере-

менная даже при том условии, если стоимости всех других товаров остаются неизменными.

Подобное сравнение показало бы также, что меняются не только *рыночные нормы прибыли*, но и *средние нормы* ее.

Однако для прибыли не существует никакого закона, который определял бы ее *минимум*. Мы не можем сказать, каков крайний предел ее понижения. Почему же мы не можем установить этого предела? Потому, что, хотя мы можем определить *минимум* заработной платы, мы не можем определить ее *максимум*. Мы можем только сказать, что, если даны границы рабочего дня, *максимум прибыли* соответствует *физическому минимуму заработной платы*, а если дана заработная плата, *максимум прибыли* соответствует такому удлинению рабочего дня, какое только допускают физические силы рабочего. Таким образом *максимум прибыли* находит свои границы в *физическом минимуме заработной платы* и в *физическом максимуме рабочего дня*. Очевидно, что между обеими этими границами *максимальной нормы прибыли* возможна громадная скала вариаций. Установление действительной ее высоты достигается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом: капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении.

Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон.

2) Что касается *ограничения рабочего дня*, как в Англии, так и во всех других странах, то ограничение это никогда не устанавливалось *без законодательного вмешательства*, а это вмешательство никогда не имело бы места без постоянного давления со стороны рабочих. Во всяком случае ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами. Сама эта необходимость *общего политического действия* служит доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной.

Что касается *границ стоимости труда*, то их действительное установление всегда зависит от предложения и спроса. Я говорю о спросе на труд со стороны капитала и о предложении труда со стороны рабочих. В колониальных странах закон предложения и спроса благоприятствует рабочему. Этим объясняется относительно высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах. Там капитал оказывается в очень затруднительном положении; он не может воспрепятствовать тому, что рабочий рынок постоянно пустеет вследствие постоянного превращения наемных рабочих в независимых самостоятельных крестьян. Для очень значительной части американского народа

положение наемного рабочего оказывается лишь переходным состоянием, из которого рабочий рассчитывает наверняка выйти в течение более или менее короткого срока*. Для того чтобы исправить это положение вещей в колониях, отечески-заботливое британское правительство приняло с недавнего времени так называемую современную теорию колонизации, которая состоит в том, чтобы на землю в колониях устанавливать искусственно высокую цену и препятствовать таким образом слишком быстрому превращению наемных рабочих в независимых крестьян.

Но перейдем к старым цивилизованным странам, в которых капитал господствует над всем процессом производства. Возьмите, например, повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Англии за время с 1849 по 1859 г. Какими были последствия этого повышения? Фермеры не смогли, как им посоветовал бы наш друг Уэстон, повысить стоимость пшеницы; они не смогли даже повысить ее рыночных цен. Напротив, они вынуждены были примириться с понижением их. Но за эти 11 лет они ввели всевозможные машины, усвоили новые, более научные методы, превратили часть пахотной земли в пастбища, увеличили размеры ферм, а вместе с тем и размеры производства, и, сократив с помощью этих, а также и других мероприятий спрос на труд путем увеличения его производительной силы, снова достигли того, что сельское население стало относительно избыточным. Таков и вообще тот метод, каким капитал в старых, давно заселенных странах быстрее или медленнее реагирует на повышение заработной платы. Рикардо справедливо заметил, что машина постоянно конкурирует с трудом и часто может быть введена лишь при том условии, если цена труда достигла известной высоты; но приращение машин есть только один из многих методов увеличения производительных сил труда. То самое развитие, которое, с одной стороны, делает относительно избыточным простой труд, с другой стороны, упрощает труд квалифицированный и таким образом обесценивает его.

Этот же самый закон осуществляется и в другой форме, С развитием производительных сил труда накопление капитала ускоряется, несмотря даже на относительно высокий уровень заработной платы. Отсюда можно было бы заключить, — как

* См. по этому поводу I том «Капитала», гл. 25, сноску 253; «Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизируемой свободными иммигрантами. Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы. Впрочем, сюда же относятся и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корне преобразило все отношения». С тех пор, как земля повсеместно захвачена в частную собственность, и пути для превращения наемных рабочих в колониальных странах в самостоятельных производителей закрыты.—Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.

это и сделал А. Смит, во времена которого современная промышленность находилась еще в младенческом возрасте, — что это ускоренное накопление капитала должно склонить чашу весов в пользу рабочего, ибо оно обеспечивает все возрастающий спрос на его труд. Разделяя этот взгляд, многие из современных писателей удивлялись тому, что, хотя английский капитал за последние 20 лет возматал гораздо быстрее, чем население Англии, заработная плата повысилась не столь значительно. Но одновременно с прогрессом накопления происходит *прогрессирующее изменение в строении капитала*. Та часть всего капитала, которая состоит из постоянного капитала, машин, сырья, всевозможных средств производства, прогрессивно возрастает по сравнению с другой частью капитала, которая расходуется на заработную плату, или на покупку труда. Этот закон был более или менее точно установлен г. Бартоном, Рикардо, Сисмонди, профессором Ричардом Джонсом, профессором Рамсеем, Шербулье и др.

Если первоначальное соотношение этих двух составных частей капитала равнялось 1 к 1, то при дальнейшем развитии промышленности оно становится равным 5 к 1 и т. д. Если из всего капитала в 600, 300 затрачиваются на машины, сырые материалы и т. д. и 300 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, нужно удвоить весь капитал. Но если из капитала в 600, 500 затрачиваются на машины, материалы и т. д. и только 100 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, этот же самый капитал должен увеличиться с 600 до 3 600. Поэтому с развитием промышленности спрос на труд не поспевает за накоплением капитала. Правда, он возрастает, но в пропорции, постоянно уменьшающейся по сравнению с ростом всего капитала.

Этих немногих указаний будет достаточно, для того чтобы показать, что само развитие современной промышленности должно все более склонять чашу весов в пользу капиталиста и в ущерб рабочему и что, следовательно, общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, т. е. в большей или меньшей степени низводит *стоимость труда* до ее *минимального предела*. Но если *положение вещей* при современной системе имеет такую тенденцию, то значит ли это, что рабочий класс должен отказаться от борьбы с грабительскими посягательствами капитала и прекратить свои усилия использовать случайные благоприятные возможности для временного улучшения своего положения. Если бы рабочие так поступили, они выродились бы в безразличную массу надломленных бедняков, которым уже нет спасения. Надеюсь, я показал, что борьба рабочих за уровень заработной платы не-

разрывно связана со всей системой наемного труда, что стремления рабочих повысить заработную плату в 99 случаях из 100 являются лишь усилиями сохранить существующую стоимость труда и что необходимость бороться с капиталистами за цену труда коренится в положении рабочих, которое вынуждает их продавать самих себя как товар. Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение.

Вместе с тем, даже если совершенно оставить в стороне то общее закрепощение рабочих, которое связано с системой наемного труда, рабочий класс не должен преувеличивать конечные результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает тенденцию, ухудшающую его положение, но не меняет направления этой тенденции; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь. Поэтому рабочие не должны ограничиваться исключительно этими неизбежными партизанскими схватками, которые непрестанно порождаются никогда не прекращающимися грабительскими поползновениями со стороны капитала или изменениями в положении рынка. Они должны понять, что современная система при всей той нищете, которую она с собой несет, вместе с тем создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества. Вместо консервативного девиза: *«Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день»**, рабочие должны написать на своем знамени *революционный лозунг: «Уничтожение системы наемного труда».*

После этого очень длинного и, боюсь, утомительного изложения, которое я вынужден был дать в интересах освещения основного вопроса, я закончу свой доклад предложением следующей резолюции:

1) Общее повышение уровня заработной платы ведет к понижению общей нормы прибыли, но в целом не влияет на цены товаров.

2) Общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы.

3) Тред-юнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления притязаниям капитала. В ряде случаев они терпят неудачу вследствие того, что неправильно пользуются своей силой. Вообще же они быют мимо цели, так как ограничи-

* См. по этому поводу статью Ф. Энгельса: «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день», настоящий сборник, стр. 208—210.—Ред.

ваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее и использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, т. е. окончательного уничтожения системы наемного труда.

Доклад, прочитанный К. Марксом на английском языке 20 и 27 июня 1865 г. на заседаниях Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). Впервые напечатан на английском языке в Лондоне, 1898 г.; на немецком языке — в «Neue Zeit», 1897—1898 гг., ч. 2 (номера за апрель 1898 г.). — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1.

К. Маркс. Избранные произведения. ИМЭЛ. Госполитиздат. 1940 г. Т. 1, стр. 296—302.

К. МАРКС

ПИСЬМО ЛЮДВИГУ КУГЕЛЬМАНУ

в Ганновер.

Лондон, 15 января 1866 г.
1, Modena Villas, Maitland
Park, Haverstock Hill, London

Дорогой друг,
Поздравляю с Новым годом и очень благодарю за Ваше дружеское письмо.

Извините за краткость этих строк, она объясняется большой перегруженностью работой в настоящий момент. В следующий раз я напишу подробнее.

Прилагаю два членских билета. Вопросы, которые должны будут обсуждаться в конце мая, на публичном заседании конгресса в Женеве, я сообщу Вам в следующем письме.

Наше общество делает большие успехи. Оно имеет уже три официальных органа: в Лондоне «*The Workman's Advocate*», в Брюсселе «*La Tribune du Peuple*» и один орган французской секции в Швейцарии «*Journal de l'Association internationale des travailleurs Section de la Suisse Romande*» (Женева). На днях появится журнал немецко-швейцарской секции «*Der Vorbote*» под редакцией И.-Ф. Беккера. (Вот его адрес: 6, rue du Mole, Женева — на случай, если бы Вы захотели послать ему когда-нибудь корреспонденцию по политическим или социальным вопросам).

Нам удалось вовлечь в движение единственную действительно крупную рабочую организацию — английские «трэд-юнионы», которые раньше занимались исключительно вопросами заработной платы. При их помощи состоялся несколько недель тому назад грандиозный митинг, устроенный организованным нами английским обществом борьбы за проведение *всеобщего избирательного права* (Центральный комитет этого общества состоит наполовину из рабочих — членов нашего Центрального комитета). На этом митинге говорили только рабочие. Что результат его был значительным, об этом Вы можете судить

из того, что «Times» в двух номерах под-ряд занимался этим митингом в своих передовицах.

Что касается моей работы, то я теперь по 12 часов в день переписываю ее начисто. Я думаю в марте сам отвезти рукопись первого тома в Гамбург и повидаться при этом с Вами. Кувырканыя преемника Юстуса фон-Мезера* меня очень позабавили. Что за жалкое зрелище представляет собой талантливый человек, который ищет и находит удовлетворение в подобных пустяках!

Что касается Бюргерса, то это конечно, человек благих намерений, но он слаб. Немного более года прошло с тех пор, как на публичном митинге в Кельне он заявлял (об этом было напечатано в кельнских газетах), что Шульце-Делич окончательно «разрешил» социальный вопрос и что только его (Бюргерса) личная дружба ко мне завлекла его на ложный путь коммунизма! Мог ли я после таких публичных заявлений не считать его «ренегатом»?

Искренне преданный Вам

К. Маркс.

---

* Микель.

К. МАРКС.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Несколько времени тому назад лондонские портновские подмастерья образовали всеобщее товарищество, чтобы отстаивать свои требования в противовес лондонским мастерам-портным, которые большей частью являются крупными капиталистами. Речь шла не только о том, чтобы привести заработную плату в соответствие с поднявшимися ценами на все предметы потребления, но также и о том, чтобы положить конец исключительно грубому обращению с рабочими в этой отрасли промышленности. Мастера сделали попытку уничтожить этот союз путем вербовки портновских подмастерьев, главным образом в Бельгии, Франции и Швейцарии. В ответ на это секретари Генерального совета «Международного товарищества рабочих» опубликовали в бельгийских, французских и швейцарских газетах предостережение, которое имело полный успех. Маневр лондонских мастеров потерпел неудачу; они должны были сложить оружие и удовлетворить справедливые требования своих рабочих.

Потерпев поражение в Англии, мастера пытаются ныне организовать контрнаступление, начав его с *Шотландии*. Именно в результате лондонских событий они были вынуждены также и в Эдинбурге сначала согласиться на повышение заработной платы на 15%. Однако тайком они послали агентов в Германию, в частности в Ганновер и Мекленбург, чтобы завербовать там портновских подмастерьев для привоза в Эдинбург. Первая партия их уже отправлена. Этот импорт преследует ту же цель, что и ввоз на Ямайку индийских кули, т. е. *увекочивание рабства*. Если бы мастерам в Эдинбурге удалось посредством ввоза рабочей силы из Германии отнять свои прежние уступки, то это неизбежно оказало бы свое действие и на Англию. *Никто не пострадал бы от этого сильнее, чем сами немецкие рабочие*, которых в Великобритании больше, чем рабочих любой другой континентальной нации. А новые привезенные рабочие, будучи совершенно беспомощными в чужой стране, были бы вскоре низведены до положения париев.

Кроме того, для немецких рабочих дело чести доказать за границе, что они, так же, как и их братья во Франции, Бельгии и Швейцарии, умеют защищать общие интересы своего класса и не станут *послушными ландскнехтами капитала* в его борьбе против труда.

По поручению «Генерального совета Международного товарищества рабочих»

К. Маркс.

Лондон, 4 мая 1866 г.

Немецких портновских подмастерьев, желающих получить более подробные сведения о положении дел в Англии, просят направлять свои письма немецкому отделению комитета Лондонского товарищества портных по адресу: Albert F. Haufe, Crown Public House, Hedden Court, Regent Street, London.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. XIII, ч. I, стр. 162—163.

К. МАРКС.

ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ *.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Временный центральный совет предлагает в общем план *организации* в том виде, как он был дан во временном уставе. Двухгодичный опыт показал правильность этого плана и возможность его применения в условиях различных стран без ущерба для единства действий. Местопребыванием Центрального совета на следующий год мы предлагаем Лондон, так как положение дел на континенте не таково, чтобы можно было рассчитывать на какое бы то ни было изменение в этом смысле.

Члены Центрального совета должны избираться конгрессом (§ 5 временного устава) с правом кооптации.

Генеральный секретарь избирается конгрессом на один год, это единственное оплачиваемое должностное лицо Товарищества. Мы предлагаем платить ему 2 ф. ст. в неделю.

Единый годичный взнос для каждого отдельного члена Товарищества определяется в полпenni (может быть одно пенни). Стоимость членского билета (книжки) оплачивается дополнительно.

Призывая членов Товарищества создавать общества взаимопомощи и устанавливать между ними интернациональную связь, мы предоставляем инициативу в этом деле (создание обществ взаимопомощи, материальная и моральная поддержка сиротам членов Товарищества) швейцарцам, которые первые предложили это на сентябрьской конференции прошлого года.

2. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПОМОЩИ ТОВАРИЩЕСТВА В БОРЬБЕ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ.

а) Этот вопрос, вообще говоря, охватывает всю деятельность Международного Товарищества, цель которого объеди-

* Настоящая инструкция была написана Марксом для делегатов временного Центрального совета на Женевский конгресс Международного Товарищества Рабочих, который состоялся 3—8 сентября 1866 г.—Прим. ред. книги К. Маркс «Документы Первого Интернационала».

нить до сих пор разрозненные действия рабочего класса разных стран, направленные к его освобождению, и сделать их общими.

б) Одной из особых функций, которую наше общество выполняло до сих пор с успехом, является противодействие про-искам капиталистов, всегда готовых, в случае стачек и локау-тов, использовать иностранных рабочих, как орудие против местных рабочих. Одна из великих целей Товарищества — добиться того, чтобы рабочие различных стран не только чув-ствовали, но и действовали, как братья и товарищи в борьбе за освобождение.

в) Одним из крупных мероприятий, предлагаемых нами для «интернационального объединения действий», является статисти-ческое обследование положения рабочего класса во всех странах, которое должно быть предпринято самим рабочим классом. Чтобы действовать успешно, надо знать тот материал, на который необходимо воздействовать. Предпринимая такое большое дело, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки. Поэтому мы предлагаем сле-дующее:

В каждой местности, где существуют секции нашего Товари-щества, немедленно приступить к работе и собирать материалы по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследо-вания.

Конгресс призывает всех рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и материалы следует от-сылать Центральному совету. Центральный совет на основании этих материалов должен составить общий доклад и присоеди-нить к нему материалы в качестве приложений.

Этот доклад вместе с приложениями представляется следую-щему годовичному конгрессу и, после утверждения им, печатается на средства Товарищества.

ОБЩАЯ СХЕМА ОБСЛЕДОВАНИЯ, КОТОРАЯ, КОНЕЧНО, МОЖЕТ БЫТЬ ПОДВЕРГНУТА ИЗМЕНЕНИЯМ В КАЖДОЙ МЕСТНОСТИ.

1. Наименование производства.
2. Возраст и пол занятых в нем лиц
3. Число занятых в нем лиц.
4. Жалование и заработная плата: (а) учеников; (б) подневная или сдельная оплата труда; размер оплаты труда посредниками. Средний недельный, годовой заработок.
5. (а) Продолжительность рабочего дня на фабриках. (б) Про-должительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в домашнем производстве, в случае наличия всех этих видов производства, (в) Ночной и дневной труд.

6. Перерывы на еду и обращение [с рабочими].
7. Состояние мастерской и условия работы: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения. Чистота и т. д.
8. Род занятий.
9. Влияние работы на физическое состояние.
10. Моральные условия. Воспитание.
11. Состояние производства. Является ли оно сезонным или работает более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно главным образом внутренний или внешний рынок и т. д.

3. ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ.

Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения должны потерпеть неудачу, является *ограничение рабочего дня*.

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, который составляет большую часть народа, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, общения между собою, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем *установленный законом 8-часовой рабочий день*. Такое ограничение является общим требованием рабочих Соединенных Штатов Америки; решение конгресса сделает его общей платформой рабочего класса во всем мире.

К сведению континентальных членов Товарищества, опыт которых в фабричном законодательстве сравнительно невелик, мы прибавляем, что никакое ограничение, установленное законом, не достигнет цели, и капитал будет нарушать его, если не будет точно указано *то время дня*, которое должны занять эти 8 часов труда. Продолжительность этого времени должна определяться 8 часами труда и сверх того — перерывами для еды. Например, если различные перерывы для еды занимают *один час*, определенное законом время дня должно охватывать 9 часов, скажем, от 7 утра до 4 пополудни или от 8 утра до 5 пополудни и т. п. Ночной труд может быть разрешен только в виде исключения в производствах или отраслях производства, точно установленных законом. Необходимо стремиться к полной отмене ночного труда.

Этот параграф касается только взрослых мужчин или женщин, последним, впрочем, совершенно должен быть запрещен *какой бы то ни было ночной труд*, а также всякий труд, вредный для более слабого женского организма, отравляющий его или подвергающий его каким-либо другим вредным воздействиям. Под взрослыми мы понимаем всех лиц, достигших 18-летнего возраста.

4. ТРУД ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (ОБОЕГО ПОЛА)

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлечь детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производителем, работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только умом, но и руками.

Однако в настоящее время детей и подростков обоего пола, с которыми мы имеем дело, следует разделить на *три группы*, требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую — от 13 до 15 лет, в третью — 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй — *четырьмя* и для третьей — *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха.

Желательно, может быть, начальное школьное обучение начинать до 9-летнего возраста; но мы касаемся здесь только самого необходимого противоядия против тенденций социального строя, который низводит рабочего до степени простого орудия накопления капитала и превращает задавленных нуждой родителей в рабовладельцев, продающих своих собственных детей. *Права* детей и подростков должны быть защищены. Они не в состоянии сами выступить в свою защиту. Поэтому долг общества вступить за них.

Если средний и высший классы пренебрегают своими обязанностями по отношению к собственным детям, это их ошибка. Пользуясь привилегиями этих классов, ребенок вынужден страдать от их предрассудков.

Для рабочего класса дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не свободен в своих действиях. В очень многих случаях он даже слишком невежествен, чтобы правильно понимать интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее просвещенная часть рабочего класса вполне сознает, что будущее его класса, следовательно человеческого, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Она знает, что прежде всего дети и подростки должны быть ограждены от разрушительного действия современной системы производства. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно до-

биться только посредством *общих законов*, к соблюдению которых принуждает государственная власть. Требуя таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, власть, которую теперь пользуются против него, он превращает в свое орудие. Рабочие достигают путем общего законодательного акта того, чего они напрасно добивались бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы говорим, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и в то же время дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физического упражнения и политехнического обучения поднимает рабочий класс значительно выше уровня высшего и среднего классов.

Само собой разумеется, что применение труда всех лиц от 9 до 17 лет (включительно) ночью и во всех вредных для здоровья производствах должно быть строго запрещено законом.

5. КООПЕРАТИВНЫЙ ТРУД.

Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить *стихийное движение* рабочего класса и придать ему единство, а вовсе не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует высказываться за какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться провозглашением нескольких общих принципов.

(а) Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей*.

(б) Однако в рамках карликовых предприятий, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в огромную и гармоничную систему свободного и кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя*, такие изменения, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, т. е. государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.

(в) Мы рекомендуем рабочим взяться скорее за *кооперативное производство*, нежели за *кооперативную торговлю*. Последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы.

(г) Мы рекомендуем всем кооперативным обществам превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, иначе говоря, содействуя учреждению новых кооперативных фабрик, а также распространяя свое учение.

(д) Для того, чтобы избежать превращения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (*sociétés par actions*), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить, в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент.

6. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ, ИХ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.

(а) Их прошлое.

Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, *договор* между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже с точки зрения общества, в котором собственность на материальные средства существования и труда противостоит живой производительной силе. Социальная сила рабочих заключается только в их численности. Но сила численного превосходства уничтожается их разобщенностью. Разобщенность рабочих создается и продолжает существовать вследствие *неизбежной конкуренции между ними самими*.

Профессиональные союзы возникли сначала благодаря *стихийным* попыткам рабочих устранить или по меньшей мере ослабить эту конкуренцию, чтобы завоевать такие условия договора, которые позволили бы им жить хоть несколько лучше рабов. Непосредственная задача профессиональных союзов огра-

ничивалась поэтому повседневными нуждами, попытками остановить непрерывное наступление капитала, одним словом, — вопросами заработной платы и рабочего времени. Такая деятельность профессиональных союзов не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Наоборот, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания профессиональных союзов во всех странах и объединения этих профессиональных союзов. С другой стороны, — сами того не сознавая, профессиональные союзы становились *организационными центрами* для рабочего класса, подобно тому как средневековые муниципалитеты и коммунны были организационными центрами для буржуазии. Если профессиональные союзы нужны для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они еще более важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала.*

(б) Их настоящее.

Занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще не вполне осознали, какую силу они представляют собою для борьбы против самой системы наемного рабства. Поэтому они держались слишком в стороне от общего социального и политического движения. Однако недавно в них, повидимому, пробудилось сознание их великой исторической миссии; об этом можно судить, например, по их участию в политическом движении в Англии в последнее время, по более широкому пониманию ими своей функции в Соединенных Штатах и из принятой на состоявшейся недавно большой конференции делегатов тред-юнионов в Шеффильде следующей резолюции: «Настоящая конференция, придавая важное значение деятельности Международного Товарищества в целях объединения рабочих всех стран в общий братский союз, самым настоятельным образом рекомендует различным обществам, представленным здесь, войти в это Товарищество, необходимое, по мнению конференции, для прогресса и благосостояния всех трудящихся».

(в) Их будущее.

Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей главной задачей его *полное освобождение*. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, направленное к этой цели. Считая себя представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они должны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых профессий, как напри-

мер, сельскохозяйственных рабочих, беспомощных вследствие их особых условий. Профессиональные союзы должны убедить весь мир в том, что они борются не за узкие личные интересы, а за освобождение угнетенных миллионов.

7. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ.

(а) Никакое изменение формы налогового обложения не может вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом.

(б) Тем не менее, если нужно выбирать между двумя системами налогового обложения, мы рекомендуем *полную отмену косвенных налогов и общую замену их прямыми налогами.*

Потому, что при прямых налогах товары дешевле и они не влияют на производство, в то время как косвенные налоги повышают цены товаров, так как торговцы прибавляют к этим ценам не только сумму косвенных налогов, но и проценты и прибыль на капитал, авансированный на их уплату.

Потому, что косвенные налоги скрывают от каждого отдельного лица сумму, которую он платит государству, тогда как прямой налог ничем не замаскирован, взимается открыто, и даже самый темный человек не может не видеть, какую сумму он платит. Прямые налоги побуждают каждого контролировать правительство, тогда как косвенные налоги подавляют всякое стремление к самоуправлению.

8. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЕДИТ.

Инициатива должна быть предоставлена французам.

9. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС.

(а) Почему европейские рабочие поднимают этот вопрос? Прежде всего потому, что буржуазные писатели и агитаторы сговорились умалчивать о нем, хотя они покровительствуют всем национальностям на континенте, даже Ирландии. Какова причина этого замалчивания? Причина та, что и аристократы и буржуа смотрят на темную азиатскую державу на востоке Европы, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения. Эту державу можно действительно сломить только восстановлением Польши на демократических основах.

(б) При современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходима демократическая Польша. Без нее Германия сделается форпостом Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. До тех пор, пока не будет решен этот важный европейский вопрос, рабочее движение

всегда будет встречать преграды, терпеть поражения, и развитие его будет задерживаться.

(в) Особенно рабочий класс Германии должен взять на себя инициативу в этом вопросе, потому что Германия одна из участниц разделов Польши.

10. АРМИИ.

(а) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться по этому вопросу.

(б) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(в) Мы допускаем как необходимую переходную меру небольшие постоянные армии в качестве школ для обучения командного состава милиции; каждый гражданин должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях.

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС.

Инициатива должна быть предоставлена французам.

К. Маркс. «Документы Первого Интернационала».
Госполитиздат. 1939 г. Стр. 19—27.

К. МАРКС.

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

27 марта 1867 г.

Дорогой Энгельс!

Я решил не писать тебе до тех пор, пока не смогу сообщить тебе об окончании книги, что и делаю теперь. Также не хотел я повторять тебе скучную историю о причинах вторичного опоздания, о карбункулах на задней части и вблизи penis'a, последние остатки которых теперь отцветают и при которых я мог сидеть (а следовательно писать) лишь ценою больших страданий. *Мышьяка я не принимаю*, так как он туманит мне мозг, а мне необходима была свежая голова, по крайней мере на то время, когда можно было писать.

На будущей неделе я должен сам поехать с рукописью в Гамбург. Тон последнего письма господина Мейснера мне не понравился. К тому же, я вчера получил прилагаемую записку от Боркгейма. Я имею все основания полагать, что «континентальный друг», это — господин тайный советник Бухер. Дело в том, что Боркгейм написал ему письмо, — которое он мне прочитал, — по поводу своей поездки в Силезию, где он хочет заняться семейными делами. Бухер немедленно ответил ему. Поэтому я за всеми этими рассказами (canards) чувую интригу и должен лично пристать к Мейснеру с ножом к горлу. В противном случае он может задержать мою рукопись (по моему расчету, с лишком двадцать пять печатных листов) и *не печатать* сейчас под предлогом, что он хочет «обождать» второго тома.

Теперь прежде всего я должен вынуть из ломбарда свое платье и часы. Не могу также оставить мою семью в теперешнем положении, когда они сидят без гроша (sans sou), в то время как кредиторы с каждым днем все больше наглеют. Наконец, чтоб не забыть. Деньги, предназначавшиеся Лауре на шампанское, приказали долго жить. Ей необходимо сейчас красное вино, но лучше того, какое я в состоянии заказать. Такого положение.

Наш «Интернационал» торжествовал большую победу. Бастующим парижским рабочим бронзового производства мы доста-

ли денежную поддержку от лондонских пред-юнионов. Увидев это, хозяева немедленно уступили. Эта история наделала много шума во французских газетах, и теперь мы во Франции — признанная сила.

Люксембургская афера была, повидимому, условлена между Бисмарком и Бонапартом. Возможно, но невероятно, что первый не может или не хочет сдержать свое слово. *Русское* вмешательство в германские дела ясно, как день:

1) из того, что *вюртембергский* договор с Пруссией был заключен уже 13 августа, раньше всех других;

2) из выступления Бисмарка относительно Польши.

Русские деятельнее, чем когда-либо раньше. Между Францией и Германией они заварили недурную кашу. Австрия сама по себе достаточно бессильна. А с господами англичанами они сыграют штуку в Соединенных Штатах.

Привет.

Твой К. М.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 398—399.

К. МАРКС.

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

26 сентября 1868 г.

Дорогой Фред!

Большое спасибо за 5 фунтов стерлингов. Эти паршивые мелкие лавочники (shopkeepers) — жалкий класс. Моя жена сейчас же понесла деньги на дом кредитору. Сам он тем временем «прогорел» (а он в своем роде вполне приличный парень); его жена, обливаясь слезами, приняла за него деньги. Значительная и даже большая часть этих лавочников испытывает все бедствия пролетариата, к тому же над ними тяготеет «страх» и «гнет приличий», но все это без соответствующего чувства собственного достоинства, свойственного лучшим рабочим.

Кстати! Раздоры между тред-юнионистскими авторитетами, фактически парализовавшие их деятельность в течение ряда лет, наконец улажены. Лондонский совет тред-юнионов (Оджер и К^о), Лондонская рабочая ассоциация (Поттер и К^о) и Соединенные тред-юнионы (кажется, центр в настоящее время в Шеффилде, он меняется ежегодно), наконец согласились *действовать совместно*. Это — результат похода буржуазии на тред-юнионы.

Снова посылаю тебе обратно последние номера Швейцера, так как они, быть может, понадобятся тебе в статье для Вильгельма. Держи их в Манчестере, но так, чтобы в случае нужды их можно было найти. Не думаю, чтобы Швейцер подозревал о предстоящем ударе. Если бы это было так, то он вряд ли бы столь торжественно трещал насчет «крепкой организации». Я думаю, что причиной этого решительного удара прусского правительства явилось «Международное товарищество рабочих». Что же касается «теплых братских» писем Ш[вейцера] ко мне, то они объясняются просто его опасениями, как бы теперь, после нюрнбергского постановления, я открыто не выступил за Вильгельма и против него. Такая полемика была бы все же неуместной после гамбургской истории (этот чудак написал мне, не пожалую ли я сам в Гамбург, «чтобы увенчать себя заслуженными лаврами»!).

Самое нужное для немецкого рабочего класса, — это, чтобы они перестали агитировать с милостивого дозволения начальства. Такой бюрократически вышколенной породе необходимо проделать полный курс «самопомощи». С другой стороны, они имеют безусловно то преимущество, что начинают движение в эпоху гораздо более высокого развития, чем англичане, и, как немцы, имеют на плечах головы, способные к обобщениям. Эккартус очень хвалит парламентское приличие и такт, царившие на Нюрнбергском конгрессе, — особенно по сравнению с французами в Брюсселе.

С Испанией дело обстоит еще сомнительно, но все же мне кажется, что движение если и может быть подавлено, то только на короткое время. Однако я не понимаю: отчего вожаки (leaders) не выждали времени, пока «невинная» покинет Испанию и отправится с визитом к Бонапарту. Уже не приложил ли последний сам свою руку ко всей этой истории?

Привет

Твой К. М.

Самое смешное в действиях Швейцера, — и к этому его безусловно принуждают предрассудки его армии и его должность председателя Всеобщего германского рабочего союза, — это то, что он непрерывно клянется словами учителя и при каждой новой уступке требованиям действительного рабочего движения боязливо аргументирует, что она *не* противоречит догматам единospасающего лассальского символа веры. Гамбургский конгресс вполне правильно инстинктивно почувствовал, что действительное рабочее движение (пред-юнионы и т. д.) угрожает Всеобщему германскому рабочему союзу как специфической организации лассальянской секты и что, принимая официальное участие в этом движении, он лишается тех особенностей, которые составляют его гордость (point d'honneur) и смысл его существования (raison d'être).

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 105—107.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО К. МАРКСУ.

8 октября 1868 г.

Дорогой Мавр!

За эти дни меня чертовски измотала коммерция, и потому лишь сегодня могу отослать письма обратно.

Со Швейцером дело обстоит не так просто. Этот малый хитрее и энергичнее всех своих противников, вместе взятых, хотя на сей раз он несомненно зарвался, — согласно «Кельнской газете», происходящие теперь подлинные собрания рабочих повсюду отказываются от навязанных им «конгрессом» председателей, и эти молодцы, которые сами себя избрали (self elected) вплоть до самого Швейцера, должны будут смекнуть, что когда доходит до настоящего дела, то все эти интриги и попытки навязать действительному движению свою секту в руководители обречены на неудачу.

В качестве секретаря для Германии ты должен будешь, разумеется, сноситься с возникающими союзами, пока в отдельных профессиях не образуются конкурирующие союзы, когда придется делать выбор между обоими, — или, быть может, они оба смогут примкнуть? На этот счет у вас имеются английские прецеденты. Важно лишь постоянно напоминать Швейцеру и его людям, что они переписываются с *секретарем для Германии*, а не с К[арлюм] М[арксом], и ты должен позаботиться об этом.

Русский перевод — весьма отрадное явление; лишь только дело несколько подвинется вперед, надо будет сообщить о нем в газетах.

Рукопись Дицгена я еще просмотреть не успел.

Годиссар становится все забавнее. 30 листов пока что не опасны; так как они должны появиться одновременно на четырех языках, то на это потребуется, конечно, целое столетие. Однако как еврей он не может отказаться от закулисной игры, и поделом ему, что он обжег себе пальцы на Бискампте.

Вильгельмчик тоже хорош. Что касается швабов, то, повидимому, его и его людей заставляют держаться за федерали-

стов только денежные соображения. Это обстоятельство следовало бы подробнее выяснить; впоследствии нам придется расплачиваться за все это. Я обратил его внимание на то, что в момент, когда надвигаются революционные события, совершенно *противоречило бы* интересам нашей партии, если бы наши люди чересчур цеплялись за гнилой сам по себе антагонизм между велико-прусской и австрийско-федералистической Великой Германией в пользу одной из сторон. Эта *unglückliche Vich* несчастная скотина все еще не может понять, что весь этот антагонизм с обеими его сторонами — чистейшая ограниченность; я полагал, что испанская революция несколько откроет ему глаза, — однако, этого незаметно (по го).

Подробностей о ходе швейцарского конгресса и его отголосках еще не видал, так как получаю «Zukunft» с запозданием. Наилучшие пожелания.

Твой Ф. Э.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 112—113.

К. МАРКС.

ПИСЬМО ИОГАННУ-БАПТИСТУ ФОН-ШВЕЙЦЕРУ
в Берлин.

— Лондон, 13 октября 1868 г.

[Черновик.]

Милостивый государь!

Если Вы не получили ответа на Ваше письмо от 15 сентября, то виною этому недоразумение с моей стороны. Я понял это письмо так, что Вы хотите прислать мне Ваши «проекты» для ознакомления. Я ждал их. Но затем состоялся Ваш конгресс, после чего я решил (будучи очень перегружен работой), что с ответом можно не спешить. Как секретарь Интернационала для Германии я еще до получения Вашего письма от 8 октября *неоднократно* призывал к миру. Мне ответили (и в доказательство прислали выдержки из «Social-Demokrat»), что Вы сами провоцировали *войну*. Я заявил, что мое положение обязывает меня ограничиваться ролью «беспристрастного судьи» в этой дуэли.

Я думаю, что лучше всего отплачу Вам за то доверие, которое Вы выразили мне в Ваших письмах, если выскажу Вам откровенно, без всяких дипломатических обиняков, мой взгляд на существующее положение вещей. Я предполагаю при этом, что для Вас, как и для меня, важны только интересы дела.

Я безусловно признаю ум и энергию, с какими Вы действуете в рабочем движении, я никогда не скрывал это свое мнение ни от кого из моих друзей. Повсюду, где мне приходилось высказываться публично, — в Генеральном совете Международного товарищества рабочих и в здешнем Немецком коммунистическом обществе — я всегда говорил о Вас, как о человеке нашей партии, и *ни разу ни словом* не упомянул о наших разногласиях.

Тем не менее, такие разногласия существуют.

Прежде всего, что касается лассалевского Союза, то он был основан в эпоху реакции. Лассаль — и это остается его бесспорной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки. Но он совершил крупные ошибки. Он слишком поддавался влиянию непосредствен-

ных условий того времени. Мелкую исходную точку — свою противоположность такому пигмею, как Шульце-Делич, — он сделал центральным пунктом своей агитации: государственная помощь в противоположность самопомощи. Таким образом, он снова выдвинул тот лозунг, который Бюше — глава французского *католического* социализма — выставил в 1843 г. против подлинного рабочего движения во Франции. Будучи слишком умен, чтобы считать этот лозунг чем-то большим, чем переходным средством на худой конец, Лассаль мог оправдать его только его непосредственной (якобы!) осуществимостью. Для этой цели он должен был утверждать, что этот лозунг может быть осуществлен в *ближайшем* будущем. «Государство» вообще превратилось, таким образом, в прусское государство. Вследствие этого он вынужден был делать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодалной партии) и даже клерикалам. С лозунгом Бюше о государственной помощи объединениям он соединил чартистский лозунг всеобщего избирательного права. Он проглядел, что условия в Германии и Англии различны. Он не понял уроков второй империи в вопросе о французском всеобщем избирательном праве. Затем он с самого начала придавал своей агитации религиозно-сектантский характер, как это делает всякий, кто утверждает, что у него в кармане имеется всеисцеляющее средство против страданий масс. В действительности всякая секта религиозна. Далее, как и всякий учредитель секты, он отрицал какую бы то ни было естественную связь с прежним рабочим движением *как в Германии, так и за границей**. Он впал в ошибку Прудона, который не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по некоему определенному им предписанному доктринерскому рецепту.

То, что я говорю теперь задним числом, я в большей части наперед предсказывал Лассалю, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня стать вместе с ним во главе нового движения.

Вы на собственном опыте узнали, в чем состоит противоположность между сектантским движением и классовым движением. Для секты смысл ее существования и вопрос чести состоят не в том, что у нее есть *общего* с классовым движением, а в том *особенном талисмани* (Schiboleth), который ее от этого движения *отличает*. Поэтому, когда Вы предложили созвать съезд в Гамбурге для учреждения профессиональных союзов, то Вы смогли сломить сектантское сопротивление только своей угрозой отказаться от президентства. Вы были кроме того, вы-

* В черновике зачеркнуто далее: «Спасение должно было внезапно свалиться с неба».

нуждены как бы раздвоиться, заявив, что Вы в одном случае действовали как глава секты, а в другом — как орган классового движения.

Роспуск Всеобщего германского рабочего союза давал Вам повод сделать большой шаг вперед и заявить, доказать, если это требовалось, что теперь наступила новая стадия развития и созрел момент для растворения сектантского движения в классовом движении и для окончательной ликвидации всяких «пережитков». То, что было истинного у секты, то она, подобно всем прежним рабочим сектам, должна была бы внести в общее движение в качестве элемента, обогащающего это движение. Вместо этого Вы фактически потребовали от классового движения, чтобы оно подчинилось особому сектантскому движению. Ваши недруги сделали отсюда тот вывод, что Вы хотите во что бы то ни стало сохранить свое «собственное рабочее движение».

Что касается берлинского конгресса, то, прежде всего, нечего было спешить, потому что закон о коалициях еще не прошел. Вы должны были поэтому сговориться с лидерами *вне* лассальянских кругов и совместно с ними выработать план и созвать конгресс. Вместо этого Вы только предоставили им альтернативу — присоединиться к *Вам* или образовать фронт *против Вас*. Самый конгресс оказался лишь расширенным изданием гамбургского конгресса.

Что касается проекта устава, то я считаю его принципиально ошибочным, а в области профессиональных союзов у меня, я думаю, имеется больше опыта, чем у любого из моих современников. Не вдаваясь в детали, замечу только, что централизованная организация пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов. Будь она даже возможна, — а я заявляю, что она просто напросто невозможна, — она была бы нежелательна, особенно в Германии. Здесь, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*.

Но Ваш план и в других отношениях непрактичен. В «Союзе» получают три независимые власти различного происхождения: 1) *комитет*, избираемый по *профессиональным союзам*; 2) *председатель* (в данном случае совершенно излишнее лицо), избираемый *всеобщим голосованием*; 3) конгресс, избираемый *местными организациями*. Таким образом, повсюду — коллизии, и это якобы должно благоприятствовать «быстроте действия»! [В уставе Международного товарищества рабочих тоже фигурирует председатель Товарищества. Но фактически он не имеет никаких других функций, кроме председательствования на заседаниях Генерального совета. По моему предложению это

звание, от которого я отказался в 1866 г., было в 1867 г. совсем уничтожено и заменено председательствующим (chairman), который избирается для каждого еженедельного заседания Генерального совета. В Лондонском совете трэд-юнионов тоже имеется только председательствующий. Постоянным должностным лицом является там лишь секретарь, так как он ведет текущую деловую работу]. Лассаль сделал большой промах, заимствовав из французской конституции 1852 г.: «избран всеобщим голосованием». Тем более это не годится для профессионального движения! Последнее вращается главным образом вокруг денежных вопросов, и Вы вскоре убедитесь, что здесь наступает конец всякому диктаторству.

Впрочем, каковы бы ни были ошибки организации, их, может быть, удастся более или менее исправить разумной практикой. В качестве секретаря Интернационала я готов выступить посредником между Вами и нюрнбергским большинством, прямо примкнувшим к Интернационалу, — но конечно, посредником на разумной основе. То же самое я написал в Лейпциг. Я не закрываю глаз на трудности Вашего положения и не забываю о том, что действия каждого из нас больше зависят от обстоятельств, чем от собственной воли.

Обещаю Вам во всяком случае быть беспристрастным — это моя обязанность. Но, с другой стороны, я не могу Вам обещать, что я не выступлю когда-нибудь в печати как *частное лицо* с открытой критикой лассальянских предрассудков, как я это сделал в свое время по отношению к прудонистским, когда сочту это абсолютно необходимым в интересах рабочего движения.

Заверяя Вас лично в моих лучших чувствах к Вам, остаюсь преданный Вам

К. М.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXV, стр. 535—539.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ДОКЛАД О ТОВАРИЩЕСТВАХ ГОРНЯКОВ В УГОЛЬНЫХ КОПЯХ САКСОНИИ.

Первый попавшийся *тариф заработной платы рабочих*, например Нидервюршнитцской компании, показывает нам общее положение горнорабочих в угольных копях Рудных гор. Недельная заработная плата взрослых горняков составляет от 2 до 3 талеров 12 зильбергрошей 6 пфеннигов, подростков — от 1 талера 10 зильбергрошей до 1 талера 20 зильбергрошей. Недельная заработная плата среднего горнорабочего составляет приблизительно $2\frac{2}{3}$ талера. По требованию предпринимателя рабочие должны работать сдельно. *Тарифом заработной платы* предусмотрено, чтобы сдельная оплата не могла хоть сколько-нибудь значительно превысить обычную поденную. О своем отказе от работы каждый рабочий обязан сообщать за месяц вперед, а именно первого числа каждого месяца. Следовательно, если он откажется работать сдельно на предложенных условиях, то его *принудят* делать это, по крайней мере, в течение еще 4—8 недель. При таких обстоятельствах просто смешно болтать о регулировании сдельной платы по взаимному соглашению, о свободном договоре между рабочим и капиталистом!

Заработная плата выдается в два приема: 22-го числа каждого месяца выплачивается часть суммы в виде аванса и 8-го числа следующего месяца — остаток заработной платы за истекший месяц. Капиталист, таким образом, удерживает у себя заработную плату, которую он *должен* своим рабочим, в среднем за полных три недели, — это принудительный господский заем, тем более приятный, что он приносит деньги, а процентов по нему выплачивать не надо.

Смены рабочих, как правило, двенадцатичасовые, и вышеприведенная недельная заработная плата уплачивается за шесть двенадцатичасовых рабочих дней. В двенадцатичасовой рабочий день входят два часа (2 получаса и 1 целый час) на еду, или так называемое *время отдыха*. При спешной работе смены восьмичасовые (т. е. каждый рабочий в течение 48 часов работает в трех сменах) с *получасовым перерывом на еду* — и даже шестичасовые. В последнем случае «*не разрешается никакого перерыва для отдыха*».

Уже вышеизложенное рисует мрачную картину положения этих горнорабочих. Однако, чтобы понять, в каком крепостном состоянии они находятся, нужно рассмотреть *уставы товариществ горняков*. Возьмем эти уставы для угольных копей: I) знатного и могущественного князя *Шенбургского*; II) *Нидервюршнитцской* компании; III) *Нидервюршнитц-Кирхбергской* компании и IV) Объединенных Люгауэрских компаний.

Поступления товариществ горняков состоят: 1) из вступительных сумм и взносов рабочих, штрафных денег, неостребованной заработной платы и т. д. и 2) из взносов капиталистов. Рабочие платят 3 или 4% от своего заработка, хозяева вносят в I случае — 7 зильбергрошей 5 пфеннигов ежемесячно за каждого горнорабочего, платящего членские взносы; во II случае — 1 пфенниг с каждого шеффеля продажного угля; в III случае — в качестве первого взноса и для основания кассы товарищества горняков — 500 талеров, в дальнейшем такие же взносы, как и рабочие; наконец, в IV случае — так же, как и во II, но только с основным взносом в 100 талеров для каждой из объединившихся компаний.

Разве не поражает нас здесь картина самой дружной гармонии между капиталом и трудом? Кто еще тут осмеливается гордиться вздором о противоположности их интересов? Но, как сказал великий немецкий мыслитель Ганзманн, в денежных делах нет места чувствительности. Стало быть, встает вопрос, во что обходится рабочему великодушие «высоких владельцев копей»? Посмотрим!

Господа капиталисты в одном случае (III) вносят то же что и рабочие, во всех остальных — значительно меньше. За это они требуют следующих прав *в отношении собственности на кассу товарищества*:

I. *«Право собственности на кассу товарищества не принадлежит членам товарищества горняков; они не могут также требовать чего-либо большего, кроме выдач из кассы, на которые они согласно уставу в известных случаях имеют право, в особенности не могут предлагать раздела кассы и ее наличности даже в случае прекращения производства на том или ином предприятии. «В случае полного прекращения производства в каменноугольных коях князя Шенбургского в Ольснице» — после удовлетворения имеющихся претензий — «право распоряжения остатком принадлежит князю — владельцу копей».*

II. *«В случае ликвидации объединения Нидервюршнитцских каменноугольных копей одновременно должна быть произведена ликвидация и кассы товарищества горняков... Право распоряжения оставшейся еще наличностью принадлежит дирекции».* Члены товарищества горняков не имеют *никакого права собственности на кассу товарищества*,

В III случае, как во II,

IV. «Касса товарищества считается неотчуждаемой собственностью ныне существующих и имеющих еще вступить в будущем членов товарищества... Только в неожиданном случае полной ликвидации всех входящих в объединение каменноугольных копей, тем самым влекущей за собой ликвидацию и товарищества горняков...» — вот в этом неожиданном случае можно, казалось бы, ожидать, что рабочие разделят между собой возможный остаток наличности. Не тут-то было! В этом случае «директора объединений, ликвидирующихся в последнюю очередь, вносят свои предложения в королевское окружное управление. Только названная инстанция *решает* вопрос о судьбе наличности».

Другими словами: рабочие уплачивают большую часть взносов в кассу товарищества, а капиталисты *присваивают себе собственность этих касс*. На первый взгляд капиталисты делают подарок своим рабочим. В действительности же рабочих принуждают делать подарок своим капиталистам. Последним вместе с правом собственности достается, само собой, и право контроля над кассой.

Председателем правления кассы является управляющий угольными копиями. Ему принадлежит главное управление кассой, он разрешает все сомнительные случаи, определяет размер денежных штрафов и т. д. За ним следует *секретарь товарищества горняков*, являющийся в то же время кассиром. Он либо назначается капиталистом, либо, если его выбирают рабочие, должен быть им утвержден. Далее следуют рядовые *члены правления*. Они обычно избираются рабочими, но в одном случае (III) капиталист назначает троих из этих членов правления. Что это вообще за «правление», видно из правила, что оно должно *«устраивать заседание, по крайней мере, один раз в год»*. Фактически распоряжается председатель. Члены правления служат ему подручными. Этот господин председатель, т. е. управляющий копиями, является и во всем остальном могущественным властелином. Он может сокращать время для испытания новых членов, выдавать экстренные пособия, даже (III) выгонять рабочих, если ему покажется, что у них дурная репутация, и он всегда может апеллировать к господину капиталисту, решение которого *во всем, что касается товарищества горняков*, является окончательным. Так князь Шенбургский и директора акционерных обществ могут изменять уставы товариществ, повышать взносы рабочих, уменьшать пособия больным и пенсии, обставлять новыми препятствиями и формальностями обращения в кассу, — короче говоря, *делать все, что им заблагорассудится, с деньгами рабочих*, с единственной оговоркой насчет санкции правительственных властей, которые до сих пор ни разу еще не обнаружили хотя бы только *желания* познакомиться с положением и нуждами рабочих. В угольных копях III группы директора даже оставляют за собой право вы-

гонять из товарищества горняков каждого рабочего, *которого они предали суду, но судом оправданного!*

И за какие же блага горнорабочие так слепо подчиняют свои собственные дела чужому произволу? Послушаем!

1) *В случае болезни* юни получают врачебную помощь и недельное пособие: в угольных коях I—треть своей заработной платы, в III—половину заработной платы, во II и IV—половину или, если болезнь вызвана несчастным случаем во время работы, то соответственно $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ заработной платы. 2) *Инвалиды* получают пенсию в зависимости от продолжительности срока службы, а следовательно в зависимости от их взносов в кассу товарищества, от $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{2}$ последнего заработка. 3) *В случае смерти* члена союза его вдова получает пособие от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ пенсии, на которую имел право ее муж, и ничтожное еженедельное подаяние на каждого ребенка. 4) Пособие на похороны в случае смерти членов семьи.

Светлейшему князю и просвещенным капиталистам, которые сочинили эти уставы, и отечески заботливому правительству, которое их утвердило, следовало бы разрешить такую задачу: если горнорабочий при полном заработке в среднем в $2\frac{2}{3}$ талера в неделю почти умирает с голоду, то как может он существовать на пенсию, например, в $\frac{1}{20}$ этого заработка, скажем, на 4 зильбергроша в неделю?

Нежная забота уставов об интересах капитала ярко проявляется в отношении к несчастным случаям в шахтах. За исключением предприятий II и IV, никакого специального пособия не выдается, если болезнь или смерть вызваны несчастным случаем «на посту». *Ни в одном из случаев пенсия не увеличивается, если инвалидность последовала от несчастного случая в шахтах.* Причина этого очень проста. Эта статья порядком увеличила бы выдачи из кассы и очень скоро разоблачила бы природу капиталистических подарков даже перед самыми близорукими людьми.

Уставы, пожалованные саксонскими капиталистами, тем отличаются от пожалованной Луи Бонапартом конституции, что последняя все еще ждет своего увенчания, в то время как первые уже имеют его, а именно в следующей общей им всем статье: «Каждый рабочий, *оставляющий службу в объединении добровольно или будучи к этому вынужден, тем самым выходит из товарищества горняков и теряет все претензии и права как на кассу последнего, так и на внесенные им самим деньги.*»

Следовательно, человек, проработавший 30 лет в одной из угольных копей и вносивший свою долю в кассу товарищества, теряет все права на пенсию, купленные такой дорогой ценой, как только капиталисту *вздумается его уволить!* Эта статья превращает наемного рабочего в крепостного, привязывает его к месту, заставляет его переносить самое оскорбительное обращение. Если он не любит пинков, если он сопротивляется пониже-

дню заработной платы до голодной нормы, если он отказывается платить произвольные денежные штрафы, если он смеет настаивать на официальной проверке мер и весов, он получает всегда один и тот же стереотипный ответ: пошел вон, но твои взносы в кассу и твои права на нее не последуют за тобой!

Кажется парадоксом ожидать от людей, находящихся в таком унижительном положении, мужественной независимости и чувства собственного достоинства. Однако эти горнорабочие — к их чести будь сказано — находятся в рядах передовых борцов немецкого рабочего класса. Поэтому их хозяева начинают испытывать сильное беспокойство, несмотря на громадную опору, которую представляет для них теперешняя организация товариществ горняков. Новейший и самый гнусный из уставов этих товариществ (III, относящийся к 1862 г.) содержит следующую чудовищную оговорку насчет стачек и союзов:

«Каждый член товарищества горняков *должен всегда быть доволен оплатой, причитающейся ему на основании тарифа заработной платы*, никогда не должен принимать участие в коллективных действиях, имеющих целью вынудить повышение своего заработка, не говоря уже о том, чтобы путем подстрекательства побуждать своих товарищей к таковым, а напротив и т. п.».

Почему Ликурги акционерного общества *Нидервюршнитц-Кирхбергских* каменноугольных копей, гг. Б. Крюгер, Ф. В. Швамкруг и Ф. В. Рихтер, не соизволили также постановить, что отныне каждый *покупатель угля «должен всегда быть доволен» ценой на уголь*, установленной по их высочайшему соизволению? Но это было бы уже слишком даже для «ограниченных верноподданнических понятий» г. фон-Рохова.

В результате агитации среди горнорабочих недавно опубликован *предварительный проект устава* для объединения товариществ горняков всех саксонских угольных копей (Цвикау, 1869). Он составлен рабочим комитетом под председательством г. *И. Г. Динтера*. Главные его пункты следующие:

- 1) Все товарищества объединяются в один общий союз.
- 2) Члены сохраняют свои права, пока они живут в Германии и уплачивают свои взносы.
- 3) Общее собрание всех взрослых членов является высшей властью. Оно избирает исполнительный комитет и т. д.
- 4) Взносы хозяев в кассу товарищества должны достигать половины взносов, уплачиваемых рабочими.

Этот проект никоим образом не выражает взглядов наиболее сознательных саксонских горнорабочих. Скорее он исходит от той части, которая хотела бы проводить реформы с разрешения капитала. На этом проекте лежит печать нереальности. В самом деле, что за наивное представление, будто капиталисты, до сих пор неограниченные властители над товариществами горняков, уступят свою власть демократическому общему собранию рабочих и все же будут платить взносы! *Основное зло* как раз в

том и состоит, что капиталисты вообще делают взносы. Пока это будет продолжаться, нельзя отнять у них управления кассой и товариществом горняков. Чтобы быть настоящими рабочими обществами, товарищества горняков должны опираться исключительно на взносы рабочих. Только таким путем могут они превратиться в профессиональные союзы, защищающие отдельных рабочих от произвола отдельных хозяев. Могут ли незначительные и сомнительные преимущества, которые дают взносы капиталистов, когда-либо возместить то состояние крепостничества, в которое капиталисты загоняют рабочих? Пусть саксонские горнорабочие постоянно помнят: сколько капиталист вносит в кассу товарищества, столько же и даже больше экономит он на заработной плате. Союзы такого рода имеют своеобразное влияние: они приостанавливают действие закона спроса и предложения к исключительной выгоде капиталиста. Иными словами: давая капиталу необычную власть над отдельными рабочими, они снижают заработную плату даже ниже ее обычного среднего уровня.

Но должны ли рабочие — разумеется, после возмещения приобретенных прав — подарить существующие кассы капиталистам? Этот вопрос может быть решен только *судебным порядком*. Несмотря на то, что эти уставы получили *высочайшее утверждение*, некоторые их статьи резко нарушают общепринятые принципы гражданского права о договорах. При всех обстоятельствах, однако, отделение денег рабочих от денег капиталистов остается неизменным предварительным условием любой реформы товариществ горняков.

Взносы владельцев саксонских угольных копей в кассы товариществ являются невольным признанием, что капитал до известной степени ответственен за несчастные случаи во время работы на производстве, упрощающие наемному рабочему увечьем или смертью. Но вместо того, чтобы допускать, как делается сейчас, чтобы эта ответственность становилась предлогом для расширения деспотизма капитала, рабочим надлежит агитировать за то, чтобы эта ответственность была установлена законом.

Написано Ф. Энгельсом на английском языке.

Напечатано в «Social-Demokrat» № 33 от 17 марта 1869 г.

Без подписи*.

* Об авторстве Энгельса см. письмо Маркса Энгельсу от 13 февраля 1869 г. и Энгельса Марксу от 17 и 21 февраля 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXIV, стр. 161—162.) Доклад был зачитан в Генеральном совете 22 февраля 1869 г., а затем переведен Марксом на немецкий язык для «Social-Demokrat», «Zukunft» и «Demokratisches Wochenblatt». — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

К. МАРКС.

Международное товарищество рабочих.

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ СОЮЗУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Товарищи рабочие!

В учредительной программе нашего Товарищества мы заявляли: «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана». Теперь наступила ваша очередь воспрепятствовать войне, которая, несомненно, отбросила бы назад на неопределенное время растущее движение рабочего класса по обе стороны океана.

Едва ли нужно убеждать вас в том, что нынешние европейские державы страстно желают вовлечь Соединенные Штаты в войну с Англией. Достаточно беглого взгляда на данные торговой статистики, чтобы убедиться, что русский экспорт сырья, — а в России для экспорта ничего другого нет, — быстро отступал перед американской конкуренцией, пока гражданская война внезапно не изменила положения. Перековывать теперь американские плуги в мечи означало бы спасать от грозящего банкротства эту деспотическую державу, которую ваши премудрые республиканские государственные мужи избрали своим ближайшим советником. Но совершенно независимо от особых интересов того или иного правительства, разве все наши общие угнетатели не заинтересованы в том, чтобы превратить наше крепнущее международное сотрудничество в междоусобную войну?

В приветственном обращении к мистеру Линкольну по поводу его переизбрания президентом мы выразили свое убеждение в том, что американская гражданская война будет иметь такое же огромное значение для развития рабочего класса, какое американская война за независимость имела для буржуазии. И в самом деле, победоносное окончание войны против рабовладения открыло новую эру в истории рабочего класса. Именно с этого времени возникает в Соединенных Штатах независимое

рабочее движение, на которое с озлоблением взирают ваши старые партии и профессиональные политики. Чтобы дать этому движению созреть, нужны годы мира. Чтобы его сокрушить, нужна война между Соединенными Штатами и Англией.

Первым осязательным результатом гражданской войны было несомненное ухудшение положения американского рабочего. В Соединенных Штатах, как и в Европе, сваливали друг на друга чудовищного вампира — национальный долг, — чтобы взвалить его на плечи рабочего класса. Цены на предметы первой необходимости, говорит один из ваших государственных деятелей, — поднялись с 1860 г. на 78%, в то время как заработная плата неквалифицированного рабочего возросла только на 50%, а квалифицированного на 60%. «Нищета, — жалуется он, — растет теперь в Америке быстрее, чем население». К тому же на фоне страданий рабочего класса еще резче выступает кричащая роскошь финансовой аристократии, аристократии выскочек и других паразитов, порожденных войной. Но при всем этом положительным результатом гражданской войны было освобождение рабов и моральный импульс, который был этим дан вашему собственному классовому движению. Новая война, не оправданная ни высокими целями, ни великой социальной необходимостью, война, в духе старого мира, ковала бы цепи для свободного рабочего вместо того, чтобы разбить их у раба. Рост обнищания, который принесет с собой эта война, сразу даст вашим капиталистам и повод и средства, чтобы бездушным мечом постоянной армии преградить рабочему классу путь его смелых и справедливых стремлений.

Вот почему на вас возлагается славная обязанность доказать миру, что теперь, наконец, рабочий класс выступает на арену истории уже не в качестве покорных наемников, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где так называемые хозяева кричат о войне.

От имени Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Британской национальности: *Р. Эппельгарт*, плотник; *М. Дж. Бун*, механик; *Дж. Бекли*, маляр; *Дж. Хэйлз*, ткач эластичных тканей; *Гарриэт Лоу*; *Б. Лекрафт*, столяр; *Дж. Милнер*, портной; *Дж. Оджер*, сапожник; *Дж. Росс*, сапожник; *Р. Шоу*, маляр; *Кауел Степни*; *Дж. Уоррен*, чемоданщик; *Дж. Уэстон* — мастер по производству поручней.

Французской национальности: *Э. Дюпон*, мастер музыкальных инструментов; *Жюль Жоаннар*, литограф; *Поль Лафарг*.

Немецкой национальности: *Г. Эккариус*, портной; *Ф. Лесснер*, портной; *В. Лимбург*, сапожник; *Карл Маркс*.

Швейцарской национальности: *Г. Юнг*, часовщик; *А. Мюллер*, часовщик.

Бельгийской национальности: *П. Бернар*, маляр.

Датской национальности: *Дж. Кон*, — сигарное производство.

Польской национальности: *Жабицкий*, наборщик.

Б. Лекрафт, председатель.

Кауел Степни, казначей.

Георг Эккариус, генеральный секретарь.

Лондон, 12 мая 1869 г.

Написано *К. Марксом* на английском языке *

Печатается по листовке.

«Address to the National
labour union of the
United States»

---

* Об авторстве Маркса см. письмо Маркса Людвигу Кугельману от 11 мая 1869 г. (Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, стр. 12—13.)—
Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIII, ч. I, стр. 309—311.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО К. МАРКСУ.

30 июля 1869 г.

Дорогой Мавр!

Старый Беккер, видно, совсем спятил с ума. Как может он декретировать, что Trades Union* *должны* быть истинным рабочим объединением и основой всякой организации, что другие союзы *должны* лишь временно существовать наряду с ними и т. д. Все это в стране, где настоящих профессиональных союзов вовсе еще не существует. И какая запутанная «организация»! С одной стороны, каждая профессия централизуется в национальной верхушке, а с другой стороны различные профессии каждой местности опять-таки централизуются в местной верхушке. Такая форма организации является лучшим средством увековечить непрерывную склоку. Au fond** это не что иное, как желание старого немецкого ремесленника спасти в каждом городе свой «трактир» в качестве основы единства рабочей организации. Если появится еще много таких предложений, то время на Эйзенахском конгрессе будет потрачено на пустые препирательства.

Эти международные планы имеют, разумеется, единственную целью обеспечить руководство за Беккером всюду, где звучит немецкий язык (Мюльгаузен в Эльзасе он уже аннектировал, см. «Vorboten», стр. 109 под заголовком «Базель»). На деле вся эта великолепная организация, с центром в Женеве, потерпит крушение из-за германских законов, так как Б[еккер], по обыкновению, рассчитывает без хозяина. Его попытка обобщить дело с языковыми центральными комитетами, т. е. подчинить женеvских рабочих Парижу, антверпенских — Амстердаму (если только Женева не намерена управлять и всей Францией, и валлонской Бельгией, о чем, весьма вероятно, и возмечтали в свободной Женеве), имеет лишь целью, конечно, подкрепить его притязания на руководство группами немецкого языка. Но очень хорошо, что такие вещи должен решать *Эйзенахский* конгресс, а не международный *Базельский*.

Впрочем, я вовсе не хочу утверждать, что как следует понял

* Профессиональные союзы. — *Ред.*

** В сущности. — *Ред.*

план Беккера. Его немецкий язык и его логика таковы, что ум заходит за разум.

Что за этим скрывается жирный Бакунин, — вполне ясно. Если этот проклятый русский и в самом деле думает пробраться при помощи интриг к руководству рабочим движением, то пора как следует проучить его и поставить вопрос, может ли вообще панславист быть членом Международного товарищества рабочих. Молодца этого ущемить очень легко. Он не должен воображать, что можно перед рабочими разыгрывать космополитического коммуниста, а перед русскими — горячего националиста-панслависта. Несколько намеков Боркгейму, который с ним теперь возится, были бы весьма своевременны; Б[оркгейм] хорошо поймет намек, сделанный дубиной.

Ты, конечно, заметил, что почтенные швейцарцы хотят обсуждать на конгрессе и «прямое народное законодательство». Будет очень весело.

Все же это позор, что после почти сорока лет политического рабочего движения в Англии единственная существующая рабочая газета может быть куплена таким буржуа, как С. Морлей. Закон пролетарского движения видно, к сожалению, таков, что повсюду часть вождей рабочих неизбежно развращается, хотя это явление все же нигде не имеет такого всеобщего распространения, как в Германии благодаря Лассалю.

Тусси читает теперь Фирдоуси в очень хорошей обработке Шака. Пока он ей очень нравится, но сумеет ли она одолеть весь этот громадный том, это другой вопрос.

В конце будущей недели я надеюсь, наконец, покончить с милым Готфридом и буду почти две недели свободен. Поэтому, если хочешь составить план поездки, — составь и сообщи мне, мы сможем тогда встретиться где-нибудь в Германии или же в Голландии, если хочешь, или даже вместе выехать из Лондона. В конце августа я должен встретиться со своею матерью в Остенде, так около 20-го или 25 числа. Тусси, конечно, сможет это время оставаться здесь в обществе Лицци? Как ты думаешь?

Твой Ф. Э.

Деньги ты получишь, лишь только я приведу свои дела с Готфридом Эрменом в порядок, по возможности и раньше, id est if he forks on't before *. Пошлите прилагаемое при сем Тусси, написав адрес чужим почерком, она будет удивляться, откуда это.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. XXIV, стр. 223—225.

* Т. е. если он раскошелится прежде. — Ред.

К. МАРКС.

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ.

18 августа 1869 г.

Дорогой Фред!

Несколько разочарован your letter *, так как все надеялись видеть тебя сегодня вечером здесь. План с Ирландией очень хорош. Лицци и Тусси смогут любоваться на «convicted» in nature **, если ничего нового не произойдет за это время.

Сегодня вечером приезжает семейство Лафарг, сегодня в 10 ч. они выезжают из Дьепша.

Десять фунтов получил, но не могу выслать квитанции до субботы, когда будет заседание подкомиссии. Деньги прибыли очень кстати перед закрытием почты.

Вчера Дюпон сообщил, что французские (а именно парижские) профессиональные союзы (bronzeworkers ***) вернули 45 фунтов стерлингов, т. е. прислали ему для возвращения. Эти деньги уже давно были им через наше посредство частью даны в долг, частью подарены здешними союзами. (Еще раньше 20 фунтов были пересланы по нашему указанию из Парижа в Руан.) Я добился, чтобы к здешним союзам были посланы députés ****, которые при уплате денег постарались бы на них воздействовать. Вообще парижские союзы вели себя очень прилично. Пришло также вчера письмо от Людвига Неймайера, помеченное Эйзенахом, следующего содержания:

«На конгрессе в Эйзенахе было постановлено призвать рабочих Германии примкнуть к Международному товариществу рабочих, приобретая для этого членские билеты непосредственно в центре. Так как Иог[анном] — Ф. Беккером в Женеве я назначен агентом секции немецкого языка Международного товарищества рабочих для Вены-Нейштадт и окрестностей, то прошу точной инструкции, как я должен теперь поступать. С социал-республиканским братским приветом и т. д. Адрес:

* — твоим письмом. — *Ред.*

** — «осужденных» в натуре. — *Ред.*

*** — бронзовщики. — *Ред.*

**** — депутаты. — *Ред.*

Л[юдвиг] Н[еймайер], редактор «*Wiener-Neustädter Wochenblatt*» в *Вене-Нейштадт*, Австрия».

Это удар для *old** Беккера и, в частности, для «кассы языковых групп». Но из личной дружбы нельзя же испортить самое дело.

Ты помнишь лейпцигского *Вернера* (переплетчика), которому я писал из Манчестера. Он с тех пор усердно работал для нас.

Вчера пришло также известие о присоединении одной (итальянской) группы из Триеста. То же из *Барселоны*; прилагаю экземпляр *органа* этой новой группы.

В Познани, — как сообщил *Жабидцкий*, — *польские* рабочие (плотники и т. д.) победоносно закончили стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против *Monsieur le Capital*** — даже в скромной форме стачки — совсем по-иному покончит с национальными предрассудками, чем пацифистские декламации господ буржуа.

I hope to receive some lines from Tussy as to her state of health. My best compliments to Mrs. Lizzy***.

El Moro****.

Весьма прискорбна внезапная смерть *Сильвиса* (41 год), председателя американского *labour Union******, как раз *перед* собранием *Labour-Union-Congress******, для подготовки которого он почти в течение целого года исколесил вдоль и поперек Соединенные Штаты, агитируя повсюду. Часть его работы будет таким образом потеряна.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIV, стр. 232—234.

* — старого. — *Ред.*

** — господина капитала. — *Ред.*

*** — Надеюсь получить несколько строк от Тусси о состоянии ее здоровья. Сердечный привет мистрисе Лицци. — *Ред.*

**** — *Мавр.* — *Ред.*

***** Рабочего союза. — *Ред.*

***** Конгрессом Рабочего союза. — *Ред.*

К. МАРКС.

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЧЕТВЕРТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.

Граждане!

Делегаты различных секций представляют вам подробные отчеты об успехах нашего Товарищества в соответствующих странах. Отчет вашего Генерального совета коснется главным образом партизанских боев между капиталом и трудом — мы имеем в виду стачки, которые в течение последнего года волновали европейский континент и о которых говорили, будто они вызваны не нищетой рабочих и не деспотизмом капиталистов, а тайными интригами нашего Товарищества.

Через несколько недель после окончания нашего последнего конгресса произошла памятная стачка ленточников и красильщиков шелка в Базеле. Базель до наших дней сохранил много особенностей средневекового города с его местными традициями, узкими предрассудками, чванными богачами-патрициями и патриархальной властью хозяина над рабочим. Еще несколько лет тому назад один базельский фабрикант хвастался секретарю английского посольства, что «отношения между хозяевами и рабочими здесь лучше, чем в Англии», что «в Швейцарии рабочего, который покинул бы хорошего хозяина ради лучшей заработной платы, презирали бы его же товарищи рабочие» и что «наше преимущество заключается главным образом в продолжительности рабочего дня и низкой заработной плате». Как видите, *патриархальность*, видоизмененная под влиянием современности, сводится к тому, что хозяин хорош, а заработная плата плоха, что рабочий чувствует себя, как средневековый вассал, а эксплуатируется, как современный наемный раб.

Об этой патриархальности можно судить и на основании произведенного швейцарскими властями обследования детского труда на фабриках и состояния начальных народных школ. Было установлено, что «в базельских школах воздух худший в мире, что тогда как на открытом воздухе на 10 000 частей

приходится только 4 части углекислого газа, а в закрытых помещениях не должно быть больше 10 частей, в базельских общественных школах количество его возросло до 20—81 части до полудня и до 53—94 после полудня». По этому поводу член базельского Большого совета г. Турнейзен хладнокровно заявил: «Не беспокойтесь! Родители прошли через такие же плохие школьные помещения, как и нынешние, и, однако, вышли из них живыми».

Теперь станет понятным, почему экономическая борьба базельских рабочих не могла не ознаменовать новой эпохи в социальной истории Швейцарии. Нет ничего более характерного, чем исходный пункт этого движения. В силу старинного обычая ленточники в Михайлов день освобождаются от работы на несколько часов раньше, чем обычно. На фабрике «Дюбарри и сыновья» один из хозяев грубо, с повелительным жестом, заявил ткачам, потребовавшим в обычное время этой ничтожной льготы: «Тот, кто уйдет с фабрики, будет уволен раз и навсегда». После тщетных протестов 104 ткача из 172-х покинули мастерскую, не веря впрочем в свое окончательное увольнение, так как хозяин и рабочие были связаны письменным договором, обязывавшим предупреждать об уходе или увольнении за 14 дней. Вернувшись на следующее утро, они увидели, что фабрика окружена жандармами, не допускавшими в нее вчерашних мятежников, к которым присоединились теперь все их товарищи. Столь неожиданно уволенные с работы ткачи со своими семьями были одновременно выселены из хижин, которые они арендовали у своих предпринимателей; последние к тому же разослали циркулярные письма окрестным лавочникам, чтобы лишить выброшенных на улицу людей кредита на съестные припасы. Начатая таким образом борьба продолжалась с 9 ноября 1868 г. до весны 1869 г. Рамки нашего отчета не позволяют нам входить в подробности. Достаточно отметить, что борьба началась произвольным и злостным актом капиталистического деспотизма, свирепым локаутом, который привел к стачкам. Эти стачки время от времени прерывались компромиссами, которые снова и снова нарушались хозяевами; высшего напряжения борьба достигла тогда, когда базельский «высокий и достопочтенный Государственный совет» тщетно пытался запугать рабочих военными мерами и чем-то вроде осадного положения.

Во время этой борьбы рабочим оказало поддержку Международное товарищество рабочих. Но это не все. Товарищество, — говорили хозяева, — впервые занесло в добрый старый город Базель современнейший бунтарский дух. Их величайшей заботой поэтому стало — снова изгнать из Базеля этого злостного прищельца. Они приложили большие, но тщетные старания к тому, чтобы в качестве одного из условий мира заставить

своих подчиненных отказаться от участия в Товариществе. Терпя в своей войне против Интернационала поражение за поражением, они пытались излить свою злобу в нелепых выходках. Имея несколько филиальных отделений своих предприятий в Лоррахе, в Бадене, эти республиканцы побудили великогерцогского посланника добиться там закрытия секций Интернационала; впрочем, это мероприятие вскоре было отменено баденским правительством. Когда аугсбургская «*Allgemeine Zeitung*», — газета, имеющая мировое распространение, — осмелилась поместить беспристрастные сообщения о базельских событиях, эти рассерженные герои в дурацких письмах угрожали прекратить на нее подписку. Они специально отправили в Лондон агента с фантастическим поручением установить размеры главного «денежного сундука» Интернационала. Если бы эти правоверные христиане жили во времена зарождения христианства, они прежде всего заглянули бы в текущий счет св. Павла в Риме.

Эта дикарская неуклюжесть привела к тому, что они получили несколько иронических уроков житейской мудрости от женевской капиталистической прессы. Однако спустя несколько месяцев неотесанные базельские провинциалы смогли бы с ростовщическими процентами вернуть женевским знатым господам их комплименты.

В марте в Женеве вспыхнула стачка строительных рабочих и стачка наборщиков; обе корпорации в свое время примкнули к Интернационалу. Стачка строительных рабочих была вызвана тем, что хозяева нарушили договор, который был голом раньше торжественно заключен с рабочими. Стачка наборщиков была только завершением тянувшегося уже десять лет конфликта, который рабочие все время тщетно пытались уладить в пяти комиссиях, следовавших одна за другой. Как и в Базеле, хозяева сразу превратили местную стычку со своими рабочими в крестовый поход против Международного товарищества рабочих.

Женевский Государственный совет отправил на вокзалы полицейских, чтобы встретить и изолировать от всякого контакта со стачечниками тех иностранных рабочих, которых хозяева ухитрились заманить из-за границы. Он разрешил «золотой молодежи», многообещающим бездельникам из «Молодой Швейцарии», с револьверами в руках нападать на улицах и в общественных местах на рабочих и работниц. Он по разным поводам натравливал на рабочих наемных убийц своей полиции, в частности в памятный день 24 мая, когда он разыграл в Женеве, в малом масштабе, сцены, подобные тем парижским сценам, которые Распайль заклеил как «адские оргии кастетов». Когда женевские рабочие на открытом собрании приняли обращение к Государственному совету, в котором они призы-

вали его произвести расследование по поводу этих адских полицейских оргий, Государственный совет ответил издевательской отповедью. Он, очевидно, хотел, по наущению своих хозяев-капиталистов, довести женевское население до *восстания*, подавить это *восстание* вооруженной силой, очистить от Интернационала швейцарскую почву и подчинить рабочих декабрьскому режиму. Этот план был расстроен благодаря энергичным действиям и сдерживающему влиянию нашего женевского Федерального комитета. Хозяева в конце концов были вынуждены уступить.

А теперь выслушайте некоторые обвинения, брошенные по адресу Интернационала женевскими капиталистами и их приспешниками. На открытом собрании они приняли обращение к Государственному совету, в котором встречается следующая фраза: «Комитет Интернационала в Женеве разоряет Женевский кантон, повинуюсь *приказам, получаемым из Лондона и Парижа*; он хочет уничтожить здесь всякую промышленность и всякий труд». Одна из их газет утверждала, что «вожаки Интернационала являются тайными агентами императора, которые в надлежащий момент, по всей вероятности, выступят в качестве общественных обвинителей против нашей маленькой Швейцарии».

И это говорят те самые люди, которые только что проявили столь страстное желание при первом требовании пересадить на швейцарскую почву декабрьский режим; говорят те самые финансовые магнаты, действительные правители Женевы и других швейцарских городов, о которых вся Европа знает, что они уже давно из граждан Швейцарской республики превратились в простых вассалов французского «Crédit Mobilier» и других международных мошеннических организаций.

Избиения, которыми бельгийское правительство в апреле текущего года ответило на стачки сталелитейщиков в Серене и углекопов в Боринаже, были подробно освещены в обращении Генерального совета к рабочим Европы и Соединенных Штатов. Мы считали это обращение тем более необходимым, что при бельгийском образцовом конституционном правительстве подобные избиения рабочих являются не случайностью, а правилом. За ужасающей военной драмой последовал судебный фарс. Начался процесс против нашего бельгийского Генерального комитета в Брюсселе; его помещение было разгромлено полицией, многие из его членов подвергнуты одиночному заключению; во время процесса судебный следователь нашел письмо одного рабочего с просьбой прислать 500 «*Интернационалов*»; он сразу пришел к заключению, что на поле действия предпологалась отправка боевой дружины в 500 человек. Эти 500 «*Интернационалов*» были лишь 500 экземпляров «*Internationale*», еженедельного органа нашего брюссельского комитета.

Нашлась адресованная в Париж одним членом Интернационала телеграмма, в которой тот заказывал некоторое количество пороха *. После продолжительных розысков опасное вещество действительно было обнаружено в Брюсселе. Оно оказалось порошком для истребления насекомых. И, наконец, не менее важный факт: бельгийская полиция льстила себя надеждой, что во время одного из обысков она напала на тот неуловимый клад, который не давал покоя пытливым мысли капиталистов континента, а именно — на сокровища Интернационала, большая часть которых якобы хранится в надежном месте в Лондоне и за счет которых систематически финансируются все отделы Товарищества на континенте. Бельгийский следователь думал, что это сокровище заперто в некоем несгораемом ящике, запрятанном в укромном месте. Он пробирается к нему, взламывает замок и находит — несколько кусков угля. Вероятно, от прикосновения руки полицейского чистое золото Интернационала мгновенно превратилось в уголь.

Из стачек, разразившихся в декабре 1868 г. в некоторых хлопчатобумажных районах Франции, самой значительной была стачка в Соттевиль-ле-Руан. Фабриканты департамента Соммы незадолго до того собрались в Амьене, чтобы решить, каким образом они могли бы продавать свои товары на английском рынке дешевле, чем сами английские фабриканты. Убедившись в том, что кроме покровительственных пошлин, именно сравнительно низкий уровень заработной платы во Франции давал им до сих пор возможность ограждать Францию от английских хлопчатобумажных изделий, они естественно заключили, что еще большее снижение заработной платы во Франции позволит им наводнить Англию французскими хлопчатобумажными изделиями. Они нисколько не сомневались в том, что французские рабочие-хлопчатобумажники с гордостью примут на себя все издержки завоевателей войны, которую их хозяева столь патриотично решили вести по ту сторону канала. Вскоре после этого распространился слух, что хлопчатобумажные фабриканты Руана и его окрестностей на тайном совещании условились проводить такую же политику. Вслед за этим в Соттевиль-ле-Руан было внезапно объявлено о значительном снижении заработной платы, и тогда нормандские ткачи впервые восстали против натиска капитала. Они действовали под влиянием момента. У них до этого не было профессиональных союзов, и они не обеспечили себе никаких средств сопротивления. Нужда заставила их обратиться к Руанскому комитету Интернационала, который немедленно доставил им кое-какую поддержку от рабочих Руана, соседних округов и Парижа. Приблизительно в конце декабря 1868 г. Руанский комитет обратился к

* — powder (что означает также порошок). — *Ред.*

Генеральному совету — в момент наибольшей нужды в английских хлопчатобумажных округах, в момент беспримерной нищеты в Лондоне и общего застоя во всех отраслях британской промышленности. Такое положение вещей продолжается в Англии до сих пор. Несмотря на эти в высшей степени неблагоприятные обстоятельства, Генеральный совет считал, что особый характер руанского конфликта побудит английских рабочих к действию. Представлялся наиболее подходящий случай показать капиталистам, что та международная промышленная война, которую они ведут путем сокращения заработной платы то в одной, то в другой стране, встретит, наконец, препятствие в международном объединении рабочего класса. На наш призыв английские рабочие сразу ответили первым взносом в пользу Руана, а Лондонский совет тред-юнионов постановил созвать в столице совместно с Генеральным советом грандиозный митинг сочувствия нормандским братьям. Эти мероприятия были приостановлены известием о том, что стачка в Соттевиле внезапно прекратилась. Неудача этой экономической борьбы была широко компенсирована ее моральным эффектом. Она завербовала в ряды революционной армии труда нормандских хлопчатобумажных рабочих; она вызвала к жизни профессиональные союзы в Руане, Эльбефе, Дарнетале и их окрестностях и вновь закрепила братский союз между английским и французским рабочим классом.

В течение зимы и весны 1869 г. пропаганда нашего Товарищества во Франции была парализована вследствие насильственного роспуска нашей парижской секции в 1868 г., полицейских придиорок в департаментах и всеобщих парламентских выборов во Франции, поглотивших все интересы.

По окончании выборов вспыхнули многочисленные стачки в горнопромышленных районах Луары, в Лионе и во многих других местностях. Экономические факты, обнаружившиеся во время этой борьбы между хозяевами и рабочими, поразили взор публики, опровергая те яркие заманчивые картинки, на которых изображалось процветание рабочего класса под эгидой Второй империи. Требования, предъявленные рабочими, были столь умеренны по своему характеру и столь неотложны по существу, что капиталисты вынуждены были, демонстративно оказав ожесточенное сопротивление, выполнить их целиком. Единственная странная черта этих стачек заключалась в их внезапном взрыве после кажущегося затишья и в том, с какой быстротой они следовали одна за другой. Причина этого, однако, была проста и очевидна. Успешно испробовав свои силы в борьбе против всенародного деспота во время выборов, рабочие, естественно, решили после выборов испробовать их против своих частных деспотов. Одним словом, выборы пробудили их духовные силы. Правительственная пресса, получающая, как

известно, плату за лживые сообщения и лживое истолкование неприятных фактов, приписала, конечно, эти события тайному приказу лондонского Генерального совета, который, как она говорила, посылает своих эмиссаров с места на место, чтобы внушить вполне довольным своей участью французским рабочим, что работать сверх сил, получать недостаточную плату и терпеть грубое обращение — плохо. Издаваемый в Лондоне французский полицейский листок «l'International» (см. номер от 3 августа) соблаговолил открыть миру тайные побуждения нашей вредной деятельности. «Самое странное, — говорится там, — это — то, что стачки было предписано начинать в таких местах, где нужда вовсе не дает себя чувствовать. Эти неожиданные вспышки, возникшие как нельзя кстати для некоторых из наших соседей, которые в первую очередь должны были бы опасаться войны, заставляют многих призадуматься: не произошли ли эти стачки по просьбе какого-нибудь иностранного Маккиавелли, сумевшего добиться расположения этого всемогущего Товарищества?» И в тот самый момент, когда этот французский листок обвинял нас в том, что мы посредством стачек создаем для французского правительства внутренние затруднения, чтобы избавить графа Бисмарка от внешней войны, одна из прусских газет обвиняла нас в том, что посредством стачек мы создаем затруднения для Северогерманского союза, чтобы сокрушить немецкую промышленность в интересах иностранных фабрикантов.

Какова связь между Интернационалом и стачками во Франции, мы покажем на двух типичных примерах. Что касается первого случая, стачки в Сент-Этьене и последовавшей затем бойни в Рикамари, то даже само французское правительство уже не осмеливается утверждать, что Интернационал имел какое бы то ни было отношение к делу. Во втором случае, в Лионе, не Интернационал толкнул рабочих на стачки, а, наоборот, стачки толкнули рабочих в ряды Интернационала.

Горнорабочие Сент-Этьена, Рив-де-Жье и Фюмери спокойно, но твердо требовали от директоров горнопромышленных компаний сокращения рабочего дня, который достигал 12 часов тяжелой работы под землей, и пересмотра тарифа заработной платы. Потерпев неудачу в своей попытке мирного соглашения, они 11 июня забастовали. Для них, конечно, было жизненным вопросом обеспечить себе поддержку тех рудокопов, которые еще не начали бастовать. Чтобы воспрепятствовать этому, директора горнопромышленных компаний потребовали и получили от префекта департамента Луары целый лес штыков. 12 июня стачечники обнаружили, что шахты находятся под усиленной военной охраной. Горнопромышленные компании выплачивали каждому солдату по 1 франку в день, чтобы обеспечить усердие солдат, предоставленных им правительством. Солдаты от-

благодарили компании, задержав 16 июня около 60 рудокопов, которые пытались вступить в переговоры со своими собратьями, находившимися в шахтах. В тот же день после полудня арестованные были отправлены в Сент-Этьен под охраной отряда (150 человек) 4-го линейного полка. Перед тем, как эти храбрые воины отправились в путь, один из инженеров Дорианских копей роздал им 60 бутылок водки, заявив при этом, что в пути они должны зорко следить за арестованными, так как это горнорабочие — дикари, варвары и каторжники. Таким образом, и водкой и наставлениями было подготовлено кровавое столкновение. За отрядом следовала толпа горнорабочих с женами и детьми, которая окружила его в узком ущельи, на высотах Монселя, в округе Рикамари, и потребовала выдачи арестованных. Солдаты ответили отказом, и на них посыпались камни; тогда, без всякого предупреждения, они стали беспорядочно стрелять в толпу из своих ружей, убили 15 человек, в том числе двух женщин и ребенка, и многих тяжело ранили. Страдания раненых были ужасны. В числе жертв была бедная девочка 12 лет, Женни Пти; ее имя будет жить вечно в истории мучеников за рабочий класс. Она была ранена сзади двумя пулями: одна из них застряла в ноге, другая пробила спину, раздробила руку и вышла через правое плечо. «Ружье (*chassepot*) еще раз поработало на славу».

Впрочем, на этот раз правительство быстро сообразило, что оно совершило не только преступление, но и грубый промах. Буржуазия не приветствовала его как спасителя общества. Весь муниципальный совет г. Сент-Этьена подал в отставку, отметив в своем заявлении подлое поведение солдат и настаивая на их удалении из города. Вся французская пресса разразилась криками ужаса. Даже такие консервативные газеты, как «*Moniteur Universel*», открыли подписку в пользу потерпевших. Правительству пришлось отозвать ненавистный полк из Сент-Этьена.

При таких затруднительных обстоятельствах явилась блестящая идея — возложить на алтарь общественного негодования козла отпущения, всегда находящегося под рукой, а именно: Международное товарищество рабочих. Во время судебного разбирательства так называемые бунтовщики были подразделены обвинительным актом на 10 категорий, причем весьма искусно оттенялись различные степени виновности. Первая категория, окрашенная в самую густую краску, состояла из рабочих, особо подозреваемых в том, что они повиновались некоему тайному «*приказу*» из-за границы, изданному Интернационалом. Улики были, конечно, подавляющие, о чем свидетельствует следующая краткая выдержка из одной французской газеты: «Допрос очевидцев не дал возможности *точно* установить участие Международного товарищества. Очевидцы подтверждают *лишь* при-

существование во главе банд каких-то *неизвестных* людей в белых блузах и кепках. *Ни один из неизвестных не был задержан и не находился на скамье подсудимых.* На вопрос — верите ли вы во вмешательство Международного товарищества? — один из свидетелей ответил: *я верю в это, но у меня нет никаких доказательств.*

Вскоре после бойни в Рикамари серию экономических боев начали лионские сучильщики шелка, в большинстве своем женщины. Нужда заставила их обратиться к Интернационалу, который — главным образом через своих членов во Франции и в Швейцарии — помог им одержать победу. Несмотря на все попытки запугать их полицейскими мерами, они открыто заявили о своем присоединении к нашему Товариществу и официально вступили в него, уплатив Генеральному совету установленные взносы. В Лионе, как и до того в Руане, женщины-работницы сыграли благородную и выдающуюся роль в этом движении. Другие отрасли промышленности в Лионе последовали примеру сучильщиков шелка. Таким образом, в течение нескольких недель мы приобрели около 10 000 новых членов среди этого героического населения, более тридцати лет тому назад написавшего на своем знамени лозунг современного пролетариата: «Жить работая или умереть сражаясь».

Между тем французское правительство продолжает свою мелочную травлю Интернационала. В Марселе оно запретило нашим членам собраться для выборов делегата на Базельский конгресс. Такая же подлая выходка повторилась и в других городах. Но рабочие на континенте, как и повсюду, начинают, наконец, понимать, что вернейший путь к тому, чтобы завоевать свои естественные права, это — использовать их явочным порядком.

Австрийские рабочие, особенно рабочие Вены, хотя и начали свое классовое движение лишь после событий 1866 г., сразу заняли выгодные позиции. Они сразу же выступили под знаменами социализма и Интернационала, к которому они теперь коллективно присоединились через своих делегатов на недавно состоявшемся Эйзенахском съезде.

В Австрии, более, чем где бы то ни было, либеральная буржуазия проявила свои эгоистические инстинкты, свое умственное убожество и свою мелкую озлобленность против рабочего класса. Ее министерство, видя, что междоусобная борьба рас и национальностей раздирает империю и подвергает ее опасности, набрасывается на рабочих, которые одни только провозглашают братство всех рас и национальностей. Сама буржуазия, которая завоевала свое новое положение не вследствие собственного героизма, а лишь вследствие знаменитого поражения австрийской армии, едва ли в состоянии, — да и она сама это знает, — защитить свои новые приобретения от покушений

династии, аристократии и клерикальной партии; и, тем не менее, она растрачивает свои лучшие силы в позорных попытках лишить рабочий класс права коалиции, свободы собраний, свободы печати и свободы совести. В Австрии, как и во всех других государствах континентальной Европы, Интернационал заменил собой вчерашний «красный призрак». Когда 13 июля в Брюнне, центре хлопчатобумажной промышленности в Моравии, было, в меньшем масштабе, организовано избиение рабочих, событие было приписано тайному подстрекательству Интернационала, агенты которого, как оказалось, были, к сожалению, наделены редкой способностью делаться невидимыми. Когда некоторые вожди венских рабочих предстали перед судом, прокурор клеймил их как орудие иностранцев. Чтобы показать, как он добросовестно изучил дело, он допустил лишь маленькую ошибку и перепутал буржуазную «Лигу мира и свободы» с Международным товариществом рабочих.

Если в самой Австрии рабочее движение, таким образом, подвергалось преследованиям, то в Венгрии его подвергли открытой и наглой травле. На этот счет Генеральный совет получил из Пешта и Пресбурга самые достоверные сообщения. Одного примера будет достаточно, чтобы показать обращение властей с венгерскими рабочими. Венгерский министр внутренних дел фон-Венкхейм как раз находился в Вене по государственным делам. Пресбургские рабочие, которым в течение месяца не разрешались открытые собрания и даже устройство вечеров для сбора средств в пользу общества помощи больным, послали, наконец, делегатов в Вену, чтобы передать там жалобу знаменитому фон-Венкхейму. Пыхтя и дымя своей сигарой, знаменитый муж встретил их грозным окриком: «Вы — рабочие? А вы усердно работаете? Остальное вас не касается. Никаких обществ вам не надо; и если вы лезете в политику, мы сумеем принять против Вас надлежащие меры. Я ничего для вас не сделаю. Рабочие могут роптать, сколько им угодно». На вопрос рабочих, будет ли полицейский произвол попрежнему царить бесконтрольно, либеральный министр ответил: «Да, и я беру на себя за это ответственность». После несколько затянувшихся, но бесплодных объяснений рабочие ушли от министра, заявив ему: «Поскольку государственные дела влияют на положение рабочих, рабочие должны и, конечно, будут заниматься политикой».

В Пруссии и в остальной Германии прошлый год был ознаменован организацией профессиональных союзов по всей стране. На состоявшемся недавно Эйзенахском съезде делегаты от 150 000 немецких рабочих в самой Германии, Австрии и Швейцарии организовали новую социал-демократическую партию, в программу которой дословно вошли основные принципы нашего устава. Лишенные законом права создавать секции на-

шего Товарищества, они, тем не менее, официально вступили в него, постановив приобрести индивидуальные членские карточки в Генеральном совете. На своем съезде в Бармене Всеобщий германский рабочий союз также подтвердил свое согласие с принципами нашего Товарищества, одновременно заявив, что прусский закон воспрещает ему присоединиться к нам.

Новые секции нашего Товарищества возникли в Неаполе, Испании и Голландии.

В Барселоне издается теперь испанский, в Амстердаме — голландский орган нашего Товарищества.

Лавры, собранные бельгийским правительством на славных полях сражения в Серене и Фрамери, вызвали, повидимому, злобную зависть великих держав. Неудивительно поэтому, что в текущем году и Англия может похвастаться своим собственным избиением рабочих. Уэльские рудокопы, в лисвудской Большой шахте, близ Моулда в Денбишире, неожиданно получили известие о снижении заработной платы от директора шахты, которого они уже давно имели основание считать самым неисправимым и придирчивым деспотом. Поэтому несчастные, получив поддержку от соседних углекопов, напали на него, заняли его дом и отправили всю его мебель на железнодорожную станцию, вообразив в своей детской наивности, что таким способом они освободятся от него навеки. Началось, конечно, судебное следствие против бунтовщиков, но один из них был освобожден тысячной толпой и выведен из города. 28 мая двое из зачинщиков должны были быть доставлены в здание суда в Моулде полицейскими под охраной отряда 4-го «собственного его величества» линейного полка. Толпа рудокопов пыталась освободить арестованных и, встретив сопротивление полиции и солдат, засыпала их камнями; тогда солдаты без всякого предупреждения ответили на град камней градом пуль из своих ружей нового образца (ружья Снайдера). Пять человек, из них две женщины, были убиты и очень многие ранены. До этого момента между бойней в Моулде и бойней в Рикамари много сходства, но дальше это сходство исчезает. Во Франции солдаты отвечали только перед своими командирами. В Англии они должны были подвергнуться допросу следователя перед судом присяжных; но этот следователь был глухой и выживший из ума старый болван, которому пришлось выслушивать показания свидетелей через слуховую трубку, а уэльский суд присяжных, на который он опирался, представлял собой преисполненный предрассудков классовый суд. Этот суд признал бойню «убийством, заслуживающим оправдания».

Во Франции бунтовщики были приговорены к тюремному заключению от 3 до 18 месяцев и вскоре после суда амнистированы. В Англии они были присуждены к 10 годам каторжных работ! Во Франции вся печать оглашалась криками возму-

щения по адресу солдат. В Англии печать была полна одобрения по адресу солдат и негодования по адресу их жертв! Тем не менее, английские рабочие много выиграли, освободившись от большой и опасной иллюзии. До сих пор они воображали, что их жизнь охраняется формальностями закона о беспорядках и подчинением военной силы гражданским властям. Теперь из официального заявления либерального министра внутренних дел мистера Брюса в палате общин они знают, во-первых, что любой сельский чиновник, какой-нибудь любитель охоты на лисиц или поп имеет право без предостерегающего оглашения закона о беспорядках приказать войскам стрелять в тех, кого ему вздумается назвать толпой бунтовщиков; и, во-вторых, что солдат может стрелять по собственному почину под предлогом самозащиты. Либеральный министр забыл прибавить, что для таких случаев каждый человек должен быть вооружен за счет государства ружьем новейшего образца для самозащиты от солдат.

На недавнем всеобщем съезде английских тред-юнионов в Бирмингеме была принята следующая резолюция: «Так как местные рабочие организации почти всюду исчезли и заменены организациями национального масштаба, а распространение принципа свободной торговли вызывает такое соперничество между нациями, что интересы рабочих постепенно исчезают из поля зрения и приносятся в жертву бешеной международной конкуренции между капиталистами, — мы полагаем, что рабочие организации должны расширяться все больше и становиться интернациональными. И так как Международное товарищество рабочих стремится сплотить и расширить интересы трудящихся масс, которые повсюду одинаковы, съезд, будучи убежден, что осуществление его принципов приведет также к прочному миру между всеми народами, горячо рекомендует рабочим Соединенного королевства, и особенно всем организованным корпорациям, поддерживать это Товарищество, а также присоединиться к нему».

В мае текущего года война между Соединенными Штатами и Англией казалась неминуемой. Поэтому Генеральный совет послал председателю американского Национального рабочего союза Силвису обращение, призывающее рабочий класс Соединенных Штатов требовать сохранения мира, в то время как его так называемые хозяева кричат о войне. Ввиду внезапной смерти доблестного борца за наше общее дело Силвиса нам кажется уместным, в знак уважения к его памяти, привести в заключение настоящего отчета ответ, который мы получили от него на наше письмо: «Получил вчера ваше любезное письмо от 12-го текущего месяца и приложенное к нему воззвание. Для меня было большим счастьем получить эти приветливые строки от наших товарищей рабочих за океаном. Наше дело — общее

дело. Идет война бедных против богатых. Во всех частях света труд одинаково угнетен, а капитал одинаково является тираном. Вот почему я говорю, что наше дело общее. От имени рабочих Соединенных Штатов протягиваю товарищескую руку вам и — в вашем лице — тем, кого вы представляете, а также и всем униженным и эксплуатируемым труженикам и труженицам Европы. Двигайте вперед благое дело, которое вы предприняли, до тех пор, пока полный успех не увенчает ваши усилия. Таково и наше намерение. В результате последней войны у нас образовалась гнуснейшая в мире денежная аристократия. Эта денежная власть быстро пожирает живые силы народа. Мы объявили ей войну и намерены победить. Если сможем, добьемся победы через избирательную урну; если нет, обратимся к более сильным средствам. В крайних случаях бывает необходимо не-большое кровопролитие».

По распоряжению Совета:

Р. Эппльгарт, председатель.

Кауел Степни, казначей.

Георг Эккартс, генеральный секретарь.

Написано К. Марксом на английском языке*. Напечатано в „Report of the Fourth annual congress of the International Working men's association, held at Basle, in Switzerland“, вышедшей отдельной брошюрой в сентябре 1869 г.

* Авторство Маркса подтверждается протоколом заседания Генсовета от 29 августа 1869 г., а также письмом Лесснера Марксу от 6 и 7 сентября 1869 г. (Базельский конгресс I Интернационала, ИМЭЛ. 1934 г.). — *Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.*

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIII, ч. I, стр. 322—335.

К. МАРКС.

ЛОКАУТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ В ЖЕНЕВЕ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ—РАБОЧИМ
И РАБОТНИЦАМ ЕВРОПЫ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Товарищи рабочие!

Женевские строительные предприниматели после зрелого размышления пришли к заключению, что «неограниченная свобода труда»—наилучшее условие для счастья трудящейся бедноты. Чтобы обеспечить эту благодать своим рабочим, они 11 июня решили применить уловку английского изобретения, объявив локаут больше чем 3 000 рабочих, работавших у них до этого времени.

Так как профессиональное движение только недавно пустило корни в Швейцарии, то те же женевские строительные предприниматели в большом негодовании обозвали его английским импортом. Два года тому назад они издевались над своими рабочими за недостаток у них патриотизма, потому что те пытались пересадить на швейцарскую почву такое иноземное растение, как ограничение рабочего времени и установление твердой почасовой заработной платы. У них не было ни малейшего сомнения в том, что это дело рук злостных подстрекателей, потому что их местные рабочие, предоставленные самим себе, разумеется, только о том и мечтают, как бы побольше изводить себя работой по 12—14 часов в день и получать за это столько, сколько хозяину заблагорассудится платить. Они открыто заявляли, что обманутые рабочие действовали по указке из Лондона и Парижа вроде швейцарских дипломатов, привыкших слушаться приказов из Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа. Между тем, ни уговорами, ни насмешками, ни угрозами рабочих нельзя было убедить, что ограничение рабочего времени десятью часами в день и установление твердой заработной платы за час работы оскорбляет достоинство свободного гражданина; нельзя было их также спровоцировать на какие-нибудь необдуманные поступки, которые дали бы предпринимателям удобный предлог для законных репрессий против союзов.

Наконец, в мае 1868 г. Камперио, бывший в то время министром юстиции и полиции, добился соглашения, в силу которого рабочий день был ограничен 9 часами зимой и 11 — летом с заработной платой от 45—50 сантимов в час. Это соглашение было подписано в присутствии министра предпринимателями и рабочими. Весной 1869 г. многие предприниматели отказались платить за 11 часов летней работы больше, чем за 9 часов

зимней. Было достигнуто снова соглашение об оплате 45 сантимов в час для всех строительных рабочих. Хотя это соглашение явно имело в виду также штукатуров и маляров, тем не менее они должны были продолжать работу на прежних условиях, так как они были еще недостаточно организованы, чтобы добиться новых условий. 15 мая этого года они потребовали одинаковых условий с другими цехами, и так как им в этом было категорически отказано, они со следующей недели бросили работу. 4 июня предприниматели вынесли решение о том, что если штукатуры и маляры до 9 июня не приступят к работе, то 11 июня все строительные рабочие будут уволены. Эта угроза была в точности выполнена. Не довольствуясь увольнением рабочих, предприниматели требовали, чтобы федеральное правительство насильно распустило союз и изгнало иностранцев из Швейцарии. Их благожелательная и поистине либеральная попытка восстановить «неограниченную свободу труда» потерпела неудачу; помешал протест многолюдного собрания швейцарских нестроительных рабочих.

Женевские профессиональные союзы других отраслей промышленности избрали комитет по делам уволенных рабочих. Некоторые домовладельцы, заключившие со строительными предпринимателями контракты на новые постройки, считали, что их обязательства кончились*, и они предложили рабочим перейти к ним продолжать работу попрежнему. Эти предложения были приняты без долгих размышлений. Многие холостые рабочие покидают Женеву при первой возможности. Тем не менее, около 2 000 семейств остаются лишенными необходимых средств к существованию. Поэтому Генеральный совет Международного товарищества рабочих обращается ко всем честным рабочим и работницам цивилизованного мира с призывом оказать женевским строительным рабочим моральную и материальную поддержку в их справедливой борьбе против капиталистического деспотизма.

По поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих:

Б. Лекрафт, председатель.

Джон Уэстон, казначей.

Георг Эккариус, генеральный секретарь.

256, High Holborn, Лондон, 5 июля 1870 г.

Написано К. Марксом на английском языке**. Печатается по листовке.

* В немецком тексте: ввиду перерыва в работе. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

** Авторство Маркса подтверждается протоколом заседания Генерального совета от 21/VI 1870 г., а также письмом Эккариуса Марксу от 22/VI 1870 г. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ф. ЭНГЕЛЬС.
ПИСЬМО ФИЛИППУ КУНЕНУ
в Антверпен*.

Лондон, 5 апреля 1871 г.
Генеральный совет Международного
товарищества рабочих, 256, High Holborn, W. C.

Гражданину Ф. Кунену, Антверпен.

Уважаемый гражданин!

Как я уже сообщил Вам в своем последнем письме, я счел своим долгом доложить содержание Вашего письма относительно стачки сигарщиков Центральному совету на его вчерашнем вечернем заседании. Одновременно я просил Совет оказать нашим антверпенским членам всяческую возможную помощь и поддержку.

Мое предложение было энергично поддержано, особенно гражданином Когеном, председателем лондонских сигарщиков, который сообщил Совету, что сигарщики его союза приняли решение предоставить своим антверпенским товарищам заем в 150 ф. ст., т. е. около 3 750 фр.; что общество работающих здесь бельгийских сигарщиков ассигновало 20 ф. ст.; что его союз вошел в сношения с другим здешним союзом и с союзом ливерпульских сигарщиков, прося их ассигновать средства для поддержки стачки и т. д.

Совет затем единогласно постановил:

1) Немедленно составить призыв к английским тред-юнионам (sociétés du resistance) Лондона и провинции, отпечатать его и разослать всем союзам, чтобы побудить их выступить в пользу антверпенских стачечников...

2) Послать от Совета делегации к крупным союзам, сосредоточенным в Лондоне, с которыми мы поддерживаем связь, чтобы склонить их к тому же.

Так как я узнал от гражданина Когена, что Вы уже предприняли необходимые шаги для того, чтобы помешать антвер-

* Копия, написанная неизвестной рукой. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

пенским фабрикантам нанять голландских сигарщиков, и что подобные попытки здесь, в Англии, не будут иметь никаких шансов на успех, то мне оставалось только написать для Вас небольшую заметку в нашу немецкую газету лейпцигскую «*Volksstaat*», где я рассказываю о том, как возникла стачка, и призываю немецких сигарщиков воспрепятствовать всякому найму рабочих для отправки в Антверпен и, если возможно, ссудить нам денег на поддержку стачки. Эта заметка будет опубликована на будущей неделе; кроме того, я очень просил редактора заняться вашим делом.

Каков будет успех всех этих шагов, судить об этом заранее трудно. Если английские союзы согласятся дать нам ссуду, то пройдет несколько недель, прежде чем необходимые формальности будут закончены. Немецкие союзы едва ли будут в состоянии дать ссуду, так как война, вероятно, разорила их.

Пока же держите меня, пожалуйста, в курсе событий, имеющих отношение к стачке, для того, чтобы в случае необходимости я мог действовать не теряя времени. Правда ли, что, как это утверждает гражданин Коген, 3 000 брюссельских сигарщиков также объявили стачку? Совету об этом ничего не сообщали, и если это действительно так, то было бы большой виной брюссельцев; ибо как можем мы действовать, если нам ничего не сообщают?

С некоторого времени до нас перестали доходить экземпляры «*Werker*», предназначенные для Совета. Генеральный совет должен получать по два экземпляра каждой из наших газет, — один предназначается для библиотеки, где мы собираем полную коллекцию всех этих газет, чтобы ими можно было воспользоваться для будущей истории пролетарского движения во всех странах, а второй предназначается для секретаря той страны, в которой издается газета. Было бы очень жаль, если бы «*Werker*» перестал до нас доходить, мы читали его всегда с большим вниманием.

150 ф. ст. должны быть посланы Вам сегодня. Если они не придут в течение 24 часов после получения настоящего письма, напишите, пожалуйста, немедленно гражданину Когену, адрес которого у Вас есть.

Я почту своим долгом сделать все возможное для антверпенских рабочих, которых я имею честь представлять здесь в Совете; только, пожалуйста, извещайте меня обо всем, что происходит.

Примите мой братский привет.

Фридрих Энгельс.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО ГЕОРГУ ЭККАРИУСУ

в Лондон.

[Лондон] 19 апреля 1871 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Эккариус!

Сообщаю нижеследующее о барселонских стачках, — для того, чтобы сберечь труд, сразу по-английски.

Гг. «Братья Бетль» в Барселоне владеют большим хлопчатобумажным прядильным и ткацким предприятием, на котором занято около 900 рабочих.

Они не только платят гораздо более низкую заработную плату, чем всякая другая фирма в этой отрасли промышленности, но и постоянно пытались еще больше снизить заработную плату путем замены мужчин женщинами и взрослых рабочих — детьми. За последнее время они рассчитали всех без исключения рабочих, подозревавшихся в принадлежности к профессиональному союзу объединенных кардовщиков, прядильщиков и ткачей. 26 февраля члены этого союза устроили большой митинг для обсуждения положения на фабрике гг. Бетль. Были единогласно приняты новые ставки, которые, хотя и превышали несколько существовавшие до сих пор расценки, все же были гораздо ниже минимальных ставок, уплачиваемых другими; была назначена депутация для того, чтобы потребовать введения этих ставок; в случае отказа, рабочие, занятые на фабрике, должны были бросить работу.

Депутация не была даже и принята, так как гг. Бетль отказались принять какую бы то ни было депутацию, кроме депутации своих собственных рабочих. Эта новая депутация предложила список новых расценок, но встретила решительный отказ. Все рабочие немедленно бросили работу, за исключением приблизительно 25 человек, большинство которых затем присоединилось к стачке. Это произошло 24 февраля, следовательно, рабочие бастуют уже целых 9 недель, и фонды, имеющиеся в распоряжении союза, начинают иссякать. Остальные секции

Интернационала в Испании всеми силами стараются собрать для них деньги, но как раз сейчас им приходится поддерживать очень много стачек. Не говоря уже о других менее важных стачках, стачку объявили бочары Сантандера и дубильщики Валенсии, так как их хозяева настаивают на том, чтобы они вышли из своих профессиональных союзов и из Интернационала. Таким образом, в настоящий момент в Испании бастует всего около 1500 человек, которых различным секциям Интернационала приходится поддерживать.

Барселона и ее окрестности представляют собой испанский Южный Ланкашир. Там много крупных хлопчатобумажных прядильных и ткацких предприятий, и большая часть населения этого округа живет хлопчатобумажной промышленностью. За последнее время рабочие не мало страдали от конкуренции английской пряжи, и в Испании произвело бы чрезвычайно сильное впечатление, если бы ланкаширские рабочие хлопчатобумажной промышленности сделали что-нибудь для испанских хлопчатобумажных прядильщиков и ткачей на механических станках. Оживленная и тесная торговая связь между различными странами мира привела к тому, что каждое событие, затрагивающее общество одной страны, неизбежно оказывает влияние и на все прочие страны; и ничего удивительного нет в том, если всеобщее понижение заработной платы в испанской хлопчатобумажной промышленности (а это представляется неизбежным, если эта стачка кончится неудачей) приведет в конечном счете также и к понижению заработной платы в Южном Ланкашире. (Форму денежной помощи — пожертвования или ссуды — следовало бы предоставить усмотрению самих жертвователей. Пересылку Совет может взять на себя или жертвователи могут посылать деньги непосредственно, так как адрес известен.)

С сердечным приветом

твой Ф. Э.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ИЗ ПИСЬМА АДОЛЬФУ ГЕПНЕРУ

в Лейпциг.

Лондон, 30 декабря 1872 г.

О статье Шрамма «Меновая стоимость».

...* и прямо опровергает Зибеля, причем способ этого опровержения предполагает, что вопрос самостоятельно и вполне правильно продуман. Маркс и я были очень обрадованы этой статьей несмотря на то, что местами встречаются мелкие неточности. Что представляет собою Шрамм в других отношениях, я, конечно, знать не мог, но во всяком случае он достаточно хорошо разбирается в экономических вопросах**.

4) Зато из двух статей о новом подъеме движения за реформу первая хороша, вторая же прямо противоречит фактам. Множество небольших жалких «конгрессов», которые в этой статье приняты всерьез только потому, что их принимает всерьез «Beehive», продавшаяся буржуазии, не имеют, далее, другого смысла, кроме подготовки к предстоящим парламентским выборам. Все перечисленные в статье общества борьбы за реформу лишены какого бы то ни было значения и даже состоят по большей части из *одних и тех же лиц*. Да из каких вдобавок?! За немногими исключениями, как раз из тех рабочих лидеров, которых Маркс заклеил в Гааге как продажных! Судить о здешнем движении отсюда (из Германии), руководствуясь «Beehive» и «Reynold's» [Newspaper] невозможно. Из-за того, что несколько тред-юнионистов участвуют в подобных конгрессах, тред-юнионы еще долго и не подумают сделаться политическими организациями, чего они (по крайней мере, их большинство и наиболее крупные из них), вообще даже и не *могут* сделать, не опрокинув полностью своих уставов.

...***В действительности с движением здесь обстоит отвратительнее, чем когда бы то ни было, как этого и следовало ожидать вследствие промышленного подъема.

Ф. Э.

* Начало письма в оригинале отсутствует. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

** Имеется в виду статья Шрамма «Der Tauschwerth» («Меновая стоимость»), опубликованная в № 82 «Volksstaat» от 12 октября 1872 г. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

*** Пропуск в оригинале. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVI, стр. 309.

К. МАРКС.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ.

«Рабочий класс не должен организоваться в политическую партию; ни при каких условиях он не должен заниматься политикой, ибо вести борьбу с государством значит признавать государство, а это противоречит вечным принципам. Рабочие не должны устраивать стачек, ибо тратить свои силы на то, чтобы добиваться повышения заработной платы или препятствовать ее понижению, значило бы признавать *систему наемного труда*, а это противоречит вечным принципам освобождения рабочего класса!

«Если в политической борьбе против буржуазного государства рабочие соединяются лишь для того, чтобы добиться каких-нибудь уступок, они идут на компромисс; а это противоречит вечным принципам. Поэтому надо отвергнуть всякое мирное движение, предоставив эту скверную привычку английским и американским рабочим. Рабочие не должны добиваться законодательного ограничения рабочего дня, ибо это означало бы компромисс с предпринимателями, которые вместо 14 или 16 часов могли бы тогда эксплуатировать свою рабочую силу только 10 или 12 часов. Они не должны также тратить свои силы на то, чтобы добиваться законодательного запрещения фабричного труда девочек моложе десяти лет, ибо таким путем не прекращается еще эксплуатация мальчиков моложе десяти лет: новый компромисс, нарушающий чистоту вечных принципов!

«Еще менее должны рабочие добиваться того, чтобы государство, *бюджет* которого составляется из рабочих грошей, обязано было, как в Северо-Американских Соединенных Штатах, давать детям рабочих первоначальное образование, ибо первоначальное образование не есть еще образование всестороннее. Пусть лучше рабочие и работницы не умеют ни читать, ни писать, ни считать, чем получать образование в казенной школе от учителя, состоящего на государственной службе. Пусть лучше невежество и ежедневный шестнадцатичасовой труд продолжают отуплять рабочий класс, лишь бы не были осквернены вечные принципы!

«Если политическая борьба рабочего класса принимает насильственные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство. Рабочие не должны создавать профессиональные союзы, ибо таким путем они увековечивают общественное разделение труда, как оно существует в буржуазном обществе, а ведь именно это разделение труда разъединяет рабочих и является подлинной основой их современного рабства.

«Одним словом, рабочие должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на политическое и экономическое движение. Движение это может дать им только преходящие результаты. Как истинно верующие, они должны, презирая свои повседневные нужды, восклицать: «Пусть класс наш будет распят, пусть погибнет наше племя, но да не будут осквернены вечные принципы!» Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о достижении рая. Подставьте на место рая *социальную ликвидацию*, которая в один прекрасный день совершится неведомо где, неведомо как, неведомо кем, — и обман станет ясен целиком и полностью.

«В ожидании этой пресловутой «социальной ликвидации» рабочий класс должен вести себя прилично, как смиренное стадо овец; оставить в покое предрержащие власти; бояться полиции; уважать законы; безропотно поставлять пушечное мясо.

«В повседневной практической жизни рабочие должны быть покорнейшими слугами государства, но в сердце своем они должны энергично протестовать против его существования и доказывать своё глубокое теоретическое презрение к нему посредством покупки и чтения литературных трактатов об уничтожении государства; капиталистическому строю они не должны оказывать иного сопротивления, кроме декламаций о будущем обществе, в котором этот ненавистный строй перестанет существовать!»

Не подлежит никакому сомнению, что если бы апостолы политического индифферентизма выражались так ясно, то рабочий класс послал бы их ко всем чертям и принял бы все это лишь за оскорбление со стороны этих буржуазных доктринеров и свихнувшихся аристократов, которые настолько глупы или настолько наивны, что запрещают ему использовать всякое реальное средство борьбы; потому что ведь все эти средства приходится брать в современном обществе и потому что неизбежные условия этой борьбы складываются независимо от идеали-

стических фантазий, которые эти доктора *социальных наук* обожествляют под именем *Свободы, Автономии, Анархии*. Но движение рабочего класса в настоящее время настолько могущественно, что эти филантропические сектанты уже не осмеливаются больше повторять относительно экономической борьбы те *великие истины*, которые они неустанно проповедают относительно борьбы политической. Они слишком трусливы, чтобы применять эти истины к стачкам, к рабочим объединениям, к профессиональным союзам, к законам о женском и детском труде, об ограничении рабочего дня и т. д. и т. д.

Посмотрим теперь, в какой степени они могут сослаться на старые традиции, на честность, на добросовестность и вечные принципы!

Первые социалисты (Фурье, Оуэн, Сен-Симон и др.) должны были роковым образом, — ибо общественные отношения не были еще достаточно развиты, чтобы позволить рабочему классу конституироваться в качестве воинствующего класса, — ограничиваться мечтами *об образцовом обществе* будущего и осуждать все такие попытки рабочего класса, направленные хотя бы на некоторое улучшение его участи, как стачки, союзы и политическое движение. Но если мы не должны отрекаться от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников, от алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, ибо с нашей стороны они были бы непростительны.

Однако еще в 1839 г., когда политическая и экономическая борьба рабочего класса в Англии приняла уже достаточно отчетливый характер, Брей, — один из учеников Оуэна и один из тех, которые задолго до Прудона изобрели *мютюзлизм*, — издал книгу под заглавием «*Labours wrongs and labours rewedy*» («*Страдания рабочего и средства против них*»).

В этой книге, в главе о недействительности *всех средств, которых хотят достичь рабочие своей нынешней борьбой*, он подвергает жестокой критике все экономические и политические выступления английских рабочих. Он осуждает политическое движение, стачки, ограничение рабочего времени, регулирование женского и детского фабричного труда, потому что все это, по его мнению, не только не поможет избавиться от господствующих социальных условий, но, наоборот, закрепит их и приведет лишь к еще большему обострению противоречий.

Перейдем теперь к оракулу этих докторов социальных наук, к Прудону. В то время как учитель имел мужество энергично высказаться против всякого экономического движения (против союзов, стачек и пр.), противоречившего спасительным теориям его *мютюзлизма*, — хотя сам он и поощрял своими писаниями и личным участием политическое движение рабочего класса, — его ученики не решаются открыто высказаться против этого

движения. Еще в 1847 г., когда появился главный труд учителя: «Система экономических противоречий», я опроверг его софистические доводы против рабочего движения*. Но в 1864 г., после закона Оливье, предоставившего французским рабочим, — правда, в весьма недостаточных размерах, — право союзов, Прудон снова вернулся к изложению своих взглядов в книге «О политической дееспособности рабочего класса», вышедшей в свет через несколько недель после его смерти.

Атака учителя так пришлась по вкусу буржуазии, что во время большой забастовки портных в Лондоне в 1866 г. «Times» оказала честь Прудону, переведя его книгу на английский язык, чтобы осудить бастующих его же собственными словами. Вот несколько образчиков.

Французские углекопы в Рив-де-Жье объявили забастовку; чтобы научить их уму-разуму, туда послали солдат. «Власть, — восклицает Прудон, — которая расстреливала в Рив-де-Жье углекопов, была, конечно, поставлена в печальное положение. Но она действовала, как римлянин Брут, который вынужден был выбирать между любовью к детям и своим долгом консула: он должен был пожертвовать сыновьями, чтобы спасти республику. Брут не поколебался, и потомство не решается осудить его»**. Ни один рабочий не припомнит такого капиталиста, который поколебался бы принести в жертву своих рабочих, чтобы спасти собственные интересы. Какие Бруты эти буржуа!

«Нет права союзов, — говорит Прудон, — как нет права на обман и на воровство, как нет права на кровосмешение и прелюбодеяние»***. Зато наверное существует право на глупость.

В чем же заключаются те вечные принципы, во имя которых учитель изрекает свои бессмысленные проклятия?

Первый вечный принцип:

«Размеры заработной платы определяют цены товаров».

Даже тем, кто не имеет никакого понятия о политической экономии и не знает, что великий буржуазный экономист Рикардо в своей книге «Основные начала политической экономии», опубликованной в 1817 г., раз навсегда опроверг эту старую ошибку, даже им известна все-таки та замечательная особенность английской промышленности, что она в состоянии сбывать свои товары по гораздо более низким ценам, чем промышленность всякой другой страны, а между тем заработная плата

* См. в моей книге «Нищета философии. Ответ на философию нищеты г. Прудона, Париж 1847», гл. V: «Стачки и рабочие коалиции». (Настоящий сборник, стр. 39—46. — *Ред.*)

** Прудон. О политической дееспособности рабочего класса. Париж. Лакруа и К^о. Изд. 1868, стр. 387.

*** Там же, стр. 383.

в Англии относительно выше, чем в любой другой европейской стране.

Второй вечный принцип:

«Закон, разрешающий союзы, есть закон в высшей степени антиюридический и антиэкономический, противоречащий всякому обществу и порядку».

Одним словом, он «противоречит экономическому праву свободной конкуренции».

Если бы учитель не был таким шовинистом, он спросил бы себя, как это объяснить, что закон, столь противоречащий *экономическому праву свободной конкуренции*, мог быть издан в Англии еще сорок лет назад, и почему же по мере развития промышленности, а вместе с ней и *свободной конкуренции*, этот закон, столь противоречащий *всякому обществу и порядку*, признается, как некая необходимость, даже самими буржуазными государствами. Он тогда, быть может, убедился бы, что это его пресловутое *Право* (с прописной П!) существует только в *экономических учебниках*, которые пишутся невежественной братией буржуазных экономистов, — в тех самых учебниках, где находятся и такие перлы экономической премудрости: *собственность есть плод труда... других*, — забывают они прибавить.

Третий вечный принцип:

«Поэтому, под тем предлогом, чтобы поднять рабочий класс из столь низкого общественного положения, надо будет начать с опорочения целого класса граждан: класса господ, предпринимателей, хозяев и буржуа; надо будет возбудить в рабочей демократии презрение и ненависть к этим недостойным членам среднего класса; надо будет предпочесть легальным средствам сопротивления торговую и промышленную войну, государственной полиции — борьбу классов»*.

Итак, чтобы не дать рабочему классу выйти из его так называемого *низкого общественного положения*, учитель осуждает союзы, ибо они превращают рабочий класс в класс, враждебный уважаемой *категории хозяев, предпринимателей, буржуа*, которые, конечно, вместе с Прудонем охотно *борьбе классов* предпочтут *государственную полицию*. Чтобы избавить этот уважаемый класс от всяких неприятностей, добрый Прудон (конечно, до наступления нового строя, основанного на принципах *мютюзлизма*) рекомендует всем рабочим как лучшее средство (несмотря на связанные с ним большие неудобства) — «свободу или конкуренцию, нашу единственную гарантию»**.

Учитель проповедывал экономический индифферентизм, *чтобы сохранить в неприкосновенности свободу или буржуазную конкуренцию*, нашу единственную гарантию. Ученики пропове-

* Прудон. *О политической дееспособности рабочего класса*, Париж-Лакруа и К^о. Изд. 1868, стр. 337—338.

** Там же, стр. 334.

дуют политический индифферентизм, чтобы сохранить в неприкосновенности буржуазную свободу, их единственную гарантию. Если первые христиане, тоже проповедывавшие политический индифферентизм, нуждались в помощи императора, чтобы из гонимых превратиться в гонителей, то современные апостолы политического индифферентизма отнюдь не думают, что их вечные принципы делают для них обязательным воздержание от светских удовольствий и преходящих привилегий буржуазного общества. Тем не менее нужно признать, что они с истинно-христианским стоицизмом переносят четырнадцать или шестнадцать часов труда, когда этот труд взваливается на фабричных рабочих!

Лондон, январь 1873 г.

Напечатана в сборнике «Atmanasso

Repubblicano per l'anno 1874»,

на итальянском языке.

Подпись: Карл Маркс.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 88—95.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ.

Лондон, 18—28 марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не прибыл проект программы. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тельке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей «государственной помощи» и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее исправленное издание, приуроченное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной

переходной мерой наряду со многими другими. Проект программы доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении в сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных» и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы социал-демократическая рабочая партия годами итти рука об руку с нею, с народной партией? Как мог бы «Volksstaat» * черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung»? ** И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося буржуазно-демократическим ***.

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым

* «Volksstaat» («Народное государство») — так назывался центральный орган эйзенахской партии в 1869—1876 гг. Выходил два раза в неделю в Лейпциге под редакцией Либкнехта. — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

** «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета») — в то время оппозиционная газета, орган южногерманских мелкобуржуазных демократов, занимавший в «рабочем вопросе» социал-реформистскую позицию. — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

*** Эти политические требования Готской программы гласили:

«А. В качестве свободной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине.
2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения.
3. Всеобщего народного ополчения.
4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях.
5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

Б. В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания чрез посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения.
2. Свободы науки. Свободы совести». — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на содружество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг., и т. п.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от обстановки получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железны, а, напротив, очень эластичны и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего) закона, как оно, например, цитируется на стр. 5 «Книжки для чтения рабочих» из другой брошюры

Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Приняв лассалевский «железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю ничтожность этого требования*, после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи!» Большого унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гегга**, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

В лучшем же случае «государственная помощь» в лассалевском смысле есть только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощным словом: «для того, чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса», — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный* социальный вопрос! Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и в земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели», — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задушить даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо упомянуть о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

* Вильгельм Бракке (1842—1880) — один из вождей эйзенахской партии; стоял близко к Марксу и Энгельсу, поддерживая их, хотя и не очень энергично, в их борьбе против оппортунистических ошибок Готской программы. В 1873 г. написал брошюру «Предложение Лассалья», где подвергал критике лассалевское требование государственной помощи рабочим производителям товаров. — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

** Один из лидеров буржуазной «Лиги мира и свободы». — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических требований*, из коих некоторые являются просто предметами моды, как, например, «прямое на родное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. «Управление чрез посредство народа» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона*, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь переходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова «государство» слово «община» («*Gemeinwesen*»), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна»**.

* Книга Маркса против Прудона вышла в 1847 г. на французском языке под заглавием «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

То место в «Нищете философии», которое Энгельс имеет в виду, гласит: «Рабочий класс поставит в ходе своего развития на место старого гражданского общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их антагонизм; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо политическая власть есть как раз официальное выражение антагонизма классов внутри гражданского общества». — *Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.*

** Марксистское учение о государстве вообще и в особенности о государстве при социализме и коммунизме получило свое дальнейшее развитие

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенный *этап развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны были бы очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской социал-демократической рабочей партии делают ответственными нас. Так поступает Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия», где на нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Demokratisches Wochenblatt»*. Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень лег-

в работах Ленина и Сталина. В своем историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин показал, при каких условиях правильны положения Энгельса об отмирании государства сразу же после социалистической революции и как ставится этот вопрос в конкретных условиях нашей эпохи. См. Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 1939, стр. 50—58. — Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.

* «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический Еженедельник») — орган радикальной «Sächsische Volkspartei» («Саксонской народной партии») и «Объединения немецких рабочих союзов». Выходил под редакцией В. Либкнехта в Лейпциге в 1868—1869 гг. — Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.

ко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собою открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся пережевывать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат *им*, в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она сама* в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать всю эту канитель с начала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму*, а Либкнехту написал лишь

* Рамм — один из редакторов газеты «Volksstaat», центрального органа эйзенахцев. — Прим. ред. Избран. произвед. К. Маркса.

вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам ни слова обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна, — и отсюда та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хорошая, мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

*Написано на немецком языке.
Впервые напечатано в книге А. Бебеля «Aus meinem Leben». Bd. 2.
Штутгарт, 1911 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.*

*К. Маркс. Избранные произведения. ИМЭЛ.
Госполитиздат. 1940 г. Т. II, стр. 466—473.*

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО АВГУСТУ БЕБЕЛЮ

в Лейпциг*.

[Лондон], 15 октября 1875 г.

...но вижу, что с юридической точки зрения положение товарищества, вероятно, сильно изменилось. Я хотел бы получить об этом разъяснения, а также и о том, какие существуют гарантии того, что в случае раскола лассальянское большинство административного совета не захватит всей типографии.

Раз переезд состоялся, то отсюда я делаю косвенное заключение, что план покупки собственного дома отвергнут или стал излишним. Это, разумеется, очень хорошо, так как для такой бедной партии, как наша, вкладывать деньги в недвижимое имущество было бы допустимо лишь в крайнем случае, так как, во-первых, деньги можно использовать лучше в качестве капитала, вложенного в дело, а во-вторых, в Германии, при невероятной шаткости правовых норм в делах политических, никак нельзя предвидеть, что произойдет с недвижимой собственностью, если наступит резкая реакция.

В Португалии у нас снова есть газета: «O Protesto» («Протест»). Движение там идет вперед, вопреки большим затруднениям, которые чинят ему правительство и буржуазия.

Маркс очень жаловался на непостижимое примечание в № 104 к месту из его «Анти-Прудона» («социалисты, точно так же, как и экономисты, осуждали коалиции»): под социалистами надо-де понимать «социалистов в стиле Прудона»**. Во-первых, тогда еще не существовало ни одного социалиста в стиле Прудона, кроме самого Пр[удона]. Во-вторых, утверждение Маркса

---

* Копия на пишущей машинке, начала письма нехватает. — *Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.*

** Имеется в виду статья „Karl Marx über Strikes und Arbeiterkoalition“ («Карл Маркс о забастовках и рабочих коалициях»), напечатанная в №№ 103, 104 и 106 «Volksstaat» от 8, 10 и 15 сентября 1875 г. и содержавшая перевод отрывков из «Нищеты философии» Маркса. — *Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.*

относится ко *всем* выступавшим до того времени социалистам (за исключением нас двоих, которые в то время во Франции еще не пользовались известностью), — поскольку им приходилось высказываться о коалициях, — во главе с *Робертом Оуэном!* То же относится и к оуэнистам, а из французов, между прочим, и к Кабэ. Ввиду того, что во Франции не было права коалиций, вопроса этого там касались мало. Но так как до Маркса существовал лишь социализм феодальный, буржуазный, мелкобуржуазный или утопический, или социализм, смешанный из разных этих элементов, то ясно было, что все эти социалисты, из которых каждый мнил себя обладателем особого всеисцеляющего средства и стоял вне действительного рабочего движения, видели в *каждой* форме действительного движения, а следовательно и в коалициях и стачках, ложный путь, уводящий массы в сторону от единственного спасительного пути истинной веры. Вы видите, что примечание было не только неверным, но и абсолютно бессмысленным. Но нашим людям, во всяком случае некоторым из них, кажется совершенно невозможным держаться при писании статей в пределах того, что они действительно поняли. Доказательство — бесконечные столбцы теоретико-социалистического содержания, принадлежащие перу Ку, Симмахоса * и им подобных, экономическое невежество которых и ошибочные взгляды, а также незнание социалистической литературы служат великолепным средством для того, чтобы совершенно уничтожить теоретическое превосходство, которым до сих пор отличалось германское движение. Маркс чуть было не выступил с заявлением по поводу этого примечания.

Но довольно жалоб. Надеюсь, что чаяния и надежды, которые связывались с объединением, проведенным с такой опрометчивой поспешностью, оправдаются, что лассальянскую массу удастся повернуть от культа Лассаля к правильному пониманию своего действительного классового положения и что раскол, неизбежность которого так же мало подлежит сомнению, как то, что дважды два=четыре, произойдет при благоприятных для нас условиях. Требовать, чтобы и я во все это верил, было бы уж чересчур.

Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наши Бисмарк и Штибер-Тессендорфы. Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные в течение «новой эры» 1861-го и следующих за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, сно-

* Статья Карла Каутского. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

ва в университеты допускаются лишь «сыны высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24 000 молодых людей, вся карьера которых была тем самым разрушена, так как им даже категорически запретили занимать места учителей в начальных школах! И еще удивляются распространению «нигилизма» в России. Если бы Вальстер, который ведь знает русский язык, захотел обработать несколько изданных *либеральной* оппозицией и появившихся в Берлине у Бера брошюр, или если бы нашелся кто-нибудь, кто достаточно понимал бы по-польски, чтобы читать львовские газеты (например, «Dziennik Polski» или «Gazeta Narodowa») и делать из них выдержки, то «Volksstaat» мог бы сделаться лучшей газетой в Европе по русским делам. Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время *неизбежной* войны между германо-прусской империей и Россией, — что весьма вероятно, — то неизбежно и обратное воздействие на Германию.

Маркс шлет Вам сердечный привет.
Преданный Вам

Ф. Энгельс.

Сердечный привет Либкнехту.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVI, стр. 401—403.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО ИОАННУ-ФИЛИППУ БЕККЕРУ

в Женеву.

Лондон, 21 декабря 1876 г.
122, Regent's Park Road.

Получил твою открытку, «Précurseurs», два экземпляра Манифеста * на французском языке. Если ты сможешь прислать еще несколько экземпляров последнего, то это будет очень хорошо (*на французском*, мы пошлем его в Париж), мы с удовольствием заплатим, как только нам станет известно, сколько стоят, примерно, 20 экземпляров.

При сем почтовый перевод на 15 франков, из них 9 франков в погашение долга за «Stunden der Andacht» и 6 франков за подписку на полгода на «Précurseur» для Маркса и меня. Ты можешь посылать *оба* номера мне, получится экономия на пересылке, а я смогу передавать их М[арксу]. Очень хорошо, что у нас опять есть французская газета в Швейцарии, юрцы никак не могут прекратить своих интриг и нападков, и теперь можно будет доказать им, что с *ними* мир невозможен. Я не мог прислать тебе корреспонденции, так как не хочу лгать, а о здешнем рабочем движении можно сказать лишь то, что оно увязло в самом мелочном тред-юнионистском хламе, что так называемые вожди, в том числе и Эккариус, бегают за либеральной буржуазией, продаются ей в качестве апитаторов против так называемых турецких зверств и проповедают в интересах гуманности и свободы предательскую передачу Балканского полуострова русским.

То, что Де-Пап присутствовал на Бернском конгрессе, соответствует всей его прежней позиции. Со времени Гаагского конгресса он официально оставался в рядах отколовшихся бельгийцев, но в качестве главы оппозиции, а теперь он делает хорошее дело, побудив фламандцев выступить за всеобщее из-

* «Гражданская война во Франции 1871 г.» — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

бирательное право и за фабричное законодательство. Это первый разумный шаг, который был сделан в Бельгии. Теперь и валлонским крикунам приходится присоединяться. Однако со стороны наших сторонников в Германии было непростительно понапастся на юрскую удочку. Бакунистские органы повсюду подняли торжествующий крик, когда стало известно, что немцы пошлют делегатов на конгресс. Либкнехт отлично знал, что ему нужно было делать; на его запрос о том, как мы смотрим на такую страсть к примирению и какую позицию по отношению к ним мы занимаем, я ответил ему — никакой позиции; эти парни остались такими же, какими они всегда были; кто хочет обжечься на этом деле, пусть идет. И после этого — блаженно-доверчивый поступок, как будто имеешь дело с благороднейшими, порядочными людьми.

Получил ли ты нью-йоркские или скорее филадельфийские постановления о роспуске Генерального совета? Для предосторожности посылаю тебе несколько экземпляров, это может послужить для вас новым основанием для того, чтобы взять дело в свои руки.

В Женеве выходит итальянско-французская газета Терцаги, которого мы заклеили в «Альянсе социалистической демократии». Говорят, что этот человек теперь бранит бакунистов. Дело в том, что они его долго терпели после того, как мы разоблачили его как полицейского шпиона, но в конце концов им все же пришлось его как такового выкинуть вон. Он простой шпик, а его пособник Бастелика — бонапартистский агент; он напечатал в Страсбурге воззвание к французским рабочим, где призывал их восстановить империю.

В Италии ничего нельзя поделывать, — одни бакунисты, а в Испании я больше адресов не получал, но, быть может, скоро получу один.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVI, стр. 442—443.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 г.

I.

Истекший год был богат событиями и оказался плодотворным для рабочего класса Европы. Почти во всех странах достигнуты большие успехи в деле организации и роста рабочей партии. Единство, находившееся некоторое время под угрозой со стороны маленькой, но деятельной секты, было фактически восстановлено. Движение рабочего класса все более и более выступало на передний план текущей политики, и — что является верным признаком близящегося торжества — политические события, какой бы оборот они ни принимали, так или иначе всегда складывались благоприятно для роста этого движения.

Уже самое начало 1877 г. было ознаменовано одной из крупнейших побед, когда-либо одержанных рабочими. 10 января, на основе всеобщего избирательного права, состоялись выборы в германский парламент (рейхстаг), повторяющиеся каждые три года; выборы, которые уже начиная с 1867 г. давали германской рабочей партии возможность подсчитать свои силы и продемонстрировать перед миром свои хорошо организованные и постоянно растущие батальоны. В 1874 г. кандидаты рабочих получили четыреста тысяч голосов; в 1877 г. — больше шестисот тысяч. Десять рабочих кандидатов были избраны 10 января, а еще двадцать четыре должны были баллотироваться на дополнительных выборах, которые произошли через две недели. Из этих двадцати четырех были фактически избраны только немногие, ибо против них объединились все остальные партии. Но фактом большого значения осталось то обстоятельство, что во всех крупных городах и промышленных центрах империи классовое рабочее движение пошло вперед гигантскими шагами, и на следующих выборах в 1880 г. все эти избирательные округа перейдут, несомненно, в его руки. Были завоеваны Берлин, Дрезден, целые фабричные округа Саксонии и Золинген. В Гамбурге, Бреславле, Нюрнберге, Лейпциге, Брауншвейге, в Шлезвиг-Гольштейнии и в фабричных округах Вестфалии и Нижне-Рейнской области коалиции всех прочих партий еле удалось по-

бедить кандидатов рабочего класса простым большинством голосов. Германская социал-демократия стала силой, притом быстро растущей силой, с которой впредь должны будут считаться все другие — правящие или сколь-нибудь значительные — силы страны. Впечатление от этих выборов получилось потрясающее. Буржуазия была охвачена настоящей паникой, тем более, что буржуазная пресса постоянно представляла дело так, будто социал-демократия находится на пути к полной потере всякого значения. Рабочий класс, ободренный своей победой, продолжал борьбу с новой силой и на всяком подходящем поле сражения; а рабочие других стран, как мы увидим, не только праздновали победу немцев как свой собственный триумф, но эта победа побудила и их самих к новым усилиям, чтобы не оставаться позади в соревновании за освобождение труда.

Быстрый успех рабочей партии в Германии был куплен ценою значительных жертв со стороны наиболее активных ее участников. Правительственные преследования, денежные штрафы, а еще чаще тюремные заключения сыпались на них градом, и им давно уже приходилось заранее быть готовыми к тому, чтобы большую часть своей жизни провести в тюрьме. Хотя в большинстве случаев эти приговоры выносятся на короткие сроки, от двух недель до трех месяцев, однако и долгосрочные заключения отнюдь не являются редкостью. Так, чтобы уберечь важный горнозаводский и фабричный район Саарбрюкена от заражения социал-демократическим ядом, недавно два агитатора были осуждены на два с половиной года каждый за то, что осмелились ступить на эту запретную почву. Эластичные законы империи предоставляют множество поводов для подобных мероприятий, а там, где эти законы все же недостаточны, судьи большей частью очень охотно расширяют их толкование до той степени, какая требуется для осуждения.

Большим преимуществом германского движения является тот факт, что профессиональные организации работают рука об руку с организацией политической. Непосредственные выгоды, которые дают профессиональные организации, втягивают многих обычно равнодушных людей в политическое движение; в то же время общность политического действия сплачивает обычно изолированные профессиональные союзы и обеспечивает их взаимную поддержку.

Успех, достигнутый на выборах в германский парламент, побудил наших немецких товарищей испытать счастье и на других выборных участках. Так, им удалось провести рабочих при выборах в два ландтага более мелких государств империи, а также проникнуть в изрядное количество городских управлений; в саксонских фабричных районах многие города оказались под руководством социал-демократических управлений. Так как избирательное право при этих выборах ограничено, то на боль-

шие успехи рассчитывать не приходилось; все же каждое завоеванное место помогает доказать правительствам и буржуазии, что им придется впредь считаться с рабочими.

Но наилучшим доказательством быстрого успеха сознательной организации рабочего класса является растущее число ее периодических органов печати. И здесь мы должны перешагнуть границы бисмарковой «империи», потому что влияние и деятельность германской социал-демократии отнюдь не ограничиваются ими. К 31 декабря 1877 г. на немецком языке издавалось в общем не меньше семидесяти пяти периодических органов, обслуживавших рабочую партию. Из них в Германской империи — 62 (в том числе 15 органов такого же числа профессиональных союзов), в Швейцарии — 3, в Австрии — 3, в Венгрии — 1, в Америке — 6, всего 75, больше, нежели число рабочих органов на всех других языках, вместе взятых.

После битвы под Седаном, в сентябре 1870 г., Исполнительный комитет Германской рабочей партии объявил своим избирателям, что в результате войны центр тяжести европейского рабочего движения переместился из Франции в Германию и что тем самым на немецких рабочих возлагаются более высокие обязанности и новая ответственность, которые требуют с их стороны новых усилий. 1877 г. доказал правильность этого и в то же время показал, что пролетариат Германии отнюдь не стоит ниже задачи временного руководства, возложенной на него. Какие бы ошибки ни совершались отдельными вождями, — а ошибки эти и многочисленны и разнообразны, — самые массы двигались вперед решительно, непоколебимо и в правильном направлении. Их выдержка, организованность и дисциплина представляют замечательный контраст той слабости, нерешительности, лакейства и прусости, которые так характерны для всех буржуазных движений в Германии. И в то время как германская буржуазия завершила свою карьеру тем, что опустилась до более чем византийской лести «Вильгельму Победоносцу» и, связанная по рукам и по ногам, отдалась на милость Бисмарка, — рабочий класс идет от победы к победе, подкрепляемый и усиливаемый даже теми мероприятиями, которые предпринимаются правительством и буржуазией для его подавления.

II.

Как ни велико было впечатление от германских выборов в самой стране, еще гораздо сильнее было оно за границей. И прежде всего оно восстановило в европейском рабочем движении то согласие, которое в течение последних шести лет было нарушено притязаниями небольшой, но чрезвычайно энергичной секты.

Те из наших читателей, которые следили за историей Международного товарищества рабочих, вспомнят, что непосредствен-

но вслед за падением Парижской коммуны в недрах великой рабочей организации возникли расхождения, которые на Гаагском конгрессе 1872 г. привели к открытому расколу, а затем и к распаду. Виновником разногласий был русский, Бакунин, со своими приверженцами, которые всеми правдами и неправдами стремились занять господствующее положение в организации, в которой они составляли лишь незначительное меньшинство. Их главным патентованным средством было принципиальное возражение против *какой бы то ни было* политической деятельности рабочего класса; и они в этом отношении шли так далеко, что в их глазах участвовать в выборах представлялось изменой интересам пролетариата. Они не допускали никакого другого способа действий, кроме прямой насильственной революции. Из Швейцарии, где прежде всего пустили корни эти «анархисты», как они сами себя называли, они распространились в Италию и Испанию, где они некоторое время действительно господствовали в движении рабочего класса. Внутри «Интернационала» они получили некоторую поддержку со стороны бельгийцев, которые, хотя и по другим мотивам, также высказывались в пользу политического воздержания. После раскола они сохраняли видимость организации и устраивали конгрессы, на которых парадюжин всегда одних и тех же людей, притязавших на представительство от рабочего класса всей Европы, проповедывали от его имени свои догмы. Однако уже германские выборы 1874 г. и крупные преимущества, в которых германское движение убедилось на опыте благодаря наличию в парламенте девяти членов из числа наиболее активных его членов, заронили элементы сомнения в среде «анархистов». В Испании в ходе политических событий движение было подавлено и исчезло, не оставив почти никаких следов. В Швейцарии партия, стоявшая за политическую борьбу и работавшая рука об руку с немцами, крепла с каждым днем и скоро численно превысила кучку анархистов в отношении 300 к 1. В Италии, после ребяческой попытки совершить «социальную революцию» (Болонья, 1874 г.), в которой «анархисты» не проявили своих достоинств ни по части разума, ни по части мужества, подлинно рабочие элементы начали подумывать о более разумных способах деятельности. В Бельгии, вследствие политики воздержания со стороны вожakov, политики, которая лишила рабочий класс всякого поля практической деятельности, движение пришло к мертвой точке. Фактически, в то время как политическая деятельность немцев вела их от успеха к успеху, рабочий класс тех стран, где лозунгом дня было воздержание, терпел поражение за поражением, пока ему не надоело движение, не дававшее никаких результатов; его организации были преданы забвению, его печатные органы исчезали один за другим. Более здравомыслящей части этих рабочих такой контраст не мог не бросаться в глаза. В Италии, как и в

Бельгии, вспыхнул бунт против учений «анархизма» и воздержания, и люди стали задавать себе и другим вопрос, почему же надо в угоду глупому догматизму отказываться от применения как раз тех средств деятельности, которые оказались самыми действительными из всех. Таково было положение вещей, когда крупная избирательная победа немцев положила конец всем сомнениям и преодолела все колебания. Пред лицом такого упрямого факта невозможно было никакое сопротивление. Италия и Бельгия высказались за политическую деятельность. Остатки итальянских сторонников воздержания, доведенные до отчаяния, попытались произвести еще одно восстание близ Неаполя; человек тридцать анархистов провозгласили «социальную революцию», но о них быстро позаботилась полиция. Все, чего они достигли, — был лишь полный разгром их собственного сектантского движения в Италии. Так анархистская организация, притязавшая на руководство движением рабочего класса от одного конца Европы до другого, была вновь сведена к своему первоначальному зародышу, к каким-нибудь двумстам человек в Юрском округе в Швейцарии, где они из своего уединенного горного убежища продолжают протестовать против победоносной ереси остального мира, сохраняя истинное правоверие, возвещенное их ныне покойным императором, Бакуниным. И когда в сентябре прошлого года в Генте, в Бельгии, собрался Всемирный социалистический конгресс, — конгресс, который сами они создали, — они оказались там в незначительном меньшинстве пред лицом делегатов объединенной и единодушной великой организации европейского рабочего класса. Конгресс, энергично отвергнув их смехотворные учения и высокомерные притязания и установив тот факт, что он отверг всего лишь мелкую секту, проявил к ним под конец великодушную терпимость.

Так после четырехлетней внутренней распри восстановлено было полное единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала, была полностью оправдана событиями. Снова была теперь восстановлена почва, на которой рабочие различных европейских стран могут опять твердо действовать вместе, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет главную силу движения. Международное товарищество рабочих стало невозмож...* [Правительствами ряда стран были изданы законы], которые запрещали рабочим этих стран вступать в подобный интернациональный союз. Правительства могли бы избавить себя от этого беспокойства. Движение рабочего класса переросло не только необходимость, но даже и возможность подобного рода формального союза. Вели-

* Здесь из английского текста статьи выпали одна или две строчки. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

кая же пролетарская организация не только вполне осуществила свою задачу, но и сама продолжает жить, более могущественная, чем когда бы то ни было, в гораздо более мощном союзе единства и солидарности, в общности действия и политики, общности, которая воодушевляет ныне рабочий класс всей Европы и представляет собою его собственное величайшее достижение. Среди рабочих разных стран и даже каждой страны, взятой в отдельности, существует множество различных воззрений; но нет больше сект, нет больше притязаний на догматическую ортодоксию, на доктринерское верховенство, а есть совместный план действий, первоначально набросанный Интернационалом, теперь же нашедший всеобщее признание, потому что он повсюду, сознательно или бессознательно, вырос из борьбы, из нужд движения; это план, который свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей задачи — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом.

III.

В предыдущей статье мы уже отметили наиболее интересные основные факты, связанные с историей рабочего движения в Италии, Испании, Швейцарии и Бельгии. Но необходимо сказать еще кое о чем.

В Испании движение быстро разрослось между 1868 и 1872 гг., когда Интернационал мог похвалиться там более чем 30 000 платящих взносы членов. Но все это было скорее видимостью, чем действительностью; скорее результатом кратковременного возбуждения, вызванного неустойчивым политическим положением страны, чем результатом действительного идейного прогресса. Впутавшись в кантоналистское (федерально-республиканское) восстание 1873 г., испанский Интернационал был раздавлен вместе с ним. Некоторое время он продолжал существовать в виде тайного общества, ядро которого, несомненно, существует еще и сейчас. Поскольку, однако, это общество никогда не проявляло никаких признаков жизни, кроме посылки трех делегатов на Гентский конгресс, мы вынуждены притти к заключению, что эти три делегата представляют испанский рабочий класс примерно в той же мере, в какой некогда трое портных с Тули-Стрита представляли английский народ. И как только какое-либо политическое потрясение даст возможность испанским рабочим снова играть активную роль, — мы можем с уверенностью предсказать, что новая борьба будет исходить не от этих «анархистских» болтунов, а от небольшой организации сознательных и энергичных рабочих, которые в 1872 г. остава-

лись верны Интернационалу и которые теперь выжидают своего времени, вместо того, чтобы играть в тайные заговоры.

В Португалии движение всегда оставалось свободным от «анархистской» заразы и развивалось на такой же разумной основе, как и в большинстве других стран. У португальских рабочих были многочисленные секции Интернационала и профессиональные союзы. Они провели в январе 1877 г. весьма плодотворный конгресс и издавали превосходный еженедельник: «O Protest» («Протест»). Однако и они были стеснены направленным против них законодательством, ограничивающим свободу печати, право союзов и публичных собраний. Несмотря на все это, они продолжают бороться и проводят теперь в Опорто новый конгресс, который даст им возможность показать миру, что рабочий класс Португалии принимает свою долю участия в великой всемирной борьбе за освобождение труда.

Рабочие Италии также сильно стеснены в своей деятельности буржуазным законодательством. Ряд особых законов, установленных под предлогом подавления разбоев и широко распространенных тайных разбойничьих организаций и дающих правительству громадные неограниченные полномочия, — без стеснений применяется к рабочим обществам; выдающиеся их члены наравне с разбойниками подвергаются полицейскому надзору и высылке без суда и следствия. Тем не менее, движение идет вперед, и лучшим признаком его жизненности является то, что центр тяжести его переносится из почтенных, но полумертвых городов Романьи в оживленные промышленные и фабричные города севера; это изменение обеспечило преобладание подлинно рабочих элементов над кучкой втершихся в движение «анархистов», выходцев из буржуазии, в руках которых прежде находилось руководство. Рабочие клубы и профессиональные союзы, постоянно закрывающиеся и распускающиеся правительством, снова возникают под новыми названиями. Пролетарская печать, несмотря на то, что многие ее органы, вследствие преследований, штрафов и тюремных приговоров против их издателей, недолговечны, после каждого поражения восстанавливается заново и, вопреки всем препятствиям, насчитывает несколько газет со сравнительно долголетним существованием. Некоторые из этих органов, большей частью кратковременные издания, исповедуют еще «анархистские» учения, но от всяких притязаний на руководство движением эта фракция отказалась и угасает постепенно вместе с буржуазно-республиканской партией Мадзини. И каждый дюйм почвы, потерянный обеими этими кликами, есть дюйм почвы, завоеванной подлинным и сознательным движением рабочего класса.

В Бельгии центр тяжести деятельности рабочего класса также переместился, и сама эта деятельность подверглась вследствие этого существенному изменению. До 1875 г. этот центр лежал

в той части страны, где говорят по-французски, включая сюда полуфранцузский и полуфламандский Брюссель. В течение этого периода движение находилось под сильным влиянием прудонистских учений, которые тоже предписывали воздержание от вмешательства в политику, особенно же от участия в выборах. Оставались, таким образом, только стачки, обычно подавлявшиеся кровавым вмешательством войск, да митинги, на которых постоянно повторялся старый набор фраз. Рабочим это надоело, и все движение постепенно замерло. Но с 1875 г. в борьбу вступили фабричные города фламандской части страны, ведущие борьбу с большей сознательностью и, как было вскоре доказано, в новом духе. В Бельгии нет фабричных законов, которые ограничивали бы часы труда женщин или детей; и первым требованием фабричных избирателей Гента и его окрестностей было требование о защите их жен и детей, которых заставляли рабски трудиться на прядильных фабриках по пятнадцати и более часов в сутки. Сопrotивление прудонистских доктринеров, которые считали подобные пустяки недостойными внимания людей, занятых заоблачным революционаризмом, было безуспешно и постепенно было сломлено. Требование законодательной охраны детского труда на фабриках стало одним из пунктов платформы бельгийского рабочего класса, а вместе с тем разбиты были магические заклинания, силой которых до сих пор было наложено табу на политическую деятельность. Пример немцев довершил дело, и теперь бельгийские рабочие, как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии, Австрии и части Италии, создают сами политическую партию, отличную от всех других политических партий и противоположную им, — партию, ставящую целью добиться освобождения рабочего класса любыми политическими действиями, какие требуются условиями момента.

Значительные массы швейцарских рабочих, — та их часть, которая говорит по-немецки, — объединились несколько лет назад в «Рабочую конфедерацию», которая к концу 1876 г. насчитывала свыше 5 000 членов, платящих взносы. Рядом с нею существовала еще другая организация, «Общество Грютли», образованное первоначально буржуазными радикалами для распространения радикализма среди рабочих и крестьян; но постепенно в это широко распространенное объединение проникли социал-демократические идеи, которые в конце концов овладели им. В 1877 г. оба эти общества заключили союз, почти равносильный слиянию, с целью организовать швейцарскую политическую рабочую партию; и они действовали с такой энергией, что при общенародном голосовании провели новый швейцарский фабричный закон, который из всех существующих фабричных законов является наиболее благоприятным для рабочих. Теперь они организуют бдительный надзор, чтобы обеспечить его над-

лежащее выполнение, вопреки открыто выраженной злой воле фабрикантов. «Анархисты», со своей свержеволюционной точки зрения, явились, конечно, бешеными противниками всей этой деятельности, объявив ее актом настоящей измены тому, что они называют «революцией». Однако, поскольку их насчитывается в лучшем случае человек 200 и поскольку они представляют здесь, как и везде, лишь генеральный штаб офицеров без армии, — их выступление не играет роли.

Программа швейцарской рабочей партии почти совпадает с германской, даже слишком совпадает, принимая также и некоторые несовершенные и путанные ее положения. Но слова программы сами по себе не имеют большого значения, если дух, господствующий в движении, правилен.

Датские рабочие вступили в борьбу около 1870 г. и вначале добились очень быстрых успехов. Заключив союз с партией мелкособственнических крестьян, среди которых они успешно распространяли свои взгляды, они достигли настолько значительного политического влияния, что за «объединенной левой», ядро которой составляла крестьянская партия, в течение ряда лет сохранялось большинство в парламенте. Но в этом быстром росте движения было больше видимости, чем действительного роста. В один прекрасный день было обнаружено, что двое лидеров исчезли, растратив деньги, собранные среди рабочих на партийные цели. Вызванный этим скандал был крайне велик, и датское движение до сих пор еще не оправилось от последовавшего за этим разочарования. Как бы то ни было, хотя датская рабочая партия выступает теперь более сдержанно, чем прежде, но все же есть достаточно оснований для уверенности, что потерянное ею мимолетное и мнимое господство над массами постепенно заменится более реальным и более длительным влиянием.

В Австрии и Венгрии рабочему классу приходится бороться с величайшими трудностями. Политическая свобода, поскольку дело касается печати, собраний и союзов, сведена здесь к самому низкому уровню, соответствующему мнимо конституционной монархии. Свод законов, отличающийся неслыханной растяжимостью, позволяет правительству добиваться осуждения даже в случаях самого робкого проявления требований и интересов рабочего класса. И, тем не менее, движение здесь, как и везде, неудержимо развивается. Основными центрами являются фабричные округа Богемии, Вена и Будапешт. Рабочие газеты выходят на немецком, чешском и венгерском языках. Из Венгрии движение распространилось в Сербию, где до войны выходила на сербском языке еженедельная газета; однако, как только разразилась война, газету попросту прихлопнули.

Таким образом, куда ни кинуть взгляд в Европе, повсюду классовое движение рабочих развивается не только успешно,

но и быстро, и что еще важнее, повсюду в одном и том же духе. Восстановлено полное единомыслие, а вместе с ним восстанавливается тем или иным путем постоянное и регулярное общение между рабочими разных стран. Люди, которые в 1864 г. основали Международное товарищество рабочих, которые высоко держали его знамя в годы борьбы, сначала против внешних, потом против внутренних врагов, покада политическая необходимость в еще большей степени, чем внутренние раздоры, не привела к расколу и к кажущемуся отступлению, — эти люди могут теперь с гордостью воскликнуть: «Интернационал выполнил свое дело; он вполне достиг своей великой цели — объединения пролетариата всего мира в борьбе против своих угнетателей!»

IV.

Наши читатели наверно заметили, что в трех предшествующих статьях почти не упоминалось об одной из важнейших стран Европы, Франции, и это вот по какой причине. В странах, о которых говорилось до сих пор, деятельность рабочего класса, — хотя по существу это политическая деятельность, — не имеет тесной связи с общей или, так сказать, официальной политикой. Рабочий класс Германии, Италии, Бельгии и т. д. не стал еще политической силой в государстве. Он является политической силой лишь в перспективе, и если в некоторых из этих стран официальным партиям — консерваторам, либералам или радикалам — приходится с ним считаться, то это только потому, что его быстрый подъем делает очевидным, что в близком будущем пролетарская партия станет достаточно сильной для того, чтобы дать почувствовать свое влияние. Но во Франции дело обстоит иначе. Парижские рабочие, поддержанные рабочими крупных провинциальных городов, со времен Великой революции всегда были силой в государстве. В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение решали судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику; ошибочно приняв эту республику за средство к освобождению труда, они получили жестокий урок в июньском разгроме того же года; они сопротивлялись на баррикадах в 1851 г. государственному перевороту Луи-Наполеона и снова потерпели поражение; они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю, к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться. Попытка Тьера в марте 1871 г. отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Комму-

ны и к длительной борьбе, закончившейся их кровавым подавлением.

Национальный рабочий класс, который, таким образом, в течение почти столетия не только играл решающую роль при каждом историческом кризисе собственной страны, но в то же время всегда являлся и авангардом европейской революции, такой рабочий класс не может жить той сравнительно замкнутой жизнью, какая в сущности составляет еще круг деятельности остальных рабочих континента. Такой рабочий класс, как французский, связан со своей прошлой историей и зависит от этой прошлой истории. Его история не менее, чем его признанная решающая боевая сила, нерасторжимыми узами связывает его с общим политическим развитием страны. И поэтому мы не могли бы сделать обзор деятельности французского рабочего класса, не входя в рассмотрение французской политики вообще.

Вел ли французский рабочий класс свою собственную борьбу, вел ли он борьбу либеральной, радикальной или республиканской буржуазии, — за всяким понесенным им поражением всегда следовала гнетущая политическая реакция, столь же свирепая, сколь продолжительная. Так, за поражениями в июне 1848 г. и в декабре 1851 г. последовало восемнадцать лет бонапартистской империи, в течение которых печать была скована, право собраний и союзов придавлено, а рабочий класс тем самым был лишен всяких средств взаимной связи и организации. Необходимым результатом было то, что когда в сентябре 1870 г. пришла революция, рабочие не могли выдвинуть никого другого, кроме тех буржуазных радикалов, которые при империи составляли официальную парламентскую оппозицию и которые, само собою разумеется, предали их и их страну. После подавления Коммуны рабочий класс, способность которого к борьбе была парализована на целые годы, был непосредственно заинтересован лишь в том, чтобы избежать нового повторения подобного длительного господства угнетения, а вместе с тем необходимости снова бороться не за прямое свое освобождение, а лишь за такой строй, который давал бы ему возможность подготовиться к окончательной борьбе за освобождение. В настоящее время во Франции имеется четыре больших политических партии: три монархические — легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, каждая с особым претендентом на корону, — и республиканская партия. Какой бы из трех претендентов ни вззошел на трон, он во всяком случае нашел бы поддержку лишь незначительного меньшинства народа и мог бы, следовательно, полагаться только на силу. Поэтому неизбежным спутником всякой монархической реставрации было бы господство насилия, подавления всяких общественных свобод и личных прав, — то, чего рабочий класс должен стремиться избежать. С другой стороны, сохранение существующего республиканского прави-

тельства оставляло бы ему по крайней мере возможность достичь такой степени личной и общественной свободы, которая позволила бы основать рабочую печать, проводить агитацию на собраниях и организовать самостоятельную политическую партию; кроме того, сохранение республики избавило бы его от необходимости вновь вести особую борьбу за ее завоевание в будущем.

Поэтому новым доказательством высокой инстинктивной политической сознательности французского рабочего класса был тот факт, что как только 16 мая прошлого года все три монархических клики, объединившись в большом заговоре, объявили войну республике, рабочие, как один человек, провозгласили поддержку республики своей важнейшей непосредственной задачей. Несомненно, здесь они шли в хвосте буржуазных республиканцев и радикалов; но рабочий класс, не имеющий ни печати, ни собраний, ни клубов, ни политических союзов, — чем же иным может он быть, как не придатком радикально-буржуазной партии? Что иное может он делать для завоевания своей политической независимости, как не поддерживать единственную партию, которая обязана обеспечить народу вообще, а стало быть и рабочим, те свободы, которые позволили бы иметь независимую организацию? Некоторые утверждают, что на последних выборах рабочие должны были выставить своих собственных кандидатов. Но даже в тех местностях, в которых они могли бы сделать это с надеждой на успех, — откуда было взять кандидатов рабочего класса, достаточно хорошо известных в среде их собственного класса, чтобы найти необходимую поддержку? Недаром же со времени Коммуны правительство так заботливо арестовывало, как участника этого восстания, всякого рабочего, который приобретал известность хотя бы путем частной агитации в своем собственном районе Парижа.

Победа республиканцев на последних ноябрьских выборах была знаменательна. За ней последовали еще более знаменательные победы на происходивших вслед за тем департаментских, муниципальных и дополнительных выборах. Монархический заговор, может быть, положил бы конец всему этому; но руки его были парализованы недвусмысленным поведением армии. Дело не только в наличии множества республиканских офицеров, особенно среди младшего состава; гораздо важнее было то, что солдатская масса отказывалась выступить против республики. Это было первым результатом реорганизации армии, реорганизации, в связи с которой платные заместители были устранены, а армия превращена в действительное представительство молодых людей всех классов. Таким образом, заговор рухнул без того, чтобы понадобилось подавлять его силой. И это тоже было вполне в интересах рабочего класса.

который, будучи еще слишком слабым после кровопускания 1871 г., не мог иметь ни малейшего желания вновь расточать свои важнейшие боевые силы в боях на пользу других или ввязаться в целый ряд насильственных стычек, прежде чем он восстановил полностью свою мощь.

Но эта победа республиканцев имеет еще и другое значение. Она показывает, что с 1870 г. сельское население сделало большой шаг вперед. До сих пор каждая победа, одержанная рабочим классом в Париже, очень быстро сводилась на нет из-за реакционного духа мелкого крестьянства, составляющего громадную массу французского населения. С начала нынешнего столетия французское крестьянство было бонапартистским. Вторая республика, установленная парижскими рабочими в феврале 1848 г., была уничтожена шестью миллионами крестьянских голосов, полученных Луи-Наполеоном в декабре того же года. Но прусское нашествие 1870 г. поколебало веру крестьянства в империю, а последние ноябрьские выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Эта перемена имеет величайшее значение. Она означает не только то, что всякая монархическая реставрация отныне во Франции стала безнадежной. Она означает также достижимость союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях. Мелкие собственники-крестьяне, созданные Великой революцией, являются земельными собственниками только по названию. Их участки заложены ростовщикам; их урожай уходит на оплату процентов и на расходы по тяжбам; нотариус, стряпчий, судебный пристав, аукционный чиновник вечной угрозой стоят у их дверей. Их положение так же скверно, как и положение рабочих, и почти так же необеспечено. И если эти крестьяне поворачивают теперь от бонапартизма к республике, то этим они показывают, что не ожидают уж больше улучшения своего положения от тех чудес империи, которые Луи-Наполеон вечно им обещал, но никогда не исполнял. Вера Тьера в мистическую спасительную силу, которой обладает «император крестьян», была грубо нарушена Второй империей. Чары рассеялись. Французское крестьянство стало, наконец, достаточно сознательным, чтобы искать действительных причин хронической нужды и практических мер к ее устранению. А уж раз оно начало мыслить, оно должно будет скоро обнаружить, что единственное средство спасения лежит для него в союзе с тем единственным классом, который насколько не заинтересован в его нынешнем жалком положении, — с рабочим классом города.

Таким образом, как бы ни было презренно нынешнее республиканское правительство Франции, все же окончательное установление республики дало, наконец, французским рабочим почву, на которой они могут сами организоваться как самостоятельная политическая партия и вести будущие сражения не на

пользу других, а на свою собственную пользу, — почву, на которой они могут вдобавок объединиться с доселе враждебной им массой крестьянства и превратить тем самым будущие победы из кратковременного триумфа Парижа над Францией, как это было до сих пор, в окончательный триумф всех угнетенных классов Франции, руководимых рабочими Парижа и крупных провинциальных городов.

V.

Остается рассмотреть еще одну важную европейскую страну — Россию. Нельзя сказать, чтобы в России существовало рабочее движение, о котором стоило бы говорить. Однако внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы.

В 1861 г. правительство Александра II провело освобождение крепостных и превратило огромное большинство русского народа из крепостных людей, прикрепленных к земле и обязанных к принудительному труду на своих помещиков, — в свободных крестьян-собственников. Эта реформа, необходимость которой была уже давно очевидна, была проведена таким образом, что ни прежние помещики, ни прежние крепостные не оказались при этом в выигрыше. Крестьянские общины получили земельные наделы, которые должны были впредь стать их собственностью, между тем как помещикам должна была быть возмещена стоимость уступленной крестьянам земли, а также в некоторой мере и право на труд крестьян, которым они до сих пор пользовались. Так как у крестьян явно не было денег на выплату помещикам, то в дело вмешалось государство. Часть этого выкупа была покрыта путем передачи помещику части той земли, которую крестьяне обрабатывали до тех пор самостоятельно; остаток же выплачивался в форме правительственных обязательств, авансированных государством, которые должны были быть с процентами оплачены крестьянами в рассрочку, ежегодными платежами. Большинство помещиков распродавало эти обязательства и растратило деньги; помещики, таким образом, не только стали теперь беднее, чем были прежде, но и не могут найти работников для обработки своих имений, ибо крестьяне действительно отказываются на них работать и оставлять невозделанными свои собственные поля. Что касается крестьян, то их земельные наделы не только уменьшились в объеме по сравнению с тем, что было у них раньше, причем часто до таких размеров, которые в русских условиях недостаточны для прокормления семьи; наделы эти большей частью составлялись из наихудшей в поместьи земли, из болот или других непригод-

ных участков, между тем как хорошая земля, принадлежавшая ранее крестьянам и улучшенная благодаря их труду, передавалась помещикам. В этих условиях положение крестьян стало также значительно хуже прежнего; но, несмотря на это, от них требовалось ежегодно выплачивать правительству проценты и часть капитала, который ссудило им государство для выкупа, а кроме того, из года в год увеличивались взимаемые с них подати. Далее, до освобождения крестьяне имели некоторые общинные права на помещичьей земле: право выпаса для своего скота, право на порубку леса для построек и других целей и т. п. При новом порядке они были определенно лишены этих прав; если они хотели вновь ими пользоваться, то им приходилось торговаться с прежним своим помещиком.

Таким образом, меж тем как большинство помещиков в результате реформы еще больше прежнего залуталось в долгах, крестьянство было доведено до такого положения, при котором невозможно ни жить, ни умереть. Великий освободительный акт, столь единодушно превознесенный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции.

Правительство, со своей стороны, делало все возможное для ускорения этой революции. Взятничество, которое проникает во все официальные круги и которое парализует всякие добрые намерения, какие можно было бы предполагать, — это наследственное взяточничество сохранялось в такой же, как всегда, отвратительной форме, а когда разразилась турецкая война, оно обнаружилось с ослепительной яркостью в каждом общественном учреждении. Финансы империи, пришедшие в полное расстройство к концу Крымской войны, стали ухудшаться все более и более. За одним займом заключали другой, так что не было уже другого средства оплатить проценты по старым долгам, как только заключая новые займы. В течение первых лет царствования Александра исконный императорский деспотизм был несколько смягчен; было предоставлено больше свободы печати, был введен суд присяжных, а представительным учреждениям, избираемым соответственно дворянством, городскими буржуа и крестьянами, было позволено принимать некоторое участие в местном и провинциальном управлении. Началось некоторое политическое кокетничанье даже с поляками. Однако публика ошиблась насчет благожелательных намерений правительства. Печать стала слишком откровенной. Присяжные стали и в самом деле оправдывать политических заключенных, относительно которых правительство ожидало осуждения даже без всяких улик. Местные и провинциальные собрания одно за другим заявляли, что правительство своим освободительным актом разорило деревню и что дальше так дело продолжаться не мо-

жет. Стали даже намекать на Национальное собрание, как на единственное средство избавиться от беспорядков, ставших почти невыносимыми. И, наконец, поляки не захотели больше, чтобы их водили за нос красивыми словами, и подняли такое восстание, что понадобились все силы империи и вся свирепость русских генералов, чтобы потопить его в потоках крови. Тогда правительство снова повернуло назад. Суровые репрессии вновь стали в порядок дня. Печати заткнули рот; политические заключенные были переданы особым судам, состоящим из подобранных для этой цели судей; с местными и провинциальными собраниями перестали считаться. Но было уже поздно. Проявив однажды признаки испуга, правительство потеряло свой престиж. Вера в его непоколебимость и способность решительно сокрушить всякое внутреннее сопротивление исчезла. Появились зародыши будущего общественного мнения. Эти силы уже не могут быть снова сведены к прежнему слепому повиновению указке правительства. Обсуждение общественных вопросов, хотя бы в частном кругу, вошло в привычку в среде образованных классов. Наконец, и правительство, при всем своем стремлении возвратиться к разнузданному деспотизму царствования Николая, все же претендовало сохранять, пред лицом Европы, видимость либерализма, введенного Александром. Следствием этого явилась система колебаний и нерешительности: сегодня делают уступки, завтра берут их обратно, потом снова, попеременно, наполовину допускают, наполовину берут обратно, — политика, меняющаяся с часу на час, делающая очевидной для каждого внутреннюю слабость, недостаток разума и воли со стороны этого правительства, которое было нулем, если оно не обладало волей и средствами для проведения своей воли. Что же могло быть естественнее того, что с каждым днем возрастало презрение, возбуждаемое правительством, о котором уже давно знали, что ни к чему путному оно не способно и что ему повинуются только из страха, правительством, которое теперь показало, что оно само сомневалось в своей способности поддерживать собственное существование, что оно испытывало по меньшей мере такой же страх перед народом, какой народ испытывал перед ним? Для русского правительства оставался только один путь спасения, — путь, открывающийся перед всяким правительством, оказавшимся лицом к лицу с непреодолимым сопротивлением народа, — внешняя война. И оно решилось на внешнюю войну; Европе было объявлено, что эта война предпринята для освобождения христиан от долготого хозяйничанья турок, а русскому народу заявили, что войну ведут для возвращения единоплеменных братьев-славян из-под турецкого ига в лоно священной Российской империи.

После долгих месяцев бесславных поражений, война эта теперь доведена до конца столь же бесславным подавлением ту-

рецкого сопротивления — отчасти путем предательства, отчасти вследствие громадного численного превосходства. Но русское завоевание большей части Европейской Турции само является только прелюдией общеевропейской войны. Либо на предстоящей европейской конференции (если эта конференция вообще соберется) России придется отступить от ныне завоеванных позиций до такой степени, что несоответствие между громадными жертвами и ничтожными результатами должно будет довести народное недовольство до неистового революционного взрыва, либо же Россия должна будет отстаивать свои новозавоеванные позиции в европейской войне. Истощенное уже сейчас более чем наполовину, русское правительство не сможет выдержать такой войны, — каков бы ни был ее конечный результат, — без существенных уступок народу. А такие уступки при вышеописанной ситуации означают начало революции. Избежать этой революции русское правительство не в состоянии, если даже ему и удастся задержать ее взрыв на год, на два. Но русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она означает исчезновение обширной, хотя и неуклюжей военной державы, которая со времен Французской революции являлась стержнем объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, ибо Пруссия всегда была кратурой России и существовала, лишь опираясь на нее. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение мелких славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма, взлелеянных среди них нынешним русским правительством. И она означает начало активной национальной жизни внутри самого русского народа, а вместе с тем возникновение настоящего движения рабочего класса в России. Словом, она означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда.

Напечатано в «The Labor Standard»,
Нью-Йорк, 3, 17, 24 и 31 марта 1878 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. XV, стр. 391—410.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ.

в Цюрих.

(Лондон) 17 июня 1879 г.

[Черновик]

В ответ на Ваше письмо от 13-го, полученное мною только вчера, я с сожалением должен сообщить, что не могу назвать Вам никого, кто был бы в состоянии написать нужные статьи действительно надлежащим образом*.

Английское рабочее движение в течение ряда лет безвыходно вращается в узком кругу стачечной борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, причем эти стачки рассматриваются не как временная мера и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель. Тред-юнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как класса. Рабочие делятся в политическом отношении на консерваторов и либерал-радикалов, на сторонников министерства Дизраэли (Биконсфильда) и сторонников министерства Гладстона. О рабочем движении в Англии можно, следовательно, говорить лишь постольку, поскольку здесь бывают стачки, которые, кончаются ли они победой или нет, не могут подвинуть движение ни на шаг вперед. Когда подобные стачки, которые, к тому же, в последние годы застоя в делах зачастую намеренно вызывались самими капиталистами, искавшими предлога, чтобы закрыть свои фабрики, — когда эти стачки, при которых рабочий класс не двигается с места, раздуваются до размеров всемирно-историче-

* 13 июня 1879 г. Бернштейн от имени редакции «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» сообщил Энгельсу, что редакция уже приступила к изданию «Jahrbuch», который будет выходить по частям два—три раза в год. «Кроме ряда социалистических работ и рецензий — писал Бернштейн, там также должны печататься обзоры социалистического рабочего движения в разных странах. Мы обратились к Ф[ридриху] Мильке с просьбой рекомендовать нам кого-нибудь для составления этих обзоров по Англии, но наши два письма остались без ответа. Мы поэтому берем на себя смелость обратиться к Вам с той же просьбой». — *Red.*

ской борьбы, как это делает, например, здешняя «Freiheit», то это, на мой взгляд, может только повредить делу. Не следует замалчивать то обстоятельство, что подлинного рабочего движения, в континентальном смысле слова, здесь в настоящий момент не существует, и поэтому я думаю, что Вы не много потеряете, если не будете пока получать отчетов о деятельности здешних тред-юнионов.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. XXVII, стр. 36.

Ф. ЭНГЕЛЬС,

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Таков был лозунг английского рабочего движения в течение последних пятидесяти лет. Он сослужил хорошую службу в период роста тред-юнионов, после отмены в 1824 г. гнусных законов о союзах; он сослужил еще лучшую службу в период славного чартистского движения, когда английские рабочие шли во главе европейского рабочего класса. Но времена меняются, и многое из того, что было желательным и необходимо пятьдесят, даже тридцать лет тому назад, — теперь устарело и было бы совершенно неуместно. Не относится ли это и к данному, освященному временем лозунгу?

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день? Но что такое справедливая заработная плата и что такое справедливый рабочий день? Как определяются они теми законами, при которых живет и развивается современное общество? Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться не к науке о нравственности или о праве и не к сентиментальному чувству гуманности, справедливости или хотя бы милосердия. То, что справедливо с точки зрения нравственности или даже права, может оказаться далеко не справедливым в социальном отношении. Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одною наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена и название которой — политическая экономия.

Что же называет политическая экономия справедливой заработной платой и справедливым рабочим днем? Просто размер заработной платы и продолжительность и интенсивность рабочего дня, которые определяются конкуренцией между предпринимателем и рабочим на вольном рынке. И что же они собою представляют, если исходить из этого определения?

Справедливая заработная плата, при нормальных условиях, есть та сумма, которая нужна, чтобы обеспечить рабочему средства существования, необходимые, соответственно уровню жизни в его положении и в данной стране, для поддержания

его работоспособности и для продолжения его рода. Действительные размеры заработной платы при колебаниях производства могут быть то выше, то ниже этой суммы; но эта сумма при нормальных условиях должна оказаться средней равнодействующей всех отклонений.

Справедливый рабочий день есть та продолжительность рабочего дня и та интенсивность работы, при которых в течение дня полностью расходуется рабочая сила рабочего, но расходуется так, чтобы не повредить его способности выполнять такое же количество труда и завтра и в следующие дни.

Сделка, стало быть, состоит в следующем: рабочий предоставляет капиталисту всю свою однодневную рабочую силу, т. е. такое ее количество, какое он может дать, не исключив возможности непрерывного возобновления сделки. В обмен он получает как раз столько, и не более, необходимых для жизни предметов, сколько требуется для того, чтобы эта сделка могла ежедневно повторяться. Рабочий дает максимум, капиталист дает минимум того, что допускает самая природа сделки. Справедливость, как видите, весьма своеобразная.

Но вникнем в дело несколько глубже. Так как, по учению экономистов, заработная плата и рабочий день определяются конкуренцией, справедливость, очевидно, требует, чтобы обе стороны были с самого начала поставлены в одинаковые условия. А этого-то и нет. Если капиталист не договорится с рабочим, он в состоянии ждать, живя на свой капитал. Для рабочего это невозможно. Кроме заработной платы, ему жить не на что, и поэтому он вынужден брать работу тогда, там и на тех условиях, на которых он может ее получить. Рабочий с самого начала оказывается в неблагоприятных условиях борьбы. Голод ставит его в страшно невыгодное положение. А между тем, согласно политической экономии класса капиталистов, в этом-то и заключается верх справедливости.

Но это еще сущие пустяки. Применение механической силы и машин в новых производствах, а также распространение и усовершенствование машин в тех производствах, где они уже применялись, лишают работы все большее и большее количество «рабочих рук»; и происходит это гораздо быстрее, чем вытесненные «рабочие руки» могут снова найти работу на фабриках страны. Эти вытесняемые «рабочие руки» образуют подлинную промышленную резервную армию, которой пользуется капитал. Если дела в промышленности плохи, они могут умирать с голода, просить милостыню, воровать или отправляться в рабочий дом; если дела в промышленности хороши, они всегда под рукою для расширения производства; и до тех пор, пока последний из мужчин, женщин и детей, составляющих эту резервную армию, не найдет работы, — что случается лишь в периоды особо интенсивного производства, — до тех пор конку-

ренция этой резервной армии будет понижать заработную плату, и одно уж ее существование будет укреплять силу капитала в его борьбе против труда. В состязании с капиталом труд не только поставлен в невыгодное положение, но ему еще приходится владеть прикованное к его ноге чугунное ядро. А между тем, согласно политической экономии капиталистов, это справедливо.

Но выясним, из какого же фонда платит капитал эту столь справедливую заработную плату. Конечно, из капитала. Но капитал не производит стоимости. Помимо земли, труд — единственный источник богатства; сам капитал есть не что иное, как накопленный продукт труда. Таким образом, плата за труд уплачивается из труда же, и рабочий оплачивается из своей собственной продукции. Согласно тому, что мы можем назвать обычной справедливостью, заработная плата рабочего должна соответствовать продукту его труда. Но согласно политической экономии это не было бы справедливо. Наоборот, продукт труда рабочего достается капиталисту, а рабочий получает из него не более того, что совершенно необходимо для жизни. Таким образом, в результате этого необыкновенно «справедливого» состязания, продукт труда тех, кто трудится, неизбежно накапливается в руках тех, кто не трудится, и становится в их руках могущественнейшим орудием порабощения тех самых людей, которые его произвели.

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день! Многое можно было бы сказать и о справедливом рабочем дне, справедливость которого точь в точь такого же рода, как и справедливость заработной платы. Но это придется отложить до другого раза. Из того, что сказано, совершенно ясно, что старый лозунг отжил свой век и в наше время не выдерживает критики. Справедливость политической экономии, поскольку последняя верно формулирует законы, управляющие нынешним обществом, эта справедливость оказывается вся на одной стороне — на стороне капитала. Так похороним же навеки старый лозунг и заменим его другим:

Средства труда — сырье, фабрики, машины — во владение самих рабочих!

Напечатана в «The Labour Standard»
от 7 мая 1881 г. в качестве передовой.

Без подписи*.

* Об авторстве Энгельса в отношении всей этой серии статей (настоящий сборник стр. 208—220. — *Ред.*) из «Labour Standard» см. письмо Энгельса к Марксу от 11 августа 1881 года. — *Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.*

Ф. ЭНГЕЛЬС.

СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА.

В предыдущей статье мы рассмотрели освященный временем лозунг «справедливая заработная плата за справедливый рабочий день» и пришли к заключению, что при нынешних социальных условиях самая справедливая заработная плата неизбежно соответствует самому несправедливому распределению продукта труда рабочего, так как большая часть этого продукта идет в карман капиталисту, а рабочему приходится довольствоваться лишь такой долей, которая дает ему возможность поддерживать свою трудоспособность и продолжать свой род.

Это — закон политической экономии или, другими словами, закон нынешней экономической организации общества, и закон этот сильнее всех писанных и неписанных английских законов, вместе взятых, включая и суд лорда-канцлера. Пока общество разделено на два враждебных класса: с одной стороны — капиталистов, монополизировавших все средства производства, землю, сырье, машины, с другой стороны — трудящихся, рабочих, лишенных всякой собственности на средства производства, не владеющих ничем, кроме собственной рабочей силы, — пока существует эта общественная организация, закон заработной платы останется всемогущим и будет каждый день заново ковать цепи, превращающие рабочего в раба своей собственной продукции, монополизированной капиталистом.

Английские тред-юнионы уже в течение почти шестидесяти лет борются против этого закона, — а каков результат? Удалось ли им освободить рабочий класс от рабства, в котором держит его капитал, этот продукт его собственных рук? Дали ли они возможность хотя бы части рабочего класса подняться выше положения наемных рабов, стать собственниками своих же средств производства, сырья, инструментов, машин, требующихся в их производстве, и стать таким образом владельцами продукта своего собственного труда? Хорошо известно, что они не только не сделали этого, но никогда и не пытались сделать.

Мы далеки от утверждения, что тред-юнионы бесполезны, потому что не сделали этого. Наоборот, тред-юнионы, как в

Англии, так и во всякой другой промышленной стране, необходимы рабочему классу в его борьбе против капитала. Средний размер заработной платы равен сумме предметов первой необходимости, достаточных для того, чтобы рабочие в той или иной стране могли поддерживать свой род соответственно обычному для этой страны уровню жизни. Этот уровень жизни может быть весьма различен для различных слоев рабочих. Большой заслугой тред-юнионов является то, что, борясь за поддержание на известном уровне размеров заработной платы и за сокращение рабочего дня, они до некоторой степени поддерживают и повышают уровень жизни. В Ист-Энде Лондона есть много производств, в которых труд столь же квалифицирован и так же тяжел, как труд каменщиков и их подручных, а между тем там получают едва половину заработной платы последних. Почему? Просто потому, что одной группе мощная организация дает возможность сохранять сравнительно высокий уровень жизни как норму, которую измеряется ее заработная плата, тогда как другая группа, неорганизованная и бессильная, вынуждена терпеть не только неизбежные, но вдобавок и производные вымогательства своих предпринимателей; ее жизненный уровень постепенно понижается, она приучается жить на все меньшую и меньшую заработную плату, и ее заработная плата, естественно, падает до того уровня, который сама она привыкла считать достаточно высоким.

Итак, закон заработной платы — не такой уж незыблемый закон. В известных пределах он вовсе не является неумолимым. Во всякое время (за исключением периодов глубокой депрессии) для всякой отрасли производства существует определенная амплитуда колебаний, в пределах которой размеры заработной платы могут быть изменены в результате борьбы между враждующими сторонами. Заработная плата в каждом отдельном случае устанавливается путем торга, а при торге тот, кто оказывает более длительное и успешное сопротивление, имеет лучшие шансы получить больше, чем ему полагается. Если торг с капиталистом пытается вести изолированный рабочий, то его одолеть легко, и ему приходится сдаться на милость врага; но если рабочие целой отрасли производства образуют мощную организацию, собирают общими силами денежный фонд, дающий им возможность в случае надобности выдержать бой со своими предпринимателями, и благодаря этому могут вести переговоры с этими предпринимателями как определенная сила, — тогда, и только тогда, у них есть шанс получить хотя бы то жалкое подаяние, которое при нынешнем экономическом строе общества можно назвать справедливой заработной платой за справедливый рабочий день.

Закон заработной платы не нарушается в результате борьбы, которую ведут тред-юнионы. Наоборот, он выполняется благо-

даря им. Не обладая теми средствами сопротивления, которые дают тред-юнионы, рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить по законам системы наемного труда. Лишь угроза, которую представляют собою тред-юнионы, может заставить капиталиста платить полную рыночную стоимость рабочей силы его рабочего. Вам нужны доказательства? Взгляните на заработную плату, выплачиваемую членам крупных тред-юнионов, и на заработную плату, выплачиваемую в бесчисленных мелких производствах в Ист-Энде Лондона, этом омуте беспросветной нищеты.

Итак, тред-юнионы не покушаются на систему наемного труда. Но экономическая деградация рабочего класса обуславливается не высокой или низкой заработной платой, — эта деградация заключается в том факте, что вместо того, чтобы получать за свой труд полный продукт этого труда, рабочий класс вынужден довольствоваться частью своей собственной продукции, именуемой заработной платой. Капиталист заграбает себе всю продукцию (уплачивая из нее заработную плату рабочему), потому что он является собственником средств труда. И поэтому подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда — земли, сырья, машин и т. д., — а тем самым и собственником *всего продукта своего собственного труда*.

Напечатана в «The Labour Standard» от 21 мая 1881 г. в качестве передовой.

Без подписи.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 560—562.

Ф. ЭНГЕЛЬС.
ТРЕД-ЮНИОНЫ.

I.

В предыдущей статье мы рассмотрели деятельность тред-юнионов, поскольку они в борьбе с предпринимателями добиваются выполнения экономического закона заработной платы. Мы возвращаемся к этому вопросу, так как в высшей степени важно, чтобы рабочий класс в целом вполне понимал его.

Мы полагаем, что ни одному английскому рабочему в настоящее время не нужно разъяснять, что в интересах как отдельного капиталиста, так и класса капиталистов в целом, — как можно больше снизить заработную плату. Продукт труда, за вычетом всех издержек, разделяется, как неопровержимо доказал Давид Рикардо, на две доли: одну долю составляет заработная плата рабочего, другую — прибыль капиталиста. А так как в каждом отдельном случае этот чистый продукт труда есть некоторая определенная величина, то ясно, что доля, именуемая прибылью, не может быть увеличена без уменьшения доли, именуемой заработной платой. Отрицать, что в интересах капиталиста — снижать заработную плату, это все равно что утверждать, будто не в его интересах — увеличивать свою прибыль.

Мы очень хорошо знаем, что существуют и другие способы временно увеличивать прибыль, но они не изменяют общего закона, и поэтому здесь нам нет нужды ими заниматься.

Каким же образом капиталисты могут понижать заработную плату, если размер заработной платы определяется точным и вполне определенным социально-экономическим законом? Экономический закон заработной платы существует, и он неопровержим. Но он, как мы видели, эластичен, и притом двояко. Уровень заработной платы в отдельной отрасли производства можно снизить либо прямо, причая постепенно рабочих этого производства к более низкому уровню жизни, либо же косвенно, увеличивая рабочий день (или интенсивность труда в течение того же рабочего дня) без увеличения платы.

Заинтересованность каждого отдельного капиталиста в увеличении своей прибыли путем снижения заработной платы его рабочих получает новый стимул вследствие конкуренции между капиталистами одной и той же отрасли производства. Каждый из них старается продавать дешевле своих конкурентов, и, чтобы не жертвовать своей прибылью, он должен стараться снизить заработную плату. Таким образом, давление на размеры заработной платы, производимое в интересах каждого отдельного капиталиста, вдесятеро увеличивается вследствие конкуренции между ними. То, что прежде было вопросом получения большей или меньшей прибыли, теперь становится вопросом необходимости.

Против этого постоянного, непрекращающегося давления неорганизованный труд не имеет никаких сколько-нибудь действительных средств сопротивления. Поэтому в тех отраслях производства, где рабочие не организованы, заработная плата имеет постоянную тенденцию падать, а продолжительность рабочего дня имеет постоянную тенденцию увеличиваться. Этот процесс идет медленно, но верно. В периоды процветания он может по временам прерываться, но затем в периоды промышленного застоя он еще более ускоряется. Рабочие постепенно привыкают к все более и более низкому уровню жизни. В то время как продолжительность рабочего дня все более приближается к максимуму, заработная плата подвигается все ближе и ближе к своему абсолютному минимуму, — к сумме, ниже которой для рабочего становится абсолютно невозможно жить и продолжать свой род.

Временное исключение из этого правила наблюдалось в начале нашего века *. Быстрое распространение пара и машин не поспевало за еще более быстрым ростом спроса на изготавливаемую с их помощью продукцию. Заработная плата в этих отраслях производства, за исключением заработной платы детей, продававшихся фабриканту из рабочего дома, была обычно высока; плата за такой квалифицированный ручной труд, без которого нельзя было обойтись, бывала очень высока; тогдашние заработки красильщиков, механиков, закройщиков по бархату, прядильщиков, пользовавшихся ручной мюльмашиной, кажутся теперь баснословными. В то же время в тех отраслях промышленности, где рабочих вытесняла машина, они медленно умирали с голоду. Но новоизобретенные машины вытесняли шаг за шагом и хорошо оплачиваемых рабочих; изобретались машины, изготавливавшие машины, и притом так быстро, что предложение товаров, произведенных при помощи машин, стало не только соответствовать спросу, но даже превышать его. Когда всеобщий мир в 1815 г. восстановил нормальную торгов-

* Т. е. XIX века. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

лю, начались десятилетние периоды колебаний между процветанием, перепроизводством и коммерческой паникой. Все те преимущества, которые рабочие сохранили от старых времен процветания и которые они, быть может, даже приумножали в период особо интенсивного производства, отнимались у них теперь в период промышленного застоя и паники; и вскоре фабричное население Англии было подчинено тому общему закону, согласно которому заработная плата неорганизованных рабочих постоянно стремится к абсолютному минимуму.

Но тем временем в дело вмешались тред-юнионы, узаконенные в 1824 г., и это вмешательство было весьма своевременным. Капиталисты всегда организованы. В большинстве случаев они не нуждаются ни в формальных союзах, ни в правилах, ни в должностных лицах и т. д. Их немногочисленность по сравнению с рабочими, тот факт, что они образуют особый класс, их постоянные общественные и коммерческие сношения — заменяют им все это. Лишь впоследствии, когда та или иная отрасль фабричного производства получает преобладание в целом районе, — как, например, хлопчатобумажное производство в Ланкашире, — возникает необходимость в таком формальном тред-юнионе капиталистов. С другой стороны, рабочие с самого начала не могут обойтись без сильной организации с твердо установленными правилами и с предоставлением полномочий должностным лицам и комитетам. Закон 1824 г. сделал эти организации легальными. С тех пор труд стал в Англии силой. Прежде беспомощная, разъединенная масса теперь сплотилась. К мощи, созданной единством и совместной деятельностью, вскоре добавилась сила изрядно наполненной кассы, «фонд сопротивления», как выразительно называют ее наши французские братья. Тут уж все положение совершенно изменилось. Позволить себе снизить заработную плату или удлинить рабочий день стало для капиталиста рискованным делом.

Этим объясняются яростные нападки класса капиталистов того времени на тред-юнионы. Стародавнюю практику угнетения рабочего класса этот класс всегда считал своим неотъемлемым правом и законной привилегией. Теперь этому пришел конец. Не удивительно, что они громко выражали свое негодование и считали, по меньшей мере так же, как считают в настоящее время ирландские лендлорды, что их правам и собственности нанесен огромный ущерб.

Опыт шестидесятилетней борьбы несколько образумил их. Тред-юнионы стали теперь признанными учреждениями, и деятельность их в качестве одного из регуляторов заработной платы признана в такой же мере, в какой признано действие фабричных законов как регуляторов продолжительности рабочего дня. Более того, хлопчатобумажные фабриканты в Лан-

кашире в последнее время даже сами позаимствовали кое-что у рабочих и теперь умеют, когда это в их интересах, организовать стачку не хуже, а то даже и лучше, чем любой тред-юнион.

Таким образом, именно благодаря деятельности тред-юнионов и вопреки предпринимателям, соблюдается закон заработной платы; благодаря деятельности тред-юнионов рабочие хорошо организованной отрасли производства имеют возможность получать, по крайней мере приблизительно, полную стоимость рабочей силы, которую они отдают в наем своему предпринимателю; благодаря той же деятельности достигается при помощи государственных законов то, что рабочий день хотя бы не слишком превышает ту максимальную продолжительность, за пределами которой рабочая сила преждевременно истощается. Это, однако, крайний предел того, чего тред-юнионы, при нынешней их организации, могут надеяться достигнуть, да и то — лишь посредством постоянной борьбы, при огромной затрате сил и средств; к тому же колебания в ходе производства по крайней мере раз в каждые десять лет разрушают все, что было завоевано, и борьбу приходится начинать сначала. Это — порочный круг, из которого нет выхода. Рабочий класс остается тем, чем он был и чем не боялись называть его наши предки чартисты, — классом наемных рабов. Неужели только таков и будет конечный итог всех этих усилий, самопожертвования и страданий? Неужели только это и будет всегда высшей целью британских рабочих? Или же рабочий класс Англии попытается, наконец, вырваться из этого порочного круга и найти выход в движении, направленном к уничтожению самой системы наемного труда?

В следующей статье мы рассмотрим роль тред-юнионов как организаторов рабочего класса.

II.

До сих пор мы рассматривали функции тред-юнионов лишь постольку, поскольку они содействуют регулированию размеров заработной платы и обеспечивают рабочему в его борьбе против капитала хотя бы некоторые средства сопротивления. Но эта сторона дела не исчерпывает нашего предмета.

Мы говорили о борьбе рабочего против капитала. Борьба эта существует, сколько бы ни отрицали это апологеты капитала. Она будет существовать до тех пор, пока снижение заработной платы будет самым надежным и самым легким способом увеличения прибыли, более того, пока будет существовать сама система наемного труда. Самое существование тред-юнионов является тому достаточным доказательством; если они созданы не для того, чтобы бороться против требований со стороны

капитала, то для чего же они созданы? Давайте говорить начистоту. Никакие слащавые фразы не могут скрыть того неприятного факта, что современное общество разделяется в основном на два больших антагонистических класса — на капиталистов, владеющих всеми средствами, необходимыми для применения труда, с одной стороны, и на рабочих, не владеющих ничем, кроме своей собственной рабочей силы, с другой. Продукт труда этого последнего класса приходится делить между обоими классами, и из-за этого-то дележа и идет постоянная борьба. Каждый класс стремится получить как можно большую долю; и самое курьезное в этой борьбе то, что, когда рабочий класс борется за получение лишь части своей собственной продукции, его нередко обвиняют в том, будто он грабит капиталиста!

Но борьба между двумя большими общественными классами неизбежно становится борьбой политической. Такова была долгая борьба между буржуазией или классом капиталистов и земельной аристократией; такова и борьба между рабочим классом и теми же капиталистами. Во всякой борьбе класса против класса ближайшей целью борьбы является политическая власть; правящий класс защищает свое политическое господство, — иначе говоря, свое надежное большинство в законодательных органах; низший класс борется сперва за долю этой власти, а затем за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам. Так, рабочий класс Великобритании ревностно, и прибегая даже к насилию, годами боролся за Народную хартию, которая должна была дать ему эту политическую власть; он потерпел поражение, но борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она бывала очень довольна уж тем, что ценою все новых и новых уступок рабочим покупала продление перемирия.

В политической борьбе класса против класса важнейшим оружием является организация. И по мере того как распадалась чисто политическая или чартистская организация, организация тред-юнионов становилась все сильнее и сильнее, и в настоящее время достигла такой степени мощи, что с нею не может сравниться ни одна рабочая организация других стран. Нескольким крупным тред-юнионов, охватывающих от одного до двух миллионов рабочих и подкрепленных меньшими или местными союзами, представляют собою силу, с которою вынуждено считаться всякое правительство господствующего класса, будь то виги или тори.

Соответственно традициям, установившимся при возникновении и развитии этих могущественных организаций в Англии, их деятельность ограничивалась до сих пор почти исключительно регулированием заработной платы и рабочего дня и тре-

бованием отмены законов, открыто направленных против рабочих. Как указано выше, они делали это с успехом, вполне соответствовавшим тому, чего они были в праве ожидать. Но они достигли большего: правящий класс, который лучше, чем они сами, знает их силу, сам пошел им навстречу. Дав избирательное право квартиронанимателям, Дизраэли предоставил право голоса не менее, чем половине организованного рабочего класса. Разве он внес бы этот проект, если бы не предполагал, что эти новые избиратели выразят свою собственную волю, что они перестанут идти на поводу у либеральных буржуазных политиков? Разве мог бы он провести этот проект, если бы рабочие, управляя своими огромными профессиональными союзами, не доказали своей способности к административной и политической деятельности?

Именно это мероприятие открыло новые перспективы для рабочего класса. Оно дало ему большинство в Лондоне и во всех фабричных городах и, таким образом, позволило ему начать борьбу против капитала новым оружием, посылая в парламент представителей своего собственного класса. Но здесь-то и приходится, к сожалению, сказать, что тред-юнионы забыли свои обязанности как передового опряда рабочего класса. Уже более десяти лет находится в их руках это новое оружие, но едва ли хоть раз они обнажили его. А им не следовало бы забывать, что они не смогут сохранить занимаемое ими теперь положение, если не будут действительно идти в авангарде рабочего класса. Немыслимо, чтобы рабочий класс Англии, имея возможность посылать в парламент сорок или пятьдесят рабочих, все же вечно удовлетворялся тем, что его представляют капиталисты или их приказчики, вроде юристов, издателей и т. п.

Мало того: судя по многим признакам, в рабочем классе Англии просыпается сознание того, что последнее время он идет по ложному пути; что нынешнее движение, исключительной целью которого является повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, держит его в порочном кругу, из которого нет выхода; что основным злом является не низкий уровень заработной платы, а сама система наемного труда. Как только понимание этого станет среди рабочего класса общераспространенным, — положение тред-юнионов должно будет существенно измениться. У них отнимется их нынешняя выгодная роль — роль единственных организаций рабочего класса. Наряду с союзами отдельных профессий или над этими союзами должен будет возникнуть общий союз, политическая организация рабочего класса как целого.

Итак, организованным тред-юнионам следует хорошенько учесть два обстоятельства: во-первых, что быстро приближается время, когда рабочий класс Англии недвусмысленным об-

разом потребует полной доли своего представительства в парламенте. Во-вторых, что столь же быстро приближается время, когда рабочий класс поймет, что борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в ее нынешнем виде, является не самоцелью, а лишь средством, пусть средством необходимым и действительным, но все же только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к уничтожению всей системы наемного труда.

Для полного представительства труда в парламенте, равно как и для подготовки к уничтожению системы наемного труда, станет необходима организация не отдельных профессий, а рабочего класса как целого. И чем скорее такая организация будет создана, тем лучше. Нет в мире той силы, которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, организованному как единое целое.

*Напечатаны в «The Labour Standard»
от 28 мая и от 4 июня 1881 г.
в качестве передовых.*

Без подписи.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XV, стр. 563—569.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО Дж. ШИПТОНУ

в Лондон.

Бридлингтон Кд, 10 августа 1881 г.

Дорогой г. Шиптон!

Возвращаю корректурные листы, измененные в соответствии с Вашим желанием. Первый отрывок Вы, как мне кажется, неправильно поняли, а вторая поправка носит лишь формальный характер. Во всяком случае, я не понимаю, какую пользу могут принести подобные исправления, если они требуются ко вторнику, получены здесь в среду, а вернутся обратно в Лондон в четверг, после того, как газета будет напечатана.

Но дело здесь не в этом. Если такие *очень* мягкие и невинные вещи начинают казаться Вам слишком резкими, то это неизбежно наводит меня на мысль, что то же самое будет и с моими собственными статьями, которые обычно бывают гораздо более резкими. Я вынужден поэтому считать Ваши замечания симптоматическими и сделать вывод, что лучше будет для нас обоих, если я перестану Вам посылать передовые статьи. Это будет гораздо лучше, чем продолжать до того неизбежного момента, пока мы не придем к открытому разрыву. Кроме того, недостаток времени мне безусловно не позволит в дальнейшем писать передовицы регулярно, и в силу одного этого мотива я еще раньше пришел к выводу о необходимости такого решения и думал привести его в исполнение после конгресса тред-юнионов. Но чем скорее я перестану для Вас писать, тем, пожалуй, будет лучше Ваше положение перед этим конгрессом.

Затем еще один пункт: я считаю, что прежде чем опубликовать статью о профессиональных союзах Макса Гирша в Германии, Вы должны были прислать мне контрольный оттиск статьи, как единственному человеку среди Ваших сотрудников, который что-нибудь смыслит в этом вопросе и мог бы сделать необходимые замечания. Как бы то ни было, для меня невозможно оставаться сотрудником газеты, которая, не посовето-

вавшись со мной, поощряет восхваления этих профессиональных союзов, которые можно сравнить только с теми наихудшими английскими тред-юнионами, которые позволяют руководить собою людям, открыто продавшимся буржуазии или, по меньшей мере, оплачиваемым ею.

Излишне добавлять, что независимо от этого я желаю дальнейших успехов «Labour Standard» и, если угодно, буду время от времени присылать Вам случайную информацию с континента.

Уважающий Вас

Ф. Э.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Т. XXVII, стр. 142—143.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ

в Цюрих.

Лондон, 28 ноября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Прежде всего большое спасибо за сведения об огосударственных железных дорогах. Этого вполне достаточно. От Бебеля я получил законопроекты 1882 г. о страховании от несчастных случаев и болезней, но мне необходимы и соответствующие законопроекты 1881 г. в первоначальной формулировке, в которой Бисмарк дает полный простор порыву своей души, страдающей за бедняков; во второй формулировке голосование буржуазных депутатов уже значительно подрезало ему крылья, и это уже не весь Бисмарк целиком.

«Arbeiterstimme» Маркс прежде получал, но, вероятно, не возобновил подписки, и ее больше не присылают.

Статья Фольмара, за исключением нескольких второстепенных пунктов, — чистейшие перепевы Малона. История французского рабочего движения с 1871 г. у него совершенно искажена, и этого нельзя было так пропустить. Например, во второй статье, Гада упрекают в том, что он не примкнул к нескольким мелким кликам (из которых впоследствии вышел «Prolétaire» или же чистые кооператоры, против которых он как раз и вел борьбу)! Как будто группа позднейшего «Prolétaire» вообще приняла бы «нерабочего»! Но главное искажение — это то, которое правильно отмечено Девилем в «Egalité» от 19 ноября («Прошло пять лет», история «Egalité»): борьба на съездах вокруг «коллективистической» программы и *победа этой программы на марсельском съезде в 1879 г.* Об этом Фольмар совершенно умалчивает. Я не могу предположить, чтобы Фольмар умышленно допустил подобную фальсификацию, но не менее трудно понять, как он мог этого не знать и как могут все его сведения по истории французского рабочего движения ограничиваться лишь тем, что Малон нашел нужным ему рассказать.

Умолчав о марсельском съезде, он скрывает от читателя тот важный факт, что Французская рабочая партия три года тому

назад приняла коллективистическую программу и что, следовательно, отход Малона от этой программы является *решительным шагом назад*. Так как необходимо, чтобы наши товарищи в Германии были знакомы с историей французского движения не в таком виде, в каком она должна была бы происходить в угоду нынешним потребностям Малона, а так, как она происходила в действительности, ошибку эту обязательно нужно исправить. По-моему, проще всего это сделать воспользовавшись упомянутой статьей Девилья, именно потому, что она совершенно не носит полемического характера. Если у Вас этой статьи уже нет, сообщите мне открыткой, и я тотчас же ее Вам пришлю.

Пусть, однако, Малон поостережется. Если бы мы вздумали описать его дела и подвиги так же подробно, но только более правильно, как он через Фольмара описывает деятельность Гедда, то ему бы плохо пришлось. У нас сохранились еще все документы, в которых он *высказывался против восстания 18 марта 1871 г.* Он примкнул к движению только впоследствии, когда оказалось, что дело идет лучше, чем он ожидал.

Я справлялся у Лафарга относительно сил обеих фракций. Руанцы имеют в Париже 15 групп, при помощи которых «Egalité» держалась целый месяц, что во всяком случае их очень положительно характеризует. В провинции они, по словам Лафарга, очень сильны. Северная федерация по существу — за них, она не хочет вмешиваться в парижские раздоры, но верна старой коллективистической программе и напечатала ее на первой странице своей «Forçat». Руанцы зовут свой ближайший съезд в Рубе, куда съедутся *все* делегаты севера, и находятся в постоянной тесной связи с Северной федерацией. Другая провинциальная рабочая газета, «L'Exploité de Nantes», тоже напечатала на первой странице старую программу вместе с мотивировочной частью, перепечатывает статьи из «Egalité», и в ней сотрудничает Девиль. Таким образом, только и имеющиеся в провинции *два* рабочих органа — *оба* на стороне руанцев. В провинции, не считая севера, повсюду, где есть рабочие организации, — в Реймсе, Эпине, Лионе, во всем каменноугольном бассейне Алье, в Бордо, Ангулеме, Рошфоре, — мы бьем поссибилистов, которые сильны только в Бретани и в Марселе.

Нет ничего удивительного, что Малон привлекает много народа нищенской похлебкой своих мотивировочных положений без программы. Но когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия. Старые сектанты, с которыми так нежничают Малон—Фольмар, в течение многих лет доказали свое бессилие, и лучше всего дать им спокойно умереть. Синдикальные камеры? Но если мы всякое стачечное общество, которое, подоб-

лю английским тред-юнионам, борется только за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, вообще же плюет на движение, — если мы всех их станем причислять к рабочей партии, то в действительности получится партия, стоящая за *сохранение* наемного труда, а не за его уничтожение. А как мне сообщает Маркс, большинство этих парижских синдикальных камер еще бесцветнее, чем даже английские тред-юнионы. Тем, что в угоду таким людям отказываются от всякой партийной программы, — их нельзя повести вперед. И слыхано ли что-нибудь подобное: партия без программы — партия, за расплывчатыми мотивировочными положениями которой (составленными совершенно в духе коммуниста Микеля, который тоже верит, что через 500 лет коммунизм возможен) следует заключение о том, что каждая группа фабрикует свою собственную частную программу!

Однако, что за польза Малону от синдикальных камер? Они не платят взносов, не посылают делегатов в федеральный совет, они номинально примыкали к федеративному объединению до раскола и номинально примыкают к нему и сейчас; их значение, как выражается Лафарг, чисто платоническое. Они здесь только для декорации. Как обстоит дело с другими группами Малона, видно из следующих слов Лафарга: «В XVII округе наши друзья после съезда организовали группу, в которую тотчас же вошло 29 человек. Чтобы насолить нам, поппобилисты *подразделили* свою группу, состоявшую, как мне передавали, всего из 20 человек, *на пять подгрупп*, объединенных местным федеральным комитетом. Придуманно не плохо, но обманет это только посторонних и тех, кто находится далеко отсюда». Точно так же поступали и бакунисты. Судя по словам Лафарга, поппобилисты действительно сильны только на Монмартре, и там они хорошо организованы.

Быть временно в меньшинстве — организационно — с правильной программой все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников. Мы всю свою жизнь были в меньшинстве и чувствовали себя при этом отлично. А меньшая численность организации в Париже (если это действительно так, в чем я еще далеко не убежден, — поппобилисты не посмели явиться на дискуссионное собрание руанцев по поводу обоих съездов) может быть вдвое и втрое возмещена влиянием прессы.

Как при всем этом Ваши парижские корреспонденты могут видеть в сент-этьенцах «действительную рабочую партию» — для меня непостижимо. Эти люди, во-первых, вовсе не составляют партию и уж меньше всего *рабочую* партию, точно так же как и здешние рабочие. Но они являются в зародыше тем, во что здешние превратились полностью: *хвостом радикальной буржуазной партии*. Единственное, что их связывает, это бур-

жуазный радикализм, — ведь рабочей программы у них никакой нет. И рабочие вожди, которые берутся поставлять для радикалов это стадо рабочих избирателей, совершают, на мой взгляд, *прямое предательство*.

Шутки ради я запросил также и по поводу Ваших замечаний о Годаре. Этот Годар, который называет себя анархистом, как и его учитель Марэ, *сотрудничает в тулузской оппортунистической газете*. Отказать такому человеку в напечатании так называемого опровержения вполне естественно при всяких, а не только при парижских газетных нравах.

Зато наши друзья снова выкинули величайшую глупость, навлекши на себя своим революционным бахвальством преследования, в то время, когда еще не было обеспечено существование газеты. Гед, как Вы знаете, арестован, а Лафарг, вероятно, последует за ним. Если эти двое будут сидеть, не станет наиболее активных — не только писателей, но и организаторов. Девиль ленив, Массар в качестве секретаря редакции не плох, но для того чтобы сохранить газету при тяжелых условиях, эти люди едва ли годятся. О трех остальных я уж не говорю. Бриссак и Буи, старые коммунары, являются скорей балластом, а Пикар — заурядный журналист.

Вообще же не давайте себя уговорить, что Гед и Лафарг хотят «обязательно подчинить своему руководству» все организации. Это излюбленный козырь бакунистской тактики, который и вообще постоянно пускается в ход во Франции, когда нет других аргументов.

Отношение «Egalité» к загранице! Если бы Вы только имели представление о том, какой беспорядок в этой редакции и каков в ней уровень знания немецкого языка! Если Лафарг останется на свободе, Вы лучше всего пишите прямо ему — он, по крайней мере, сделает все, что нужно. Ничего другого я не могу посоветовать.

Если Вы хотите использовать резюме моей брошюры, я это вполне одобряю. Заключительное примечание Вы теперь скоро получите. Дело Шмидта великолепно. Поллаки давно уже содержит в Лондоне частное полицейское бюро; в адресной книге оно значится среди осведомительных бюро (всего их имеется 18) — Поллаки, Игнатий Павел, 13 Paddington Green, W. (недалеко от меня), корреспондент «Foreign Police Gazette».

Надеюсь, что мое поздравление по поводу 7-й тысячи тиража опять запоздает. Зато меня сегодня можно поздравить с тем, что мне исполнилось 62 года.

Сердечный привет!

Ваш Ф. Э.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ

в Лейпциг.

Истбери, 30 августа 1883 г.
4, Cavendish Place

Дорогой Бебель!

Пользуюсь спокойной минутой, чтобы написать тебе. В Лондоне — много работы, здесь — много помех (трое взрослых и двое маленьких детей в одной комнате), а к тому еще корректура, просмотр пробного английского перевода и французского популярного изложения «Капитала», — изволь писать письма при таких условиях!

Третье издание, в котором много добавлений, я прокорректировал до 21-го листа; книга выйдет в свет до конца этого года. Как только вернусь, я серьезно засяду за второй том, а это баснословный труд. Наряду с совершенно законченными частями — многие только в набросках, все в черновом виде, за исключением, примерно, двух глав. Цитаты в беспорядке, записаны все вместе, как попало, собраны только для того, чтобы позже сделать из них выборки. К тому же — почерк, в котором, во всяком случае, могу разобраться *один* только я, да и то с трудом. Ты спрашиваешь: как могло случиться, что Маркс именно от меня скрывал, в какой мере закончена работа? Очень просто: если бы я об этом знал, то днем и ночью не давал бы ему покоя, пока книга не была бы вполне закончена и напечатана. И это Маркс знал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись издам я, всецело в его духе, — об этом он говорил и Тусси.

Что касается фотографии, то голова вышла превосходно, поза — несколько принужденная, как на всех его фотографиях; он был плохим «натурщиком». Я не нахожу в снимке ничего вызывающего, но предпочел бы все же, из-за напряженности позы, маленький портрет большому.

Гамбургские выборы вызвали и за границей большую сенса-

цию. Наши вели себя более чем образцово. Такое упорство, выдержка, гибкость, готовность к бою, такая уверенность в победе, и в связи с нею такой юмор в борьбе с мелкими и крупными безобразиями германской действительности, — все это в новейшей германской истории попросту неслыханно. Это выступает особенно внушительно в сравнении с коррупцией, расслабленностью и всеобщей деморализацией всех остальных классов германского общества. В той мере, в какой они обнаруживают свою неспособность к господству, в той же мере блестяще выступает призвание германского пролетариата к господству, его способность опрокинуть всю эту старую пакость.

«Холодный душ», предназначенный Бисмарком для Парижа, становится смешным даже в глазах французских буржуа. Даже такая глупая газета, как «Soir», обнаружила, что дело тут лишь в том, чтобы выторговать в рейхстаге новые кредиты на армию (на этот раз полевая артиллерия). Что касается его дипломатических союзов (он опустил уже до Сербии, Румынии, а теперь даже до Испании), то все это — карточные домики, которые рухнут при первом же дуновении ветра. Если ему повезет, то он обойдется без них, а если не повезет, то они предоставят ему шлепнуться задницей в грязь. Чем мошенник бесовственней, тем больше он верит в честность других и в конце концов поэтому и погибает. С Бисмарком и его внешней политикой дело вряд ли зайдет так далеко, потому что французы не сделают ему одолжения и на союз не согласятся. Разве только царь мог бы с отчаяния сделать такую попытку и при этом свернуть себе шею. Впрочем, надо надеяться, что он еще до того свернет себе шею у себя дома.

Манифест лондонской Демократической федерации издан двумя-тремя десятками мелких союзов, которые по меньшей мере лет двадцать под различными названиями (участники постоянно те же) все снова и снова и все так же безуспешно пытаются добиться того, чтобы их принимали всерьез. Важно только то, что теперь они, наконец, вынуждены открыто признать нашу теорию, которая во времена Интернационала казалась им навязанной извне, и что за последние годы появилось большое количество молодежи из буржуазии, которая, к стыду английских рабочих, лучше разбирается в положении и проявляет больше энтузиазма, чем рабочие. Ведь даже в Демократической федерации рабочие по большей части неохотно и формально принимают новую программу. Вождь Демократической федерации Гайндман — архиконсерватор и крайне шовинистически настроенный, хотя и неглупый карьерист, который прямо таки безобразно вел себя по отношению к Марксу (их познакомил Р. Мейер); поэтому мы и порвали с ним личные отношения. Никому в мире не вздумай поверить, если тебе скажут, что в Англии разворачивается подлинное пролетарское дви-

жение. Я знаю, что Либкнехт хочет убедить в этом себя и весь мир, но это неверно. Элементы, проявляющие в настоящее время активность, смогут приобрести значение, усвоив нашу теоретическую программу и тем самым став на твердую почву, но лишь в том случае, если здесь начнется стихийное рабочее движение и если им удастся этим движением овладеть. До тех пор они — одиночки, за спиной которых — мешанина путанников из различных сект, остатки великого движения 40-х годов и ничего больше. Но настоящее всеобщее рабочее движение возникнет здесь — если не произойдет чего-либо непредвиденного — только тогда, когда рабочие почувствуют, что английская мировая монополия подорвана. Участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической ничтожности английских рабочих. Плетясь в хвосте за капиталистами в деле экономического использования этой монополии, но разделяя все же ее выгоды, рабочие, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии», которая бросает им, со своей стороны, кое-какие мелкие подачки, которая признала за ними право на тред-юнионы и стачки, отказалась от борьбы за неограниченный рабочий день и предоставила избирательное право лучше оплачиваемым рабочим. Но если Америка и объединенная конкуренция остальных промышленных стран пробьют достаточно широкую брешь в этой монополии (по отношению к железу это уже не за горами, по отношению к хлопку, к сожалению, еще далеко), то тебе суждено увидеть многое.

Я просил Либкнехта передать тебе, чтобы ты, если между 12 сентября и нынешним днем будешь где-нибудь вблизи Дармштадта, сообщил об этом Шорлеммеру, который находится там, — он мог бы с тобой тогда повидаться. Но теперь, вероятно, уже поздно об этом говорить. Привет Либкнехту.

Твой Ф. Э.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVII, стр. 328—330.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ИЗ ПИСЬМА А. БЕБЕЛЮ

в Лейпциг.

Лондон, 18 января 1884 г.

... Большое спасибо за твою книгу «Женщина [и социализм]». Я прочел ее с большим интересом, — в ней очень много хорошего. Особенно ясно и хорошо то, что ты говоришь о развитии промышленности в Германии. Я тоже в последнее время немного занимался этим вопросом, и если бы нашлось время, написал бы об этом кое-что в «Социал-Демократ». Странно, что филистеры не понимают, до какой степени столь оплакиваемая «язва бродяжничества» является неизбежным продуктом подъема крупной промышленности при сложившихся в Германии условиях земледельческого и ремесленного труда и как развитие в Германии этой крупной промышленности, — ввиду того, что Германия повсюду оказывается последней, — может протекать только под постоянным давлением неблагоприятной обстановки на рынке. Ибо немцы способны выдерживать конкуренцию лишь при условии более низкой, сведенной до голодного уровня заработной платы и все более и более сильной эксплуатации домашней промышленности, на почве которой развивается фабричная промышленность. Превращение ремесла в домашнюю промышленность и постепенное превращение последней, — поскольку это окупается, — в фабричную и машинную промышленность, — вот что происходит в Германии. Подлинно крупная промышленность существует у нас пока только по железу, в текстильной же промышленности все еще царит ручной станок благодаря голодной заработной плате ткачей и их картофельным огородам.

И в Англии промышленность тоже приобрела другой характер. Десятилетний цикл, повидимому, прорван с тех пор, как, начиная с 1870 г., американская и германская конкуренция кладут конец монополии Англии на мировом рынке. С 1868 г. в основных отраслях господствует стесненное положение при медленно возрастающей продукции, а теперь Америке и Анг-

лии как будто угрожает новый кризис, которому в Англии не предшествовал период процветания. Вот где тайна внезапного, — хотя за последние три года и медленно подготавливавшегося, — но теперь внезапно вспыхнувшего здесь социалистического движения. Организованные рабочие — тред-юнионы — до сих пор держатся от него совершенно в стороне; оно развивается под руководством «образованных», вышедших из буржуазии элементов, которые кое-где, иногда не безуспешно, пытаются войти в соприкосновение с массами. Люди эти в моральном и интеллектуальном отношении очень неравноценны, поэтому пройдет некоторое время, пока они рассортируются и положение станет ясным. Но движение это вряд ли теперь снова совершенно замрет. Генри Джордж с его национализацией земли по всей вероятности сыграет роль метеора, потому что здесь этот вопрос имеет традиционное значение, а кроме того и действительное значение, в связи с гигантскими размерами крупного землевладения. Но в первой в мире промышленной стране дело не может на долгое время ограничиться одним этим. Притом Джордж — настоящий буржуа, и его план — все государственные расходы покрывать земельной рентой — лишь повторяет план рикардовской школы и, стало быть, насквозь буржуазен.

Если хочешь изучить образчик государственного социализма, то возьми *Яву*. Там голландское правительство на основе старых коммунистических сельских общин так «социалистически» организовало все производство и так ловко взяло в свои руки продажу всех продуктов, что кроме приблизительно 100 миллионов марок на жалованье чиновникам и армии ему остается чистого дохода около 70 миллионов марок в год для уплаты процентов несчастным государственным кредиторам Голландии. В сравнении с этим Бисмарк — невинный младенец!

В России так или иначе в течение этого года будет конституция, а тогда может завязаться дело.

Твой Ф. Э.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ИЗ ПИСЬМА А. БЕБЕЛЮ

в Лейпциг.

Лондон, 11 октября 1884 г.

... Чем чаще ты мне будешь писать о положении в Германии, в частности о развитии промышленности, тем лучше для меня. Я не всегда подробно отвечаю тебе, потому что только принимаю твои сообщения к сведению, — тем более, что я смотрю на них, как на единственно заслуживающие безусловного доверия. В общем германская промышленность остается той же, какой была: она производит товары, которые англичанам кажутся слишком мелкими, а французам — слишком заурядными, но производит их, наконец, в большом масштабе. Она живет тем, что: 1) ворует за границей образцы и 2) дарит покупателю прибавочную стоимость в собственном смысле слова, что только и дает ей возможность конкурировать, и выжимает переходящую всякие границы прибавочную стоимость путем давления на заработную плату, что является единственным источником ее существования. Вследствие этого борьба между рабочими и капиталистами, хотя кое-где и замирает (там, где ненормальная заработная плата вошла в привычку), но в большинстве случаев обостряется, так как гнет постоянно усиливается. Во всяком случае, с 1848 г. в Германии происходит промышленная революция, которая еще заставит призадуматься господ буржуа. А теперь — будь здоров.

Твой старый Ф. Э.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVII, стр. 413—414.

Ф. ЭНГЕЛЬС.
ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ
в Лейпциг.

Лондон, 30 декабря 1884 г.

Дорогой Бебель!

Отвечаю на твое письмо тотчас же.

Приятель Зингер усвоил, повидимому, из моих слов лишь то, что гармонировало с его взглядами, — в торговле, где это иногда выгодно, люди быстро научаются этому приему, но в политике, как в науке, следует все же научиться воспринимать вещи объективно.

Во-первых, я сказал Зингеру, что еще далеко не обдумал это дело (лишь накануне, вечером, при чтении «Sozialdemokrat», у меня возникли эти соображения) и то, что я ему говорю, *отнюдь нельзя считать моим окончательным мнением.*

Но затем я сказал ему: *при наличии известных обстоятельств и условий* может конечно оказаться допустимым голосование за, т. е. в том случае, если бы правительство *обязалось* оказать и рабочим государственную помощь, которую оно теперь собирается оказать буржуазии, а именно, если бы оно согласилось на аренду земельных владений рабочими товариществами и т. д. Так как я знаю, что правительство на это не пойдет, то, другими словами, я указал тем, которые *хотели* бы голосовать за, каким образом они *могли бы*, соблюдая приличия и не насилуя себя, голосовать против.

Кроме того, я сказал Зингеру, — это, повидимому, было для него новостью, — что в парламентской жизни можно порою оказаться в таком положении, когда приходится голосовать *против* чего-либо, хотя в душе и желаешь, чтобы большинство оказалось не на твоей стороне.

Но вот вчера я писал Либкнехту по другому поводу и воспользовался случаем, чтобы изложить ему свою уже гораздо более обдуманную и зрелую точку зрения. Во многих отношениях она почти буквально совпадает — при случае прочти это место — с тем, что ты пишешь, хотя письмо твое я получил лишь сегодня утром. Расходимся мы с тобой, коротко говоря, в следующем:

1) Вы — прежде всего экономическая партия. Вы или многие из вас в свое время неумеренно хвастались превосходством партии, но стоило вам на деле столкнуться впервые с экономической проблемой — в прениях по поводу покровительственных

пошлин, — и вы разбрелись в разные стороны. Если это будет повторяться с каждым экономическим вопросом, то для чего вообще существует фракция?

2) Принципиально надо было голосовать против. Это я достаточно ясно сказал Либкнехту. Но как быть, если большинство хочет голосовать за? Тогда единственный выход: заставить их оговорить свой вотум такими условиями, которые оправдали бы его, по крайней мере, в глазах Европы, так как иначе позор неминуем. Но условия эти таковы и могут быть только таковы, что правительство не сможет пойти на них, и, следовательно, большинство фракции, оговорив свой вотум этими условиями, будет лишено возможности голосовать за.

О возможности безоговорочного голосования за то, чтобы гроши рабочих были подарены буржуазии, я, само собой разумеется, никогда и не думал. Но ведь не более допустимо было бы по этому случаю ставить вопрос о доверии к руководству — идти на раскол фракции.

Во всех подобных вопросах, когда приходится считаться с мелкобуржуазными предрассудками избирателей, наилучший путь, по-моему, следующий: заявить, что принципиально мы против, но раз вы требуете от нас положительных предложений и утверждаете, что и рабочие извлекут из этого пользу, — а мы это отрицаем, поскольку речь идет менее чем о микроскопической выгоде, — тогда извольте поставить рабочих и буржуа на равную ногу. За каждый миллион, который вы прямо или косвенно дарите буржуазии из рабочей мощны, рабочие тоже должны получить миллион; то же самое при государственном авансировании. В итоге получается следующее (я привожу только примеры и не касаюсь той формы, какую следовало бы придать этим предложениям в германских условиях, так как для этого я слишком мало знаком с подробностями действующего законодательства):

1) Голосовать за субсидии и авансы рабочим товариществам не с тем и не столько с тем, чтобы учреждать новые предприятия (это только означало бы повторить лассалевское предложение со всеми его недостатками), а с тем, чтобы:

а) арендовать домены, а также и другие земельные владения и обрабатывать их на кооперативных началах;

б) приобретать за свой счет или за счет государства фабрики и т. д., владельцы которых во время кризиса или вследствие банкротства приостановили производство, или фабрики, просто предназначенные к продаже, и вести их на кооперативных началах, подготавливая таким образом постепенный переход всего производства на кооперативные рельсы.

2) Оказывать кооперативам при прочих равных условиях предпочтение перед капиталистами и их ассоциациями на всех публичных торгах, — следовательно, в принципе, передавать по

возможности все общественные работы в руки кооперативов.

3) Устранять все законодательные препятствия и затруднения, стоящие еще на пути свободных товариществ, — следовательно, прежде всего вернуть рабочий класс под защиту общих законов, как бы жалки они ни были, путем отмены закона против социалистов, разрушающего все профессиональные союзы и кооперативные товарищества.

4) Полная свобода для профессиональных союзов (тред-юнионов) и признание их в качестве *юридических лиц* со всеми правами последних.

Требую этого, вы требуете лишь того, чтобы с интересами рабочих и буржуа считались в одинаковой мере; и если субсидии капиталистам якобы призваны поднять промышленность, то ведь субсидии рабочим дадут в этом отношении гораздо больше. Я абсолютно не понимаю, как социал-демократическая фракция могла бы голосовать за нечто подобное *без* такого возмещения. Если вы бросите в народ такого рода требования, то скоро и среди избирателей прекратятся настойчивые вопли о государственной помощи промышленности в виде подарков буржуазии. Все это такие вещи, которые в один день можно повернуть в другую сторону и в течение года пустить в ход, — и тогда поперек дороги будут стоять только буржуазия и правительство. Это все-таки для нашего времени — крупные мероприятия, которые увлекут рабочих совсем по-иному, нежели субсидии пароходным обществам, покровительственные пошлины и т. п. Французы по существу требуют того же самого.

Но тут еще одно обстоятельство, которое выяснилось только теперь: вполне возможно, что исход голосования будет зависеть от социал-демократов. Что за невероятный позор перед всем светом, если буржуазия получит дотацию *благодаря вашим голосам!* Я, по совести говоря, не знаю, что мне тогда сказать французам и здешней публике. А какой триумф это вызовет у анархистов, которые будут ликовать: вот полюбуйтесь, это чистейшие обыватели!

Об остальном поговорю в следующий раз. Мне очень важно, что в данном вопросе ты ни на минуту не сомневался в моей точке зрения. Надеюсь, что перемена в твоих делах прежде всего благоприятно отзывается на твоём здоровье.

Сердечно поздравляю тебя и твою семью с Новым годом.

Твой Ф. Э.

Что денег нехватит, — ясно, как день. Я сказал также Зингеру, что тот, кто в данном случае голосует *за*, должен, оставаясь последовательным, голосовать и за колонии. Что касается денег в этой связи, смотри мое письмо Либкнехту.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

АНГЛИЯ В 1845 и 1885 ГОДАХ.

Сорок лет тому назад Англия стояла перед кризисом, который, по всей видимости, мог быть разрешен только силой. Гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и увеличение спроса. Каждые десять лет рост производства насильственно прерывался общим торговым кризисом, за которым после долгого периода застоя следовала короткая пора процветания, всякий раз кончавшаяся лихорадочным перепроизводством и, наконец, новым крахом. Класс капиталистов громко требовал свободной торговли хлебом и грозил, чтобы добиться этого, отправить голодных жителей городов обратно в те сельские районы, откуда они пришли, отправить их, как выразился Джон Брайт, «не как нищих, выпрашивать кусок хлеба, а как армию на постой к неприятелю». Рабочие массы городов требовали для себя участия в политической власти, Народной хартии; их поддерживало большинство мелкой буржуазии, и единственное разногласие между ними состояло лишь в том, как проводить хартию: путем применения физической или моральной силы. Между тем, наступил торговый кризис 1847 г. и голод в Ирландии, а вместе с ними и перспектива революции.

Французская революция 1848 г. спасла английскую буржуазию. Социалистические лозунги победоносных французских рабочих напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английских рабочих, протекавшее в более узких рамках, но имевшее более практический характер. Как раз когда чартизм должен был бы развернуться во всю свою силу, в нем произошел внутренний надлом, произошел еще раньше, чем наступило 10 апреля 1848 г. — день его внешнего краха. Деятельность рабочего класса была отодвинута на задний план. Класс капиталистов одержал победу по всей линии.

Билль о реформе 1831 г. был победой всего класса капиталистов над земельной аристократией. Отмена хлебных законов была победой *промышленных* капиталистов не только над земельной аристократией, но и над банкирами, биржевиками, рантье и т. д., то есть над теми группами капиталистов, интересы которых были более или менее тождественны или тесно связаны с интересами землевладельцев. Свобода торговли озна-

чала преобразование всей внутренней и внешней финансовой и торговой политики Англии в соответствии с интересами промышленных капиталистов — класса, говорившего теперь от имени нации. И этот класс энергично принялся за дело. Всякое препятствие на пути промышленного производства беспощадно устранялось. В таможенном тарифе и во всей налоговой системе был произведен полный переворот. Все было подчинено одной единственной, но в высшей степени важной для промышленных капиталистов цели; этой целью являлось удешевление всякого сырья и в особенности всех средств существования рабочего класса, снижение издержек на сырье и удержание на низком уровне — пока еще не *снижение* — заработной платы. Англия должна была стать «мастерской мира»; все другие страны должны были стать для Англии тем, чем уже была Ирландия, — рынками сбыта для ее промышленных изделий, источниками сырья и съестных припасов. Англия — великий промышленный центр земледельческого мира, то промышленное солнце, вокруг которого вращается все большее число Ирландий, производящих зерно и хлопок. Какая величественная перспектива!

Промышленные капиталисты приступили к осуществлению этой великой своей цели с тем крепким здравым смыслом и с тем презрением к традиционным принципам, которые всегда отличали их от их более узколобых континентальных собратьев. Чартизм умирал. Вновь начавшийся расцвет промышленности, естественный после того как крах 1847 г. был вполне изжит, приписывался исключительно влиянию свободы торговли. Вследствие этих двух причин английский рабочий класс стал в политическом отношении придатком великой либеральной партии, — партии, которой руководили фабриканты. Раз достигнув этого выгодного положения, надо было закрепить его за собою. Оппозиция чартистов — не против свободы торговли как таковой, а против превращения свободы торговли в единственный насущный национальный вопрос, — показала фабрикантам и с каждым днем показывала им все яснее, что без помощи рабочего класса буржуазии никогда не удастся добиться полной социальной и политической власти над страной. Так постепенно изменялись взаимные отношения этих двух классов. Фабричные законы прежде были жупелом для всех фабрикантов; теперь фабриканты не только подчинялись им добровольно, но позволяли им распространиться почти на все отрасли промышленности. Тред-юнионы, еще недавно считавшиеся измышлением дьявола, теперь стали пользоваться вниманием и покровительством фабрикантов как вполне правомерные учреждения и как полезное средство для распространения среди рабочих здравых экономических учений. Даже стачки, которые до 1848 г. являлись собою худшее из зол, были теперь признаны подчас весьма

полезными, в особенности когда господа фабриканты в нужный им момент сами их вызывали. Из законов, которые лишили рабочих равенства в правах с их работодателями, самые возмутительные были упразднены, а некогда столь страшная «Народная хартия» стала в основном политической программой тех же фабрикантов, которые до самого последнего времени выступали против нее. *Отмена имущественного ценза и тайное голосование* были проведены законодательным путем. Законы о реформе 1867 и 1884 гг. сильно приближаются уже к *всеобщему избирательному праву*, по крайней мере в том виде, в каком оно существует теперь в Германии; новый проект закона об избирательных округах, обсуждаемый сейчас в парламенте, создает *равные избирательные округа*, в общем не более неравные, чем во Франции или в Германии. Уже намечаются, как несомненные достижения в ближайшем будущем, *вознаграждение депутатам* и сокращение срока мандатов, а может быть и *ежегодно переизбираемые парламенты*; и при всем том находятся люди, которые говорят, что чартизм умер.

У революции 1848 г., как и у многих ее предшественниц, были странные спутники и преемники. Те самые люди, которые ее подавили, стали, как говаривал Маркс, ее душеприказчиками. Луи Наполеон был вынужден создать единую и независимую Италию, Бисмарк был вынужден революционизировать Германию и восстановить независимость Венгрии, а английские фабриканты были вынуждены провести в жизнь Народную хартию.

Последствия этого господства промышленных капиталистов для Англии были вначале поразительны. Промышленность ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние замечательные успехи, достигнутые с помощью пара и машин, совершенно ступевались перед мощным подъемом производства за двадцать лет от 1850 до 1870 г., перед огромными цифрами вывоза и ввоза, перед богатством, накопившимся в руках капиталистов, и перед человеческой рабочей силой, сконцентрированной в крупных городах. Правда, этот подъем, как и прежде, прерывался кризисами, повторявшимися каждые десять лет; кризис был и в 1857 г. и в 1866 г.; но теперь эти рецидивы рассматривались как естественные неизбежные явления, с которыми приходится покорно мириться, но которые в конце концов всегда улаживаются.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение всегда сводилось на-нет притоком огромного числа рабочих из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом из сельских районов рабочего пополнения, также все более и более вытесняемого теперь машинами.

Длительное улучшение мы находим в положении только двух «привилегированных» слоев рабочего класса. К первому принадлежат фабричные рабочие. Законодательное установление сравнительно рациональных границ их рабочего дня восстановило их физическое здоровье и дало им некоторое моральное преимущество, еще усиленное их концентрацией в промышленных центрах. Их положение несомненно лучше, чем было до 1848 г. Это всего нагляднее доказывается тем, что из десяти стачек девять провоцируют сами фабриканты в своих собственных интересах, как единственное средство ограничить производство. Вы никогда не уговорите фабрикантов согласиться на сокращение рабочего дня, хотя бы их товары и вовсе не находили сбыта; но заставьте рабочих объявить стачку — и капиталисты все до одного закроют свои фабрики.

Второй слой составляют крупные тред-юнионы. Это — организации в таких отраслях промышленности, в которых применяется исключительно или главным образом труд *взрослых мужчин*. Ни конкуренция женского и детского труда, ни конкуренция машин не грозят пока еще сломить их организованную силу. Машиностроительные рабочие, плотники и столяры, каменщики и их подручные объединены в организации, из которых каждая в отдельности настолько сильна, что может, как это делают, например, каменщики, с успехом противостоять введению машин. Несомненно, их положение с 1848 г. значительно улучшилось; доказательством этому служит в первую очередь то, что за последние 15 с лишним лет не только хозяева были чрезвычайно довольны ими, но и они — хозяевами. Они составляют аристократию в рабочем классе; им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это положение они рассматривают как завоеванное раз и навсегда. Это примерные рабочие господ Леоне Леви и Гиффена, и они в самом деле очень милые люди, с которыми легко может стовориться всякий неглупый капиталист в отдельности и класс капиталистов в целом.

Что же касается широких масс рабочих, то уровень их нищеты и необеспеченности в настоящее время так же низок, как был всегда, если только не ниже. Ист-Энд Лондона представляет собой все более расширяющуюся трясику безысходной нищеты и отчаяния, голода в период безработицы, физической и моральной деградации при наличии работы. И если оставить в стороне привилегированное меньшинство рабочих, ту же картину мы видим и во всех других крупных городах, и в более мелких городах, и в сельских районах. Закон, ограничивающий *стоимость* рабочей силы стоимостью необходимых для нее средств существования, и другой закон, снижающий, как правило, ее *среднюю стоимость* до минимума этих средств существования, — оба эти закона действуют с непреодолимой си-

лой машины-автомата, которая давит рабочих между своими колесами.

Таково, стало быть, было положение, созданное установившейся с 1847 г. политикой свободы торговли и двадцатилетним господством промышленных капиталистов. Но затем наступил поворот. За кризисом 1866 г. последовало, правда, в 1873 г. слабое и кратковременное оживление, но оно продолжалось недолго. У нас не было, правда, полного кризиса тогда, когда он должен был произойти, в 1877 или 1878 г., но начиная с 1876 г. все главные отрасли промышленности не выходят из хронического состояния застоя. Нет ни полного краха, ни долгожданного периода промышленного расцвета, на который мы могли рассчитывать как до этого краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое затоваривание всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем почти уже десять лет. Чем же это вызвано?

Теория свободы торговли основывалась лишь на одной предпосылке — на том, что Англия должна стать единственным крупным промышленным центром земледельческого мира. На деле эта предпосылка оказалась совершенно несостоятельной. Условия существования современной промышленности, — сила пара и машина, — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь; а уголь есть не только в Англии, но и в других странах: во Франции, в Бельгии, в Германии, в Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они завели собственные фабрики и стали производить товары не только для себя, но и для остального мира; и в результате промышленная монополия, которой Англия пользовалась почти целое столетие, теперь безвозвратно ушла у нее из рук.

Но промышленная монополия Англии есть краеугольный камень существующего в Англии общественного строя. Даже когда эта монополия еще была в силе, рынки не поспевали за растущей производительностью английской промышленности; результатом были кризисы, повторявшиеся через каждые десять лет. А теперь новые рынки с каждым днем становятся все большей редкостью, так что даже неграм в Конго навязывают цивилизацию в виде ситцев из Манчестера, глиняной посуды из Стаффордшира и металлических изделий из Бирмингама. Что же будет тогда, когда континентальные и, в особенности, американские товары хлынут на рынки во все возрастающем количестве, когда львиная доля в снабжении всего мира, все еще принадлежащая английским фабрикантам, станет год от году уменьшаться? Что скажет в ответ Свобода Торговли, это универсальное средство?

Не я первый на это указываю. Уже в 1833 г., на съезде Британской ассоциации в Саутпорте, председатель ее экономической секции г. Инглис Палгрейв заявил, что «для Англии дни больших прибылей уже прошли, и дальнейшее развитие различных крупных отраслей промышленности приостановилось. Можно почти утверждать, что Англия переходит в стадию застоя».

Но чем же все это кончится? Капиталистическое производство не может стоять на месте: оно должно либо расти и развиваться, либо умереть. Уже теперь одно лишь ограничение львиной доли Англии в снабжении товарами мирового рынка означает застой, нищету, избыток капитала с одной стороны, избыток незанятых рабочих рук — с другой. Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет?

Вот она уязвимая точка, ахиллесова пята капиталистического производства. Постоянное расширение составляет необходимое условие его существования, а это постоянное расширение становится теперь невозможным. Капиталистическое производство упирается в тупик. С каждым годом перед Англией все более настойчиво встает вопрос: кто должен погибнуть — нация или капиталистическое производство? Кто из них обречен?

А рабочий класс? Если даже во время невиданного подъема торговли и промышленности с 1848 до 1868 г. ему приходилось жить в такой нищете; если даже тогда в положении громадного большинства рабочих в лучшем случае наступило лишь кратковременное улучшение и только незначительное привилегированное «охраняемое» меньшинство достигло прочных успехов, то что же будет, когда этот блестящий период придет к концу, когда нынешний застой не только усилится, но, усилившись, станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?

Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам временами кое-что перепало. Вот почему, с тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма. С крахом промышленной монополии Англии английский рабочий класс теряет свое привилегированное положение. Наступит день, когда он весь, — не исключая привилегированного и руководящего меньшинства, — окажется на таком же уровне, на каком находятся его товарищи в других странах. И вот почему в Англии снова появится социализм.

Напечатано в «Соттонвелл» № 2,
март 1885 г. Подпись: Фридрих Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI, ч. I, стр. 194—200.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ

в Лейпциг.

Лондон, 28 октября 1885 г.

Дорогой Бебель!

Провал Либкнехта в Саксонии огорчает меня из-за него лично, но, вообще говоря, это ему не повредит. Он придает своей популярности слишком большое значение и приносит ей больше жертв, чем следует; поэтому бесполезно, чтобы он, в конце концов, понял, что все уступки правым ни к чему не ведут, особенно при цензовых выборах, при которых они не дают ему даже голосов мелких буржуа.

Очень порадовали меня твои сообщения о независимом настроении масс. Господа из правого крыла, разумеется, поверят в него лишь тогда, когда некоторые из них испытают его на собственной шкуре; среда, в которой они вращаются, состоит из ничтожных клик, и то, что они там слышат, у них считается гласом народа. Когда-нибудь у них спадет повязка с глаз.

Хроническая депрессия во всех решающих отраслях промышленности продолжает царить и здесь, и во Франции, и в Америке. В особенности по железу и хлопку. Это — неслыханное положение, хотя оно и совершенно неизбежно вытекает из капиталистической системы; перепроизводство до того колоссально, что оно даже не может привести к кризису! Свободный, ищущий помещения капитал настолько возрос, что фактически учетный процент колеблется здесь между 1 и 1½ в год, и на краткие сроки, при ежедневной выплате или ежедневном востребовании назад (money at call), деньги можно поместить за какие-нибудь ½% годовых. Но именно то, что денежный капитал предпочитает так помещать свои деньги, а не вкладывать их в новые промышленные предприятия, показывает, насколько гнилым он считает все хозяйство. Эта боязнь новых капиталовложений и старой спекуляции, боязнь, обнаружившаяся уже

во время кризиса 1867 г., и является основной причиной того, что дело не доходит до острого кризиса. Но так или иначе он должен будет наступить, и тогда, надо надеяться, он положит здесь конец старым профессиональным союзам. Они преспокойно сохраняют отличавший их с самого начала цеховой характер, который с каждым днем становится все более невыносимым. Вы, вероятно, думаете, что в союзы механиков, строителей, каменщиков и т. д. может без всяких околичностей вступить каждый рабочий данной профессии? Об этом не может быть и речи. Тот, кто пожелает вступить в профессиональный союз, должен в течение ряда лет (чаще всего — семи) пробить учеником одного из членов этого союза. Эта мера должна была ограничивать число рабочих, но она оказалась совершенно бесполезной и привела только к тому, что мастер получал деньги, ничего за них фактически не делая. Это было еще терпимо до 1848 г. Но с тех пор грандиозный подъем промышленности создал целый класс рабочих, численно не уступающий и даже превышающий «обученных» рабочих, входящих в тред-юнионы; они работают не хуже, а часто и лучше последних, но никогда не могут стать членами союза. Эти люди *прямо-таки воспитаны* на цеховых правилах тред-юнионов. Но ты думаешь, что юнионам когда-либо приходило в голову отменить эту нелепицу? Ничуть не бывало. Я не припомню, чтобы мне довелось читать о подобном предложении, которое было бы внесено на каком-нибудь конгрессе тред-юнионов. Это дурачье хочет реформировать общество по своему образцу, а не себя в соответствии с развитием общества. Они цепляются за свой традиционный предрассудок, который им самим приносит только вред, вместо того чтобы отбросить весь этот хлам, удвоить тем самым свою численность и свою мощь и снова фактически стать тем, чем они теперь с каждым днем становятся все меньше и меньше, а именно — союзами всех рабочих данной отрасли против капиталистов. Это, я думаю, разъяснит тебе многое в поведении здешних привилегированных рабочих.

Здесь, прежде всего, необходимо, чтобы в парламент вошло как можно больше официальных рабочих вождей. Тогда дело быстро пойдет на лад: они не замедлят разоблачить себя сами. Выборы в ноябре дадут в этом отношении много, десять-двенадцать из них наверняка получают мандаты, если только их либеральные друзья в последнюю минуту не подложат им свинью. Первые выборы по новой системе всегда являются своего рода лотереей и раскрывают лишь маленькую частицу той революции, вступлением к которой они являются. Но всеобщее избирательное право, — а новое английское избирательное право, при отсутствии крестьянства и при передовой промышленной роли Англии, дает рабочим такую же силу, как германское всеобщее, — в настоящее время служит наилучшим рычагом про-

летарского движения, и таким рычагом оно станет и здесь. Вот почему так важно прикончить как можно скорее Социал-демократическую федерацию, вожди которой сплошь политические карьеристы, авантюристы и шелкоперы. Глава их, Гайндман, всячески помогает этому. Он не может дождаться, пока «на башне двенадцать пробьет», как поется в народной песне, и в погоне за успехом компрометирует себя с каждым днем все больше и больше. Это — жалкая карикатура на Лассала.

О французах, по-моему, ты судишь не вполне справедливо. Масса в Париже «социалистична» в смысле более или менее нейтрального среднего социализма, который постепенно дистиллировался из Прудона, Луи Блана, Пьера Леру и т. д. Единственный их опыт, связанный с коммунизмом, это «Утопия» Кабэ; опыт этот закончился образцовой колонией в Америке, т. е. бегством из Франции, грызней и полубанкротством в Америке. Все, что выходит за пределы этого, они получают из Германии, и немудрено, что Франция, — страна, где с 1789 по 1850 г. политические идеи не только каждый раз впервые получали острую формулировку, но и переводились на язык практики, — немножко упрямится, не желая подписать свою отставку от руководящей роли в области революционной теории, в особенности после славной Коммуны, и к тому же в пользу Германии, которую парижские рабочие фактически победили в 1870 г., так как немецкая армия не осмелилась занять Париж; это — факт, кстати сказать, неслыханный во всей военной истории. А вдобавок подумай: откуда было французским рабочим притти к более правильным взглядам? Ведь даже французское издание «Капитала» для них — книга за семью печатями, и не только для них, но и для образованных слоев. Единственное, что они знают, это мое «Развитие социализма», и оно действительно произвело ошеломляющее впечатление. Ни один из вождей не знает немецкого языка. Я не считаю Вайяна, так как у него, как у бланкиста, совсем иная тактика, чем у нас. Г-жа Лафарг взялась, наконец, за перевод «Манифеста» на хороший французский язык. Знакомство с теорией оставляет желать лучшего даже у вождей, и если бы ты знал Париж, ты бы понял, как там легко жить и агитировать, но как трудно работать всерьез. Итак, откуда у французских рабочих могли бы взяться правильные взгляды?

И еще одно — относительно выборов. У нас легко голосовать за социал-демократа, потому что мы единственная настоящая оппозиционная партия и потому что рейхстаг не имеет ведь никакого значения — так что избирателю, в конце концов, безразлично, голосовать ли за того или за другого и вообще за кого бы то ни было из породы «мы ведь все равно собаки». Впрочем, центр еще представляет собой партию с само-

стоятельной политикой. Но во Франции — совсем другое дело. Там палата — решающая сила в стране, и там не бросают на ветер свой избирательный бюллетень. Надо также помнить и то, что там гамбеттисты против монархистов, радикалы против гамбеттистов, это каждый раз — новый шаг вперед. Это подтверждается и на практике. В Германии с 1870 г. процветает юнкерская реакция, и все идет назад. Во Франции же теперь имеются лучшие в мире школы, обязательное обучение, и, в то время как Бисмарк не может справиться с попами, во Франции они совершенно вытеснены из школ. Наша германская армия, если не считать прироста социал-демократических элементов, — еще более подлое орудие реакции, чем когда бы то ни было. Во Франции всеобщая воинская повинность чрезвычайно приблизила армию к народу, и именно армия в первую очередь делает невозможной монархию (ср. 1878 г.). А если теперь к кормилу придут радикалы и будут принуждены провести в жизнь свою программу, то это будет означать: децентрализацию управления, самоуправление департаментов и общин, как в Америке и как во Франции в 1792—1798 гг., отделение церкви от государства, — каждый платит своему попу из своего кармана. Ни в Германии, ни во Франции мы пока еще не в состоянии руководить историческим развитием. Но из-за этого историческое развитие не стоит на месте. В Германской империи оно в данный момент идет, однако, назад, во Франции же неизменно движется вперед. Но наш черед придет — таков медленный, но неуклонный ход истории, — как только буржуазные и мелкобуржуазные партии на деле наглядно докажут свою неспособность к руководству страной и зайдут в тупик. (Если бы во Франции произошла революция, то в Германии наш черед наступил бы несколько раньше срока, но лишь в том случае, если нас подхватил бы европейский ураган.) Поэтому-то в известном смысле верный инстинкт парижских рабочих заставляет их поддерживать самую радикальную из возможных партий. Как только радикалы окажутся у кормила, тот же самый инстинкт толкнет рабочих в объятия коммунистов, так как радикалы связаны старой, путано-социалистической (а не коммунистической) программой и должны с ней провалиться. И вот тогда-то инстинкт и разум совладут, самой радикальной из возможных партий будет пролетарская партия, как таковая, и дело быстро двинется вперед. Но англичане и французы давно позабыли о своей дореволюционной девственности, тогда как мы, немцы, все еще тащим за собой это порой весьма обременительное украшение, поскольку мы еще ни разу не проделали самостоятельной революции. То и другое имеет свои преимущества и свои недостатки, но было бы очень несправедливо к различной позиции рабочих трех стран подходить с одним и тем же односторонним масштабом.

Книгу Адлера *, очень плоскую и основанную главным образом на Штибере, Каутский мне передал; я помогу ему подвергнуть ее критике.

Не приедешь ли ты еще как-нибудь сюда? Если дела приведут тебя на Рейн, то это было бы очень просто.

Твой Ф. Э.

---

* Адлер. „Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland“.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXVII, стр. 493—497.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

4 МАЯ В ЛОНДОНЕ.

Майский праздник пролетариата ознаменовал собою целую эпоху не только благодаря своей всеобщности, которая сделала его первым международным *действием* борющегося рабочего класса. Он дал также возможность констатировать чрезвычайно отрадные успехи движения в отдельных странах. И враги, и друзья согласны в том, что *из всех континентальных стран пролетарский праздник прошел самым блестящим и достойным образом именно в Австрии, а из австрийских городов — в Вене*, что австрийские, и в первую голову венские рабочие завоевали себе этим совершенно особое место в движении. Еще несколько лет тому назад австрийское движение находилось почти на точке замерзания, рабочие немецких и славянских коронных земель были расколоты на враждующие партии и расточали свои силы во взаимной борьбе; если бы кто-нибудь всего лишь три года тому назад стал утверждать, что Вена и вся Австрия 1 мая 1890 г. покажут всем пример того, как надо справлять пролетарский классовый праздник, — его подняли бы насмех. Не следует забывать об этом факте, когда нам приходится высказывать свое суждение о тех внутренних расприх, которые все еще поглощают силы рабочих других стран, как это происходит, например, во Франции. Кто же станет утверждать, что Париж не сможет сделать того, что сделала Вена?

Но 4 мая Вену затмил Лондон. Самым важным и самым великолепным во всем майском празднике я считаю то обстоятельство, что 4 мая 1890 г. *английский пролетариат*, проснувшись от сорокалетней зимней спячки, *снова включился в движение своего класса*. Чтобы понять это, необходимо ознакомиться с предисторией 4 мая.

В начале прошлого года самый обширный и самый бедный рабочий квартал в мире — Ист-Энд * Лондона — стал постепенно приходит в движение. 1 апреля 1889 г. был учрежден профессиональный союз рабочих газовых заводов и вообще работни-

* Ист-Энд — восточная часть Лондона, заселенная рабочими и беднотой. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

ков физического труда (Gas Workers and General Labourers Union); в настоящее время в нем насчитывается до 100 000 членов. При содействии главным образом этого заинтересованного союза (много рабочих работает зимой на газовых заводах, а летом в доках) происходила великая стачка докеров, которая вывела из состояния спячки даже низший слой рабочих восточной части Лондона. Теперь среди этих по большей части необученных рабочих стали один за другим возникать всё новые профессиональные союзы, а профессиональные союзы, которые там имелись уже и раньше, но владели жалкое существование, теперь быстро расцветали. Но между этими новыми *трэд-юнионами* и старыми была очень большая разница. Старые союзы, охватывающие только «обученных» рабочих, проникнуты духом исключительности; они совершенно не принимают рабочих, не прошедших цеховой выучки, и этим сами создают себе конкуренцию со стороны нецеховых рабочих; они богаты, но чем богаче они становятся, тем больше вырождаются они в простые больничные и похоронные кассы; они консервативны и открепиваются от социализма, насколько и пока это только возможно. Наоборот, новые союзы «необученных» принимают *каждого* товарища по профессии; все они в значительной степени, а союзы газовых рабочих — даже исключительно, являются стачечными союзами и стачечными кассами; и если в их рядах не все еще поголовно социалисты, то во всяком случае вождями своими они желают видеть только социалистов и никого другого. А социалистическая пропаганда ведется в Ист-Энде уже много лет; особенно много поработали здесь Элеонора Маркс-Эвелинг и ее муж Эдуард Эвелинг, которые за последние четыре года нашли в «радикальных клубах», состоящих почти исключительно из рабочих, благодарнейшую почву для пропаганды, которую они проводили с большой выдержкой и, как это обнаружилось в настоящее время, с огромным успехом. Во время стачки докеров г-жа Эвелинг была одной из трех женщин, занимавшихся распределением пособий, в благодарность за что г. Гайдман — беглец с Трафальгарского сквера — оклеветал их, заявив, будто они брали себе за это из стачечной кассы по три фунта стерлингов еженедельно. Стачкой в Сильвертауне, тоже в Ист-Энде, г-жа Эвелинг руководила прошлой зимой почти совсем одна; в комитете же рабочих газовых заводов она является представительницей организованной ею женской секции.

Прошлой осенью рабочие газовых заводов завоевали себе в Лондоне восьмичасовой рабочий день, но в южной части города, в результате неудачной стачки, они его затем снова потеряли, получив при этом достаточно доказательств того, что это завоевание и в северной части Лондона обеспечено далеко не навсегда. Что же удивительного в том, что они с готовностью

пошли на предложение г-жи Эвелинг провести в Лондоне принятый Парижским конгрессом майский праздник в пользу законодательного установления восьмичасового рабочего дня? Совместно с некоторыми социалистическими группами, с радикальными клубами и с другими *трэд-юнионами* Ист-Энда они образовали Центральный комитет, который должен был организовать для этой цели большую демонстрацию в Гайд-парке. После того как выяснилось, что всякая попытка устроить эту демонстрацию в четверг 1 мая обречена в этом году на неизбежную неудачу, решили перенести ее на воскресенье 4 мая.

Для того, чтобы по возможности *все* лондонские рабочие приняли участие в демонстрации, Центральный комитет с наивным простодушием пригласил также и лондонский Совет трэд-юнионов (Trade Council). Эта организация состоит из делегатов лондонских трэд-юнионов, главным образом от старых союзов «обученных» рабочих, и в нем, как и следует ожидать, большинство принадлежит пока антисоциалистическим элементам. Совет трэд-юнионов увидал, что движение в пользу восьмичасового рабочего дня грозит перерасти через его голову. Старые трэд-юнионы тоже за восьмичасовой рабочий день, но не за его законодательное установление. Восьмичасовой рабочий день они понимают так, чтобы за 8 часов работы выплачивали нормальную поденную плату, — столько-то за час, — но чтобы каждому было дозволено работать сверхурочно сколько угодно часов в день при условии повышенной оплаты каждого сверхурочного часа в размере, скажем, полутора или двух часов обычной работы. Для них, стало быть, задача состояла в том, чтобы направить демонстрацию по линии борьбы за такой рабочий день, который надо завоевать на основе «свободного» соглашения, но который не следует делать обязательным посредством парламентского акта. Для того, чтобы достичь этого, Совет трэд-юнионов объединился с Социал-демократической федерацией вышеупомянутого г. Гайндмана, с обществом, которое корчит из себя единоспасающую церковь английского социализма, которое вполне последовательно заключило союз на жизнь и на смерть с французскими поппулистами, послав делегацию на их конгресс, и которое поэтому заранее считало майский праздник, установленный марксистским конгрессом, прегрешением против духа святого. Движение перерастало через голову также и этого общества; однако примкнуть к Центральному комитету — это означало подчиниться руководству «марксистов», а вот если бы дело взял в свои руки Совет трэд-юнионов и если бы празднование состоялось не 1, а 4 мая, тогда это был бы уже не тот скверный «марксистский» майский праздник, и принять в нем участие было бы возможно. И хотя пункт о законодательном установлении восьмичасового рабочего дня входит в программу Социал-демократической феде-

рации, она с радостью приняла руку, протянутую ей Советом тред-юнионов.

Новые союзники, вступившие в это странное сожительство, устроили тут против Центрального комитета такую проделку, которая, правда, в политической практике английской буржуазии была бы признана не только вполне допустимой, но и чрезвычайно ловкой, но европейские и американские рабочие, по всей вероятности, сочтут ее чрезвычайно низкой. Дело в том, что при устройстве народных собраний в Гайд-парке их организаторы должны заранее заявить о своем намерении министерству общественных работ (Board of Works) и договориться там о подробностях, а именно получить разрешение на проезд по траве повозок, которые должны служить трибунами. При этом существует такое правило, что если одно собрание заявлено, то второго в этот день в парке устраивать нельзя. Центральный комитет, со своей стороны, подобной заявки еще не сделал; и как только объединившиеся против него организации провели об этом, они тотчас сделали заявку о собрании в парке на 4 мая и испросили разрешение на семь трибун, проделав все это, конечно, за спиной Центрального комитета.

Совет тред-юнионов и федерация полагали, что парк на 4 мая тем самым заарендован и что победа у них в кармане. Совет созвал тогда собрание делегатов тред-юнионов, на которое были приглашены также два делегата от Центрального комитета; последний послал на собрание троих, в том числе г-жу Эвелинг. Совет тред-юнионов держался с ними как хозяин положения. Он заявил, что принять участие в демонстрации и нести свои знамена могут *только* профессиональные союзы, стало быть, ни социалистические союзы, ни политические клубы не допускаются; каким же образом могла в таком случае принять участие в демонстрации Социал-демократическая федерация, — оставалось загадкой. Совет предложил собранию заранее заготовленный проект резолюции, из которого требование *законодательного* установления восьмичасового рабочего дня было *вычеркнуто*; предложение снова включить это требование не допустили ни к обсуждению, ни к голосованию. Наконец, Совет отказался допустить г-жу Эвелинг как делегатку, потому что она, мол, не является работницей физического труда (что неверно), хотя его собственный председатель, г. Шиптон, вот уж добрых 15 лет и не думал заниматься физическим трудом.

Рабочие из Центрального комитета были возмущены этой проделкой. Демонстрация, казалось, окончательно попала в руки двух организаций, представлявших лишь незначительное меньшинство лондонских рабочих. Казалось, остается только одно средство борьбы: взять штурмом трибуны Совета тред-юнионов, что и угрожали сделать рабочие газовых заводов. Тогда Эдуард Эвелинг отправился в министерство и добился

того, что вопреки существующим правилам Центральному комитету тоже было предоставлено право ввезти в парк семь трибун. Попытка перехватить демонстрацию в интересах меньшинства сорвалась; Совет тред-юнионов присмирел и был рад вести с Центральным комитетом переговоры об устройстве демонстрации на равной ноге.

Надо знать всю эту предисторию, чтобы вполне оценить характер и значение демонстрации. Устроенная по инициативе рабочих Ист-Энда, недавно вступивших в движение, она встретила такой повсеместный отклик, что две организации, относившиеся друг к другу не менее враждебно, чем обе они вместе относились к основной идее демонстрации, были вынуждены заключить союз, чтобы захватить в свои руки руководство и использовать собрание в своих интересах. С одной стороны консервативный Совет тред-юнионов, проповедующий равноправие капитала и труда, с другой стороны радикальничавшая Социал-демократическая федерация, болтающая везде, где только не опасно, о социальной революции, — оба соединились для низкой проделки, чтобы нажить себе капитал на ненавистной им обоим демонстрации. Благодаря этим событиям собрание 4 мая раскололось на две части. На одной стороне — консервативные рабочие, кругозор которых не выходит за пределы системы наемного труда, и рядом с ними узколобая, но властолюбивая социалистическая секта; на другой стороне — широкие массы недавно вступивших в движение рабочих, которые и слышать больше не желают о манчестерстве старых тред-юнионов, а стремятся самостоятельно завоевать себе полное освобождение, и завоевать его с теми союзниками, которых они сами избирали, а не с теми, которые навязывала им маленькая социалистическая клика. На одной стороне — застой, представленный тред-юнионами, которые сами еще не вполне освободились от цеховщины, и узколобой сектой, опирающейся на самых поганых союзников; на другой стороне — живое свободное движение вновь пробуждающегося английского пролетариата. И один уже внешний вид показывал воочию даже слепому, где на этом двойственном собрании была живая жизнь, а где — застой. Вокруг семи трибун Центрального комитета — густые, необозримые толпы, проходящие с музыкой и знаменами, свыше ста тысяч человек в колоннах, и в подкрепление к ним почти столько же пришедших в одиночку; повсюду единодушные, воодушевленные и в то же время полный порядок и организованность. У трибун же объединенных реакционеров, как раз наоборот, все выглядело тускло; их процессия — гораздо слабее, плохо организована, шла в беспорядке и большей частью запаздывала, так что они в некоторых местах только начинали, когда у Центрального комитета все уже было закончено. И между тем как либеральные вожди кой-каких

радикальных клубов и должностные лица некоторых тред-юнионов примкнули к Совету тред-юнионов, члены тех же самых союзов и даже четыре полных отделения Социал-демократической федерации маршировали в колоннах Центрального комитета. Несмотря на все это, и Совет тред-юнионов достиг все же некоторого успеха, однако решающий успех был на стороне Центрального комитета.

Буржуазные политики, большое количество которых наблюдало за демонстрацией, разошлись по домам с твердым убеждением, что английский пролетариат, который вот уже целых 40 лет был охвостьем великой либеральной партии и служил ей голосующей скотиной, пробудился, наконец, к новой самостоятельной жизни и деятельности. Нет уже никакого сомнения: 4 мая 1890 г. английский рабочий класс вступил в великую международную армию. А это — факт, знаменующий собою целую эпоху. Английский пролетариат опирается на самое передовое промышленное развитие и к тому же располагает наибольшей свободой политического движения. Его продолжительная зимняя спячка, — последствие с одной стороны краха чартистского движения 1836—1850 гг., с другой стороны колоссального промышленного подъема 1848—1880 гг., — наконец, нарушена. Внуки старых чартистов вступают в боевые ряды. Вот уже 8 лет, как в широких массах то там, то здесь происходит брожение. Возникли социалистические группы, но ни одна из них не поднялась выше уровня секты; агитаторы и мнимые партийные вожди, среди которых были и простые спекулянты и карьеристы, оставались офицерами без солдат. Почти каждый раз это бывало чем-то вроде знаменитой колонны Роберта Блюма в баденском походе 1849 г.: один полковник, 11 офицеров, один горнист и один рядовой. И склока между этими различными колоннами Роберта Блюма из-за права командования будущей пролетарской армией представляла собою мало утешительное зрелище. Теперь все это скоро прекратится, как прекратилось уже в Германии и в Австрии. Могучее движение масс положит конец всем этим сектам и группировочкам, вобрав в себя солдат и отведя надлежащие места офицерам. Кому это не нравится, тот может втихомолку убираться. Без трений дело не обойдется, но все пойдет своим чередом, и через некоторое время — скорее, чем многие ожидают, — английская пролетарская армия станет так же едина, так же хорошо организована, так же решительна, как любая другая, и все ее товарищи, и на континенте и в Америке, будут восторженно ее приветствовать.

Напечатана в газете «Arbeiter Zeitung». Wien, № 21 от 23 мая 1890 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1891 г.

(БРЮССЕЛЬ)

На съезде английских тред-юнионов в Ливерпуле (сентябрь 1890 г.) национальный совет Бельгийской рабочей партии пригласил тред-юнионы на международный конгресс, который должен был состояться в следующем году в Бельгии.

Мандат на созыв международного конгресса в Бельгии бельгийцы получили от POSSИБИЛИСТСКОГО конгресса. Марксистский конгресс (я пользуюсь таким названием для краткости) дал им, да и то не одним, а *вместе со швейцарцами*, только мандат на созыв конгресса; место конгресса определено не было.

Значит, если не предполагать намеренной двусмысленности, бельгийцы пригласили англичан на POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс — единственный, на самостоятельный созыв которого они имели мандат. И англичане приняли это приглашение с восторгом.

Невозможно будет объяснить молодым тред-юнионам простых необученных рабочих, что их доверие было обмануто; что в 1891 г. будет два конгресса, один хороший и один плохой, и что присутствовать они обещали именно на плохом. Это не только мое личное мнение, это также и мнение лиц, которые больше всех потрудились для вовлечения тред-юнионов в международное движение. Кампанию, подобную той, которую в 1889 г. провел против друзей POSSИБИЛИСТОВ в Англии «Sozialdemokrat», на этот раз нельзя было бы повторить с прежним успехом. — Если собираются два конгресса, то почему же не явились пригласить нас также и на другой, чтобы мы имели возможность выбирать? Теперь уж поздно. Вот что скажут эти практичные люди. Они приняли приглашение бельгийцев и поедут на конгресс, который состоится в Бельгии. Это совершенно несомненно, разве что бельгийцы и POSSИБИЛИСТЫ оттолкнут их от себя какими-нибудь совсем уж невероятными глупостями; но таких глупостей они не делают.

Создавшееся положение — неизбежное следствие ошибок, совершенных марксистским конгрессом. Самый важный вопрос, вопрос о будущем конгрессе, оставили неразрешенным. Хуже того, всякое разрешение этого вопроса сделали почти невозможным, поручив созыв конгресса *двум* национальным комитетам, бельгийскому и швейцарскому, без предварительного со-

глашения которых нельзя предпринять ни малейшего шага, — самое верное средство, чтобы не сделать ничего. К тому же бельгийцы, как и после Гаагской конференции, вместо того, чтобы держаться в рамках полученного мандата, стали действовать в собственных интересах. Они хотели обеспечить себе созыв конгресса в Бельгии, и они его созывают, не считаясь со своими товарищами по мандату, с швейцарцами. У меня во все нет желания подвергать сомнению искренность и добрые намерения бельгийского национального совета; но на деле, в силу взятой им линии поведения, он играет на-руку POSSIBИЛИСТАМ против нас. Вместо того чтобы осуждать других, признаем, что это лишь последствия наших собственных ошибок. (Не надо слишком осуждать их; мандат, который мы им дали, почти вынуждал их не принимать его буквально.)

Мы сами завели себя в какой-то тупик, поставили себя в положение, в котором мы не можем пошевелиться, между тем как наши соперники действуют. Как найти выход?

Прежде всего несомненно, что попытки предотвратить «скандал» двух соперничающих между собою рабочих конгрессов будут предприняты не только нами. А мы не сможем отклонить эти попытки, — наоборот, для нас чрезвычайно важно, чтобы ответственность за «скандал», если он повторится, пала на POSSИБИЛИСТОВ и их союзников. Всякий, у кого есть хоть какой-нибудь опыт в международном движении, знает, что в случае раскола тот, кто этот раскол вызвал или кого считают вызвавшим его, всегда виновен в глазах рабочих. Поэтому, если в 1891 г. будет два конгресса, сделаем так, чтобы вину за это не могли возложить на нас.

Если несомненно, что такие попытки объединения будут сделаны, должны ли мы пассивно их ожидать? Мы рисковали бы тогда тем, что в последнюю минуту POSSИБИЛИСТЫ и их союзники предъявят нам ультиматум, полный знакомых ловушек (мы-то их знаем), ловушек, скрытых под слащавой болтовней, так что широкая публика ничего дурного в нем не усмотрит, между тем как для нас он будет неприемлем, и тогда — в хорошем мы окажемся положении: нам останется либо принять предложение и с открытыми глазами идти в капкан, либо же отказаться от него и взять на себя перед рабочими ответственность за то, что по необъяснимому упрямству мы сорвали социалистическое единство!

Словом, положение для нас нестерпимо. Надо найти выход. Но как? Действием. Не будем больше полагаться на мандат, данный бельгийцам и швейцарцам; возьмем дело в собственные руки*.

* Следующие далее абзацы, поставленные в угловые скобки, в рукописи зачеркнуты. — Прим. ред. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса.

«Было ли бы объединение обоих конгрессов таким делом, о котором нам пришлось бы сожалеть? Разберем этот вопрос.

Мы можем рассчитывать наверняка на: 1) французских коллективистов и бланкистов (число которых еще уменьшилось вследствие массовых перебежек в лагерь буланжистов), 2) немцев, 3) австрийцев, 4) испанских социалистов, 5) датских «революционеров», составляющих $\frac{1}{5}$ датских социалистов, 6) шведов и, может быть, нескольких норвежцев, 7) швейцарцев, 8) русских и польских эмигрантов.

Соперничающий с нами конгресс состоял бы: 1) из французских POSSИБИЛИСТОВ; 2) английских тред-юнионов, которые были бы представлены в основной массе, и английской Социал-демократической федерации, которой пошел на пользу общий подъем движения в Англии; 3) бельгийцев; 4) голландцев; 5) испанских барселонских и др. синдикатов; 6) возможно, португальских синдикатов; 7) итальянцев; 8) датских «реформистов», составляющих $\frac{4}{5}$ всех социалистов Дании, которые привлекли бы, может быть, еще нескольких норвежцев.

В зависимости от обстоятельств бельгийцы и голландцы могут прислать своих представителей и к нам; зато швейцарцы способны послать нескольких представителей на POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс.

Отсюда следует, что на этот раз у POSSИБИЛИСТОВ будет гораздо более внушительная армия, чем в 1889 г. Если на нашей стороне будут немцы, то POSSИБИЛИСТЫ компенсируют это англичанами, которые для нас потеряны из-за нашего бездействия и нашей неловкости; во всем же прочем у них столько же национальностей, сколько и у нас, если не больше. А с их способностью фабриковать фиктивные мандаты и фиктивных представителей они оставят нас далеко позади себя. Прибавьте к этому, что если мы будем продолжать ту систему бездействия, которой следовали до сих пор, вина за раскол непременно падет на нас, что повлечет за собою новые потери в численном составе нашего конгресса.

Предположим теперь, что произошло слияние. Тогда наши силы возрастут за счет всех тех, кого «скандал» раскола заставлял до сих пор держаться нейтрально, — за счет бельгийцев, голландцев, итальянцев; к нам неизбежно примкнут новые английские тред-юнионы с их прекрасным человеческим материалом, еще не вполне устойчивым, но честным и умным. Мы уже пустили среди них корни; достаточно будет контакта с французскими коллективистами и с немцами, чтобы решительно приблизить их к нам, тем более, что Социал-демократическая федерация, отталкивающая их своими диктаторскими замашками, является завзятой союзницей POSSИБИЛИСТОВ. Бельгийцам нужны лишь такие конгрессы, на которых они могут играть видную роль, какую им и дали POSSИБИЛИСТЫ, а главное — им

нужен большой конгресс в Брюсселе. Если мы поможем им добиться, чтобы слияние совершилось *у них*, то фламандцы, представляющие лучший элемент в их рядах, будут на нашей стороне и уравновесят POSSИБИЛИСТСКИЕ тенденции брюссельцев. Голландцы — фанатические сторонники слияния, но они отнюдь не POSSИБИЛИСТЫ).

Каковы необходимые для нас условия?

1) Общий конгресс созывается теми, кто имеет мандат от обоих конгрессов 1889 г. Бельгийцы созывают его в силу мандата, полученного от POSSИБИЛИСТОВ; бельгийцы действуют совместно с швейцарцами в силу нашего мандата; форму нужно выработать.

2) Конгресс сам себе хозяин. Регламенты, повестки дня, резолюции предшествующих конгрессов для него не существуют. Он сам устанавливает свой регламент, способ проверки мандатов и свою повестку дня, не будучи связан какими бы то ни было прецедентами. Никакой комитет, ни назначенный одним из предыдущих конгрессов, ни созданный во время переговоров о слиянии, не имеет права связывать конгресс в чем бы то ни было.

3) Условия и пропорциональность представительства различных рабочих объединений устанавливаются заранее (желательны определенные предложения, но не мое дело вносить их).

4) Комитету, состав которого должен быть установлен, поручается разработать и представить конгрессу на утверждение проекты регламента, способа проверки мандатов и повестки дня.

*Переведено с рукописи Энгельса
на французском языке, хранящейся в
архиве ИМЭЛ.*

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI, ч. II, стр. 138—143.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

ГЕРМАНСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г.

О чем более интересном могу я сегодня рассказать германским рабочим, как не о предстоящем здесь, в Англии, первомайском празднике, который как раз в этом году будет иметь особенное значение? Если Германия теперь уже не та «благонравная детская», о которой говорил Генрих Гейне, то современная Англия тоже уже не та образцовая страна немецких мягкотелых катедер-социалистов, не та страна, где добрые тред-юнионы и успехи в рамках законности отнимают всякую почву у социалистических бредней. Все это теперь раз навсегда миновало. Потребовалось много времени, прежде чем рабочий класс Англии после своей славной борьбы, закончившейся поражением во времена чартизма, снова пришел в движение. Но теперь он несомненно пришел в движение. Еще недавно все здешние социалистические организации не подымались выше уровня простых сект, рядом с которыми старые тред-юнионы действительно могли казаться внушительной силой. Отсюда уверения немецких университетских пайнек, что английские рабочие хотят не упразднить систему наемного труда, а лишь «облагородить» ее. А как обстоит дело теперь? В рабочих массах все более и более пробуждается сознание, что их спасение заключается не столько в том, чтобы в борьбе с отдельными предпринимателями завоевывать более высокую заработную плату и более короткий рабочий день, а прежде всего в том, чтобы организованный в самостоятельную партию рабочий класс завоевал себе политические права, завоевал парламент. Впервые это обнаружилось при общих выборах 1892 г. Рабочие, борясь против *обеих* старых партий, провели трех своих кандидатов, а кроме того в двадцати с лишним избирательных округах крепко дали этим партиям почувствовать свою еще непопечатую силу. Это необычайно подняло у рабочих сознание собственного достоинства.

В Англии даже при нынешнем ограниченном избирательном праве рабочие имеют абсолютное большинство по меньшей мере

в 150 избирательных округах; если же пройдет внесенный правительством проект избирательной реформы, за ними будет большинство в 200 округах. А кроме того, в большинстве избирательных округов рабочие голоса уже теперь являются решающими. Совершенно ясно, что означает при таких условиях пробуждение в рабочих классового сознания. Рабочим достаточно пожелать, и Англией нельзя будет управлять против их воли. — Это пробуждение проявляется также и в подготовке к майскому празднику нынешнего года. Первый раз совещания проходят гладко, без ссор и мелкого завистничества, с единодушным энтузиазмом. И — что еще важнее — руководство принадлежит социалистам, и в первый раз этот праздник будет носить бесспорно социал-демократический характер.

13 марта 1893 г.

Напечатана в немецкой первомайской газете «Mai-Feier», 1893 г.

Подпись: Фридрих Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI, ч. II, стр. 361—362.

Ф. ЭНГЕЛЬС.

АВСТРИЙСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г.

Меня попросили написать несколько слов австрийским товарищам для их майской газеты. Что я могу вам сказать? Как нужно праздновать 1 мая, вы знаете лучше меня. Вы доказали это с самого начала. С 1890 г. австрийские рабочие из года в год показывали своим братьям во всех других странах, что значит настоящий первомайский праздник в пролетарском духе. Нигде не могли сравниться с вами или хотя бы только повторить ваш пример.

Действительно, в Австрии первомайский праздник имеет гораздо большее значение, чем где бы то ни было. В Германии можно было в 1890 г. указать на только что произведенные выборы в рейхстаг, явившиеся таким грандиозным смотром боевых сил немецкого рабочего класса, что перед этим бледнело всякое майское празднество. Во Франции на 1 мая 1892 г. пришлось коммунальные выборы, производившиеся на основе всеобщего избирательного права и тоже доставившие рабочим огромные победы; в день 1 мая там надо было работать на дело пролетариата, а не праздновать. Но у вас в Австрии рабочие еще не имеют права голоса, а как обстоит у вас дело со свободой печати и с правом союзов и собраний, это разъясняет, в ответ на запрос в рейхсрате, господин министерский советник (ministerialrat) барон фон-Чапка. И поэтому австрийские рабочие правы и еще раз правы, когда они требуют строгого проведения майского праздника при любых условиях. Для рабочих других стран этот праздник есть по преимуществу интернациональное дело; поэтому может случиться, что по особым местным причинам он должен будет отступить на второй план. Для австрийцев он является не только интернациональным, но также, а может быть и преимущественно, внутренним делом; поэтому у них он непременно и всегда стоит на первом плане.

Пусть же и в этом году он пройдет так же блестяще, как проходил до сих пор.

Напечатана в австрийской первомайской газете 1893 г.
См. „Victor Adler's Aufsätze, Reden und Briefe“ Н. J. Wien, 1922.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI, ч. II, стр. 363.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А

- АДЛЕР, Виктор (1852—1918) — 245.
АЛЕКСАНДР II (1818—1881) — 202, 203, 204.
АРКРАЙТ, Ричард (1732—1792) — 3.
АШВОРТ, Эдмунд — 11.
АШТОН — 8.

Б

- БАЛКАРИС — см. Кроуфорд-Балкарис.
БАЙРОН, Джордж-Гордон (1788—1824) — 24.
БАКУНИН М. А. (1814—1876) — 147, 181.
БАССИ, Питер — 16.
БАСТЕЛИКА, Андре (1846—1880) — 188.
БАРАГЭ ӘИЛЬЕ, Ашилл (1795—1878) — 70.
БАРТОН, Джон — 111.
БЕБЕЛЬ, Август (1840—1913) — 176, 223, 227, 233, 242.
БЕККЕР, Иоганн-Филипп (1809—1886) — 144, 146, 147, 148, 149.
БЕКЛИИ, Джемс — 144.
БЕНТАМ, Иеремия (1748—1832) — 24, 25.
БЕНТЛИ — 8.
БЕТЛЬ — 167.

- БЕРНАР, П. — 145.
БЕР — 186.
БЕРНС, Лицци — 106, 147, 148.
БЕРНШТЕЙН, Эдуард (1850—1932) — 223.
БИРЛИ — 14.
БИСМАРК, Отто (1815—1898) — 26, 102, 103, 128, 182, 185, 191, 223, 228, 238, 245.
БЛАН, Луи (1811—1882) — 244.
БЛЮМ, Роберт (1807—1848) — 252.
БОНАПАРТ — см. Наполеон III.
БОРКГЕЙМ, Сигизмунд-Людвиг (1825—1885) — 127, 147.
БРАЙТ, Джон (1811—1889) — 236.
БРЕЙ, Джон-Френсис (1809—1895) — 172.
БРАККЕ, Вильгельм (1842—1880) — 179, 182.
БРИССАК, Анри (1823—1906) — 226.
БРУТ, Марк-Юний (85—42 до хр. э.) — 173.
БРЮС, Генри-Остин (1815—1895) — 161.
БУИ, Казимир — 226.
БУН, Мартин-Джемс — 144.
БУХЕР, Лотар (1817—1892) — 127.
БЮРГЕРС, Генрих (1820—1878) — 115.
БЮШЕ, Филипп (1796—1865) — 134, 179.
БЭЛИ — 18.
БЭРЛИ — 18.

В

- ВАЙЯН, Эдуард (1840—1915)—244.
 ВАЛЬСТЕР — см. Отто-Вальстер.
 ВЕНКХЕЙМ, Бела — 159.
 ВЕРНЕР, Эрнст — 149.
 ВЕСТФАЛЕН, Эдгар (1819 —
 1890) — 105, 106.
 ВИЛЬГЕЛЬМ — см. Либкнехт.
 ВУД, Френсис — 9.

Г

- ГАЗЕНМАН, Давид (1790—1864)—
 138.
 ГАЗЕНКЛЕВЕР, Вильгельм (1837—
 1889) — 176, 182.
 ГАИНДМАН, Генри-Мейерс (1842—
 1921) — 228, 244, 248, 249.
 ГАММЕДЖ, Роберт-Джордж
 (1815—1888) — 60.
 ГАРИБАЛЬДИ, Джузеппе (1807—
 1882) — 105.
 ГАССЕЛЬМАН, Вильгельм—176,
 182.
 ГЕГГ, Аманд (1820—1897)—179.
 ГЕД, Жюль (Матье-Базиль, 1845—
 1922) — 223, 224, 226.
 ГИФФЕН, Роберт (1837—1910) —
 239.
 ГЕЙНЕ, Генрих (1797—1856) —
 257.
 ГЕЛЬВЕЦИИ, Клод - Адриан
 (1715—1771) — 24.
 ГЕНФРИ — 13, 27, 28, 30, 31, 32,
 33, 34, 35, 36, 37, 38.
 ГЕПНЕР, Адольф — 171.
 ГЕСКИСОН, Вильям (1771 —
 1830) — 42.
 ГЕСС, Моисей (1812—1872) — 102,
 104.
 ГИБСОН, Томас-Мильнер (1806—
 1884) — 32, 33.
 ГИРШ, Макс (1832—1905) — 221.
 ГЛАДСТОН, Вильям-Юарт (1809—
 1898) — 79, 206.
 ГОБСОН, Эдуард — 60, 63.
 ГОДАР — 226.

- ГОДВИН, Уильям (1756—1836)—
 24.
 ГОЛЬБАХ, Поль-Анри (1723 —
 1789) — 24.
 ГОРЧАКОВ, Михаил Дмитриевич
 (1793—1861) — 70.
 ГРЭХЕМ — 9.

Д

- ДЕВИЛЬ, Габриэль — 223, 224,
 226.
 ДЕ-ПАП, Сезар (1842—1890) —
 187.
 ДИДРО, Дени (1713—1784)—24.
 ДИЗРАЭЛИ, Бенджамин (1804—
 1881) — 206, 219.
 ДИНТЕР, И. Г. — 141.
 ДИЦГЕН, Иосиф (1828—1889) —
 131.
 ДЖЕМС — 9.
 ДЖОНСОН — 35, 105.
 ДЖОНС, Эрнст-Чарльз (1819—
 1869) — 60, 61, 64, 73, 75, 105.
 ДЖОНС, Ричард (1790—1855) —
 111.
 ДЖОРДЖ, Генри (1839—1897) —
 231.
 ДЮБАРРИ — 151.
 ДЮПОН, Джен — 144, 148.

Ж

- ЖОАННАР, Жюль (1843—1888)—
 144.
 ЖАБИЦКИЙ, Антон — 145, 149.

З

- ЗАНД, Жорж (1804—1876) — 46.
 ЗИБЕЛЬ, Генрих (1817—1895) —
 169.
 ЗИНГЕР, Пауль (1844—1911) —
 233, 235.

И

- ИБЕТСОН — 8.

К

- КАБЭ, *Этьен* (1788—1856) — 185, 244.
 КАМПЕРИО, *Филипп* (1810 — 1882) — 163.
 КАУТСКИЙ, *Карл* (1854—1938) — 246.
 КИТЧЕН — 8.
 КОБДЕН, *Ричард* (1804—1865) — 30.
 КОГЕН, *Джен* — 165, 166.
 КОН, *Дж.* — 145.
 КРОМПТОН — 8.
 КРОППЕР, *Кларк* — 75.
 КРОУФОРД (*БАЛКАРИС*), *Джеймс-Линсдей* (1783—1869) — 68.
 КРЮГЕР, *Б.* — 141.
 КУНЕН, *Филипп* — 165.

Л

- ЛАССАЛЬ, *Фердинанд* (1825 — 1864) — 133, 134, 136, 147, 178, 179, 182, 185, 244.
 ЛАФАРГ — *см.* *Маркс, Лаура.*
 ЛАФАРГ, *Поль* (1842—1911) — 144, 148, 224, 225, 226.
 ЛЕВИ, *Леон* (1821—1888) — 239.
 ЛЕКРАФТ, *Бенджамин* (1809 — 1897) — 144, 145, 164.
 ЛЕССНЕР, *Фридрих* (1825 — 1910) — 144.
 ЛЕРУ, *Пьер* (1797—1871) — 244.
 ЛИБКНЕХТ, *Вильгельм* (1826 — 1900) — 102, 129, 131, 176, 181, 182, 186, 188, 229, 233, 234, 235, 242.
 ЛИНКОЛЬН, *Авраам* (1809 — 1865) — 143.
 ЛИМБУРГ, *В.* — 144.
 ЛИЦЦИ — *см.* *Бернс Лицци.*
 ЛИЧ, *Джеймс* — 30.
 ЛОВЕТ, *Уильям* (1800—1877) — 15.
 ЛОУ, *Гарриэт* — 144.
 ЛУИ-ФИЛИПП (1773—1850) — 81.

М

МАВР — *см.* *К. Маркс.*

- МАДЗИНИ, *Джузеппе* (1805—1872) — 195.
 МАК-КУЭРРИ — 9.
 МАК-ФЕРСОН — 9.
 МАККИАВЕЛИ, *Николо* (1469—1527) — 156.
 МАЛОН, *Бенуа* (1841—1893) — 223, 224, 225.
 МАЛЬТУС, *Томас-Роберт* (1766—1834) — 178.
 МАРКС, *Карл* (1818—1883) — 131, 144, 146, 169, 179, 180, 181, 183, 184, 186, 187, 223, 225, 227, 228, 238.
 МАРКС, *Лаура* (1845—1911) — 127, 224, 244.
 МАРКС, *Элеонора* (1856—1898) — 147, 148, 227, 248, 249, 250.
 МАРЭ, *Анри* (1838—1917) — 226.
 МАССАР — 226.
 МЕЗЕР, *Юстус, фон* (1720—1794) — 115.
 МЕЙЕР, *Рудольф* (1833—1899) — 228.
 МЕЙНЕР, *Отто* — 27.
 МЕЛЛОР — 32.
 МЕНЕНИЙ, *Агриппа* — 10.
 МИКЕЛЬ, *Иоганн* (1828—1901) — 115, 225.
 МИЛНЕР, *Джордж* — 144.
 МОД, *Даниэль* — 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37.
 МОЛЬ, *Иосиф* — 47, 48.
 МОЛОХ — 83.
 МОНК — 32, 33, 34.
 МОРЛЕЙ, *Самуэль* — 147.
 МАНТЕЙФЕЛЬ, *Отто-Теодор* (1805—1882) — 95.
 МЭЙН, *Ричард* — 66.
 МЮЛЛЕР, *Антон* — 145.

Н

- НАПОЛЕОН III, *Луи Бонапарт* (1808—1873) — 56, 128, 130, 140, 156, 198, 201, 238.
 НЕЙМАЙЕР, *Людвиг* — 148, 149.
 НЕРОН, *Клавдий* (37—68) — 81.
 НИКОЛАЙ I (1796—1855) — 204.

О

- ОДЖЕР, Джордж (1820—1877)—
129, 144.
О'КОННОР, Фергус (1794—1855)—
73.
ОЛИВЬЕ, Эмиль (1825—1913)—172.
ОСТЛЕР, Ричард (1789—1861)—16.
ОТТО-ВАЛЬСТЕР, Август — 186.
ОУЭН, Роберт (1771—1858)— 22,
42, 83, 172, 185.

П

- ПАЛЬГРЕЙВ, Инглиз (1827—
1919)— 241.
ПАЛЬМЕРСТОН, Генри-Джон-
Темпл (1784—1865)— 73, 74, 84.
ПЕЛЛАТ, Эпсли (1791—1863)—60.
ПИЛЛИНГ, Ричард — 29.
ПИЛЬ, Роберт (1788—1850)—29, 68.
ПИКАР — 226.
ПОЛЛАКИ, Игнатий-Пасел — 226.
ПОЛЛИНГ — 13, 27, 28, 29, 30,
31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.
ПОТТЕР, Джордж (1832—1893)—
129.
ПРУДОН, Пьер-Жозеф (1809—
1865)— 24, 39, 40, 41, 42, 134, 172,
173, 178, 180, 184, 244.
ПТИ, Женни — 157.
ПЭНДЖИН, 8.

Р

- РАММ, Герман — 182, 183.
РАМСЕЙ, Джордж (1800—1871)—
111.
РАСПАЙЛЬ, Франсуа (1794 —
1878)— 152.
РЕСТОН, Бенджамин — 64.
РИД — 37.
РИКАРДО, Давид (1772—1823)—
110, 111, 178, 178, 214.
РИХТЕР Ф. В. — 141.
РОБЕРТ — 10.

- РОБЕРТС, Уильям-Проутинг
(1806—1871)— 32, 33.
РОЗ, Джордж (1744—1818)— 108.
РОСС — 144.
РОХОВ, Густав-Адольф (1792—
1847)— 141.

С

- САЙМОНС, Джеллинггер-Коксон
(1809—1860)— 3.
САЛМОН — 31, 32.
СЕН-СИМОН, Клод-Анри (1760—
1825)— 172.
СЕНИОР, Вильям (1790—1864)—83.
СИЛЬВИС, Вильям (1828—1869)—
149, 161.
СИСМОНДИ, Жан-Шарль-Леонард
(1773—1842)— 111.
СКОТТ — 32.
СЛЕНИ, Роберт-Эглайонди (1792—
1862)— 61.
СМИТ, Адам (1723—1790)— 111.
СМИТ — 9.
СМИТ, Эдуард — 78.
СОЛОМОН — 30, 31.
СТЕПНИ, Кауел-Вильям-Фредерик
(1820—1872)— 144, 145, 162.
СТЕРДЖ, Джозеф (1793—1859)—
19, 20.
СТИВЕНС, Джозеф-Рэнер (1805—
1879)— 16, 21.

Т

- ТЕЛЬКЕ, Карл-Вильгельм (1817—
1893)— 176, 182.
ТЕССЕНДОРФ, Герман (1831—
1895)— 185.
ТОРНТОН, Вильям-Томас (1813—
1880)— 108.
ТУРНЕИЗЕН, Эдуард (1824—
1890)— 151.
ТУССИ — см. Маркс, Элеонора.
ТЬЕР, Луи-Адольф (1798—1877)—
198, 201.
ТЕЙЛОР, Джон (1804—1841)—16.

У

- УАЙТ — 8.
УОРРЕН, Дж. — 144.
УЭСТОН, Джон — 105, 110, 144,
164.

Ф

- ФИРДОУСИ, Абдул-Касим (935—
1020) — 147.
ФОЛЬМАР, Георг-Генрих (1850—
1922) — 223, 224.
ФРЕД — см. Энгельс.
ФРОСТ, Джон (1785—1877) — 16.
ФОШ, Леон (1803—1854) — 40.
ФУРЬЕ, Шарль (1772—1837) — 172.

Х

- ХЕЙЛЗ, Джон — 144.
ХЕНТ, Генри (1773—1835) — 73.

Ч

- ЧАПКА — 259.

Ш

- ШАК, Адольф (1815—1894) — 147.
ШВАМКРУГ Ф. В. — 141.
ШВЕЙЦЕР, Иоганн-Баптист
(1833—1875) — 102, 129, 130, 131.
ШАРП — 10.
ШАРПС — 35, 36.
ШЕЙЛОК — 182.
ШЕЛЛИ, Перси-Биши (1792 —
1822) — 24.
ШЕНБУРГ — 138, 139.

- ШЕРБЮЛЬЕ, Антуан-Элизе
(1797—1869) — 111.
ШИПТОН, Джордж — 221, 250.
ШМИДТ — 226.
ШОРЛЕММЕР, Карл (1834 —
1892) — 229.
ШОУ, Роберт — 144.
ШРАММ, Карл-Август — 169.
ШТИБЕР, Вильгельм (1818—
1882) — 185, 246.
ШТРАУС, Давид-Фридрих (1808—
1874) — 24.
ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ, Франц-Германь
(1808—1883) — 115, 134.

Э

- ЭВЕЛИНГ, Эдуард (1851—1898) —
248, 250.
ЭВЕЛИНГ, Элеонора — см. Маркс,
Элеонора.
ЭДГАР — см. Вестфален, Эдгар.
ЭНГЕЛЬС (1820—1895) — 102, 105,
127, 129, 248.
ЭККАРИУС, Иоганн-Георг (1818—
1889) — 144, 145, 162, 164, 167, 187.
ЭНСВОРТ — 8.
ЭППЕЛЬГАРТ, Роберт (1834—
1924) — 144, 162.
ЭРМЕН, Готфрид — 147.

Ю

- ЮНГ, Герман (1830—1901) — 145.
ЮР, Эндрю (1778—1857) — 10, 11,
83.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ф. Энгельс</i> ИЗ КНИГИ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» (1845 г.)	1
<i>Ф. Энгельс</i> ОДНА ИЗ АНГЛИЙСКИХ ЗАБАСТОВОК. ДОПОЛНЕНИЕ К КНИГЕ «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ» (1846 г.)	26
<i>К. Маркс</i> ИЗ КНИГИ «НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ» (1847 г.)	39
<i>К. Маркс и Ф. Энгельс</i> ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА КОММУНИСТОВ (1850 г.)	47
<i>К. Маркс</i> РАБОЧИЕ ЗАБАСТОВКИ. — НАРОДНАЯ ХАРТИЯ (1853 г.)	58
<i>К. Маркс</i> ПОВЫШЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ЦЕН. — ХОЛЕРА. — ЗАБАСТОВКИ. — ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ МОРЯКОВ (1853 г.)	65
<i>К. Маркс и Ф. Энгельс</i> ЗАБАСТОВКИ. — ЛОКАУТЫ (1853 г.)	68
<i>К. Маркс</i> ВОЙНА. — СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1853 г.)	70
<i>К. Маркс</i> ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1853 г.)	72
<i>К. Маркс</i> РАБОЧИЙ ПАРЛАМЕНТ. — ПИСЬМО МАРКСА (1854 г.)	75
<i>К. Маркс</i> УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ (1864 г.)	77
<i>К. Маркс</i> ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ	86

<i>Ф. Энгельс.</i>	
ИЗ СТАТЬИ «ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ» (1865 г.)	89
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1865 г.)	102
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1865 г.)	105
<i>К. Маркс</i>	
ИЗ ДОКЛАДА «ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ» (1865 г.)	107
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО ЛЮДВИГУ КУГЕЛЬМАНУ (1866 г.)	114
<i>К. Маркс</i>	
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ (1866 г.)	116
<i>К. Маркс</i>	
ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ (1866 г.)	118
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1867 г.)	127
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1868 г.)	129
<i>Ф. Энгельс</i>	
ПИСЬМО К. МАРКСУ (1868 г.)	131
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО ИОГАННУ-БАПТИСТУ ФОН-ШВЕЙЦЕРУ В БЕРЛИН (1868 г.)	133
<i>Ф. Энгельс</i>	
ДОКЛАД О ТОВАРИЩЕСТВАХ ГОРНЯКОВ В УГОЛЬНЫХ КОПЯХ САКСОНИИ (1869 г.)	137
<i>К. Маркс</i>	
ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНОМУ РАБОЧЕМУ СОЮЗУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ (1869 г.)	143
<i>Ф. Энгельс</i>	
ПИСЬМО К. МАРКСУ (1869 г.)	146
<i>К. Маркс</i>	
ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1869 г.)	148
<i>К. Маркс</i>	
ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ЧЕТВЕРТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ (1869 г.)	150

<i>К. Маркс</i>	ЛОКАУТ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ В ЖЕНЕВЕ (1870 г.)	.163
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО ФИЛИППУ КУНЕНУ (1871 г.)	.165
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО ГЕОРГУ ЭККАРИУСУ (1871 г.)	.167
<i>Ф. Энгельс</i>	ИЗ ПИСЬМА АДЛЬФУ ГЕПНЕРУ (1872 г.)	.169
<i>К. Маркс</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ (1873 г.)	.170
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ (1875 г.)	.176
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО АВГУСТУ БЕБЕЛЮ (1875 г.)	.184
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО ИОАННУ-ФИЛИППУ БЕККЕРУ (1876 г.)	.187
<i>Ф. Энгельс</i>	ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 г. (1878 г.)	.189
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ (1879 г.)	.206
<i>Ф. Энгельс</i>	СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ (1881 г.)	.208
<i>Ф. Энгельс</i>	СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА (1881 г.)	.211
<i>Ф. Энгельс</i>	ТРЕД-ЮНИОНЫ (1881 г.)	.214
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО ДЖ. ШИПТОНУ (1881 г.)	.221
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ (1882 г.)	.223
<i>Ф. Энгельс</i>	ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ (1883 г.)	.227
<i>Ф. Энгельс</i>	ИЗ ПИСЬМА А. БЕБЕЛЮ (1884 г.)	.230
<i>Ф. Энгельс</i>	ИЗ ПИСЬМА А. БЕБЕЛЮ (1884 г.)	.232

<i>Ф. Энгельс</i> ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ (1884 г.)	.233
<i>Ф. Энгельс</i> АНГЛИЯ В 1845 и 1885 годах (1885 г.)	.236
<i>Ф. Энгельс</i> ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ (1885 г.)	.242
<i>Ф. Энгельс</i> 4 МАЯ В ЛОНДОНЕ (1890 г.)	.247
<i>Ф. Энгельс</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ КОНГРЕСС 1891 г. (1891 г.)	.253
<i>Ф. Энгельс</i> ГЕРМАНСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г. (1893 г.)	.257
<i>Ф. Энгельс</i> АВСТРИЙСКИМ РАБОЧИМ К 1 МАЯ 1893 г. (1893 г.)	.259
Указатель имен	.261

Составители:
М. КОМИССАРОВ и М. ФАЛИН.

Ответств. за выпуск
Р. Нечепуренко.

Переплет и техн. редакция
Г. Рогинского.

***

Сдано в набор 24/X 1940 г.
Подписано к печати 20/XII 1940 г.
Форм. бум. $60 \times 92 \frac{1}{16}$. 17 $\frac{1}{4}$ п. л.
44 000 зн. в п. л. 680 000 авт. зн.
Л71421, Заказ № 1164. Тираж 10 000

Отпечатано в тип. Профиздата.
Москва, Крутицкий вал, 18.

Цена 5 руб.

Переплет 1 р. 50 к.